КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Историческій журналъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Н. А. Гиричъ, Трехсвятительская улица, соб. домъ № 14.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. А. И. ГЕРЦЕНЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ. (Отрывокъ изъ ст. М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія) . . . . . 1—35
II. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА . . . . 36—63
III. СГОВОРЪ МАЛОЛѢТНИХЪ. (Страница изъ исторіи брачного права на украинѣ XVI. в.) *Ор. Левицкаго* . . . . . 64—72
VI. ВЕСНЯНА ПОВИДЬ. Повисть. Част. I. *М. Чернявського* . . 73—128
V. НА СВЯТЪ ВЕЧИРЪ. (Риздвяне оповидання). *Л. Яновської.* 129—133

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку, въ 1762 году. Сообщ. *Н. П.*; б) О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губерніи. Сообщ. *Иванъ Абрамовъ;* в) Къ исторіи взаимныхъ отношеній малороссійскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей въ XVIII. вѣкѣ. Сообщ. *Вл. П-ко;* г) Заговоръ отъ бешыхи (Записанъ въ д. Ново-Александровкѣ, Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губ. 1—13
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 13—19
ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—8

Результаты конкурса, объявленнаго редакціей журнала „Кіевская Старина“ въ 1905 году.

Въ началѣ 1905 года нашей редакціей объявленъ былъ конкурсъ для представленія на преміи беллетристическихъ произведеній на украинскомъ языкѣ, при чемъ было опредѣлено 3 преміи — по 100 руб., по 75 руб. и по 50 руб. за печатный листъ.

Ко времени истеченія срока конкурса, т. е. къ 1 октября 1905 года, было всего представлено 6 рукописей, изъ которыхъ одна, подъ заглавіемъ „Весняна повидь“ (девизъ—Азраллъ) признана заслуживающей *второй преміи*. По вскрытіи конверта съ означеннымъ девизомъ, авторомъ этой повѣсти оказался *М. Чернявський*. Первая часть этой повѣсти помѣщена въ настоящей книжкѣ журнала.

Редакція покорнѣйше проситъ г.г. авторовъ остальныхъ пяти рукописей сообщить, указавши заглавія своихъ произведеній и девизъ, по какому адресу должны быть возвращены имъ ихъ рукописи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

ЯНВАРЬ.

Кіевъ.
Типо-литографія Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., соб. д., № 14.
1906.

А. И. Герценъ и его отношеніе къ польско-украинскому вопросу.

(Отрывокъ изъ ст. М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія“).

Въ настоящее время, когда, можетъ быть, на близкой очереди будетъ стоять вопросъ объ урегулированіи отношеній національностей, входящихъ въ составъ Россійской имперіи, мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ въ историческомъ журналѣ дать рядъ справокъ о томъ, какъ эти отношенія слагались въ болѣе или менѣе отдаленномъ отъ насъ прошломъ, и какъ различныя лица, сыгравшія видную роль въ нашей общественности, опредѣлились въ своихъ основныхъ взглядахъ по этимъ вопросамъ. Конечно, насъ болѣе всего интересуютъ тѣ перекрестныя отношенія, которыя исторически устанавливались для украинскаго народа въ связи съ сосѣдями—великоруссами и поляками. Въ послѣдней книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ мы помѣстили статью „Украинскій вопросъ въ его историческомъ освѣщеніи“, взявши въ основаніе нѣсколько главъ изъ прекраснаго труда покойнаго М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія“ [1]). Въ этихъ главахъ дана была историческая справка о томъ, какъ уже въ очень давнія времена сложились неблагопріятно условія перекрестныхъ отношеній славянскихъ народовъ,

---

[1]) Первоначально напечат. въ Женевѣ въ изд. „Вольное Слово“ за 1881 г. и въ томъ-же году и тамъ-же издано отдѣльной книгой; вторично издано въ „Парижѣ въ 1905 г. въ „Собраніи политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова. Т. I“.

занявшихъ великую восточную равнину Европы съ продолженіемъ ея на западъ до нижней Эльбы, и какъ въ теченіе ряда вѣковъ эти условія оказывали вліяніе на ненормальный ходъ въ жизни украинскаго народа, вплоть до позднѣйшаго времени, т. е. до конца 50-хъ годовъ 19-го вѣка. Въ эти годы, какъ въ польской, такъ и въ русской политической литературѣ особенно много было удѣлено вниманія русско-польско-украинскимъ отношеніямъ. По вопросамъ этимъ высказался не одинъ разъ и знаменитый А. И. Герценъ, мнѣнія котораго, какъ человѣка съ превосходнымъ политическимъ образованіемъ и съ чуткимъ пониманіемъ политическихъ явленій, не могутъ не представлять глубокаго интереса при изученіи исторіи сложныхъ и запутанныхъ національныхъ взаимоотношеній.

Такъ какъ взгляды А. И. Герцена на этотъ вопросъ мастерски освѣщены и критически разработаны въ нѣсколькихъ главахъ упомянутой статьи М. П. Драгоманова, то мы думаемъ, что читатели не посѣтуютъ насъ, если мы приведемъ здѣсь эти главы цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что статья эта до сихъ поръ мало распространена въ Россіи.

В. Н.

По всему видно, что Герценъ не имѣлъ спеціальныхъ свѣдѣній объ исторіи и этнографіи „западныхъ провинцій“ Россіи и даже врядъ ли читалъ труды, напримѣръ, Костомарова. Запасъ фактическихъ свѣдѣній его по этому предмету не превосходилъ того, какой имѣлъ средній столичный русскій литераторъ того времени, т. е. былъ очень невеликъ. Но зато Герценъ имѣлъ превосходное общее политическое образованіе и, кромѣ того, громадный и въ высшей степени чуткій къ реальнымъ чертамъ политическихъ явленій умъ и большой запасъ наблюденій надъ политическою жизнью разныхъ народовъ современной ему эпохи. Это же все, вмѣстѣ взятое, давало ему возможность въ спокойное время вѣрно угадывать основныя черты польскаго вопроса въ Россіи—правду и фальшь стремленій польскихъ „историческихъ“ патріотовъ всѣхъ оттѣнковъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Теперь, въ особенности послѣ изданія его „Посмертныхъ статей“, видно, что идейная солидарность Герцена съ польскими патріотами была, въ сущности, очень не велика. Кромѣ сильныхъ теоретическихъ разногласій и критическаго отношенія Герцена къ основамъ польскихъ „историческихъ“ стремленій,

основамъ, которыя польскіе патріоты принимали, какъ догматъ вѣры, солидарности этой мѣшала сильная примѣсь спеціально великорусскаго національнаго элемента къ идеямъ этого, повидимому, крайняго западника. При всемъ своемъ западничествѣ и полуиностранномъ происхожденіи, Герценъ живо чувствовалъ свою кровную связь съ великорусскимъ племенемъ, къ которому (а вовсе не одному только правительству) накопилось слишкомъ много антипатій у средняго польскаго дѣятеля [1]). Кромѣ того, Герценъ имѣлъ и общеисторическую философскую доктрину, которая мало гармонировала съ стремленіями польскихъ патріотовъ, потому что и подъ нею была подложена специфическая великорусская основа. При всемъ своемъ вольтеріанствѣ и сенсимонизмѣ, Герценъ былъ собственно московскій славянофилъ или, лучше, великоруссофилъ, который стремился и вольтеріанству, и соціализму придать великороссійскую общину. По своей историко-философской подготовкѣ Герценъ,—какъ и Константинъ Аксаковъ и ихъ другіе московскіе товарищи, — былъ гегеліанецъ. По ученію же Гегеля все развитіе человѣчества идетъ ступенями, но при томъ такъ, что каждая ступень воплощается въ одну извѣстную націю. По Гегелю, послѣдняя ступень развитія представляется германцами (преимущественно пруссаками), при чемъ дальнѣйшей смѣны господствующей націи не предполагалось, такъ что самъ Герценъ смѣялся, что, по гегеліанцамъ, богъ живетъ теперь въ Берлинѣ. Но московскіе гегеліанцы только перенесли этого бога отъ германцевъ къ славянамъ, а между ними, конечно, къ великоруссамъ, при чемъ соціалисты, какъ Герценъ, соединили ученіе о грядущей смѣнѣ германскаго періода исторіи славянскимъ съ ученіемъ о предстоящей замѣнѣ господства буржуазіи торжествомъ рабочихъ классовъ. Такое ученіе, подпираемое еще и до сихъ поръ не перестающею пугать Европу фразой Наполеона I: dans 50 ans l'Europe sera républicaine ou cosaque", Герценъ развилъ въ нѣсколькихъ брошюрахъ на разныхъ языкахъ (Старый міръ и Россія, Соціализмъ и Россія и пр.) и постоянно возвращался къ нему въ „Колоколѣ". У самого Герцена это ученіе умѣрялось широкимъ образованіемъ и терпимостью огромнаго ума, но у многихъ москвичей, даже эмигрантовъ, какъ напр. Мартьянова, оно доходило до отрицанія правъ невеликорусскихъ народовъ на отдѣльное существованіе. Во всякомъ случаѣ

[1]) См. Сборникъ посмертныхъ статей, стр. 210—211.

ученіе это дѣлало и изъ Герцена теоретическаго противника полнаго отдѣленія Польши, такъ какъ, по этому ученію, Польша, хоть и славянская страна, но утратившая подъ вліяніемъ запада сельскую общину, сохранившуюся въ Великороссіи, нуждалась въ союзѣ съ послѣдней въ критическій моментъ всемірно-историческаго перелома.

Но не раздѣляя, такимъ образомъ, по разнымъ соображеніямъ, идей польскихъ патріотовъ касательно необходимости отдѣленія Польши отъ Россіи, Герценъ, конечно, глубоко уважалъ въ полякахъ страданіе, любовь къ независимости и свободѣ и энергію въ борьбѣ за нее и признавалъ право на рѣшительное слово въ вопросѣ о судьбѣ Польши только за поляками: „Если Польша захочетъ другого рѣшенія,—говорилъ онъ,—да будетъ ея воля!“ Вся бѣда была въ томъ, что Герценъ довольно смутно представлялъ, что собственно такое Польша, и, при всемъ уваженіи къ народамъ передъ государствомъ, все таки способенъ былъ забыть, что слова „Польша“ и „Россія“,—а теперь особенно послѣдняя,—представляютъ собою собственно государства, а не народы, и что для уразумѣнія интересовъ этихъ послѣднихъ,—какъ напр. въ данномъ случаѣ интересовъ литовцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ,—нужно прежде всего отрѣшиться отъ привычки поляковъ и великоруссовъ ставить вопросъ только между „Россіей“ и „Польшей“.

Съ самаго начала своей публицистической дѣятельности Герценъ не пропускалъ случая высказаться о польскомъ вопросѣ,—но до 1859 г. его слова не выходили за предѣлы общихъ выраженій сочувствія къ Польшѣ, какъ къ странѣ страждущей подъ чужимъ игомъ. Систематически и съ подробностями высказался Герценъ о польскомъ вопросѣ въ первый разъ въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Россія и Польша“, напечатанныхъ въ „Колоколѣ“ 1859 г. въ №№ 33, 34 и 37 и въ 1860 г., №№ 66 и 67. Первыя двѣ статьи напечатаны по поводу брошюры „Aleksander Herzen i Wolna Rossyjska Drukarnia w Londynie“, которой, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не видѣли. Всю первую статью московскій эмигрантъ посвятилъ защитѣ своего народа и даже государства отъ отрицательныхъ взглядовъ, распространенныхъ въ западно-европейскихъ обществахъ и въ польскомъ, налегая въ особенности на важность для Россіи соціально-экономическаго вопроса крестьянскаго, которымъ въ данный моментъ, по его мнѣнію, дѣятельно занялось и правительство. Собственно только во второй статьѣ Герценъ разбираетъ вопросъ объ отношеніи

Польши къ Россіи, т. е. къ россійскому государству. Онъ говоритъ:

„Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣютъ неотъемлемое, полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобъ свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ, и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды, составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацію, я убѣжденъ, что соплеменныя федераціи даютъ среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сдѣлали ея руками, и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ нею, но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ. Мнѣ кажется, что это ясно.. Но если ясно, что мы признаемъ это право, то, можетъ быть, надо пояснить, почему мы не желаемъ полнаго расторженія двухъ народовъ. Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука объ руку итти одной дорогой къ новой свободной соціальной жизни. Мы думаемъ, что Польша и Россія совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія... Австрія не народъ; Австрія полицейская мѣра, сводная администрація; она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себѣ... Совсѣмъ напротивъ Россія—такая же живая личность, какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ „ветхія деньми“ съ своимъ богатствомъ и съ своими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ изстрѣленными, въ послѣдніе три вѣка, знаменами, покрытыя славой, идутъ на отдыхъ (!!), а Россія только что вступаетъ на плацъ, на парадное мѣсто въ исторіи. Самое имя Россіи начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.“

„Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью всей державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ народонаселеніемъ, воспитаннымъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того то, гдѣ бы русскій ни жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ океаномъ, онъ прислушивается, когда враги

переходятъ русскую границу, и готовъ итти на помощь къ Москвѣ такъ, какъ шелъ въ 1612 и въ 1812 годахъ."

„Но что онъ считаетъ своей границей.?.. Что касается до главнаго вопроса, до самобытности Польши, онъ рѣшенъ самимъ языкомъ; ни одинъ русскій крестьянинъ не считаетъ Польшу Россіей. Вся Русь говоритъ: „Въ Польшу, изъ Польши". Но гдѣ же черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша? Это опредѣлить труднѣе, но не изъ патріотизма, а изъ того, что у насъ не достаетъ самаго главнаго элемента для рѣшенія вопроса."

„Что мы возьмемъ за его основаніе: присоединеніе Червоной Руси къ Польшѣ, или присоединеніе Украйны къ Россіи въ половинѣ XVII столѣтія; между ними цѣлый вѣкъ борьбы Рѣчи Посполитой съ козаками [1])."

Въ продолженіе ея два противоположныхъ потока обозначаются въ южной Россіи: шляхетство, паны—тянутъ къ аристократической республикѣ; нижній слой, народъ, козаки—напротивъ въ постоянной враждѣ съ Польшей. Хмельницкій не изъ любви къ Москвѣ, а изъ нелюбви къ Польшѣ отдался царю: Москва, или лучше Петербургъ, обманули Украйну и заставили ее ненавидѣть москалей. Какъ же рѣшить вопросъ о ней? Давность владѣнія ничего не доказываетъ. Утраченное владѣніе еще меньше. Право завоеванія? Послѣдній захватившій будетъ владѣть, пока другая сила его сгонитъ. Завоеваніе фактъ, а не право. Естественныхъ границъ нѣтъ; ни цѣпи горъ, ни большихъ рѣкъ; остается искать новыхъ основаній въ самой жизни народа, въ его бытѣ... Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, говоритъ языкомъ болѣе близкимъ къ русскому, чѣмъ къ польскому; тамъ, гдѣ онъ сохранилъ русскій крестьянскій бытъ, міръ, сходку, общинное владѣніе землей,—тамъ онъ, вѣроятно, захочетъ быть русскимъ. Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ католицизмъ или унію, тамъ, гдѣ онъ утратилъ общину и общинное владѣніе землей,—тамъ, вѣроятно, сочувствіе съ Польшей сильнѣе и онъ пойдетъ съ ней."

„Но скажите, что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать, какая полоса земли куда принадлежитъ,

---

[1]) Червоная Русь (Галиція) была завоевана поляками окончательно въ 1387 г. Украйна присоединилась къ московскому государству, которое Герценъ зоветъ преждевременно Россіей, въ 1654 г., слѣдовательно между этими событіями прошло гораздо болѣе вѣка и притомъ для большей части Украйны два періода исторіи—литовскій ($2^1/_2$ вѣка) и польскій (вѣкъ).

не спросясь людей, на ней живущихъ... Ну что, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украйна, помнящая всѣ притѣсненія москалей, и крѣпостное состояніе, и наборы, и безправіе, и грабежъ, и кнутъ съ одной стороны, и не забывая, съ другой, каково ей было и за Рѣчью Посполитой съ жолнерами, панами, и коронными чиновниками, не захочетъ быть ни польской, ни русской? По моему вопросъ рѣшается очень просто. Украйну слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признать свободной и независимой страной. У насъ... не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна принадлежать та, или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди, подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщиками, чтобъ потеряли всякое чувство народности; совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ?"

„Развяжемте имъ руки, развяжемте имъ языкъ; пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнутъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ панежъ къ вамъ, или, если они умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обоихъ. Вотъ потому то я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ и никто никому не принадлежитъ: ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ"...

Къ выписаннымъ словамъ (изъ 34 № Колокола) слѣдовало бы прибавить нѣсколько выдержекъ изъ послѣдующихъ статей Герцена (Колоколъ, №№ 66 и 67), въ которыхъ онъ подробнѣе развиваетъ мысль о необходимости для Польши держаться Россіи, ради крестьянско-общиннаго элемента послѣдней. Но глава наша выходитъ и такъ уже слишкомъ длинною, а потому отсылаемъ болѣе любопытныхъ читателей прямо къ „Колоколу", или къ сборнику „За пять лѣтъ",—а здѣсь ограничимся только двумя, по нашему мнѣнію, главнѣйшими выдержками изъ статьи 66 и 67 №№ „Колокола":

„Я только для нерусскаго славянскаго міра,—говорилъ Герценъ,—отъ всей души желалъ братскій союзъ съ Россіей, для того, чтобы, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, онъ не былъ бы взятъ врасплохъ", — и далѣе старается пояснить свою мысль обзоромъ исторіи Россіи, какъ „мужицкаго" царства и современнаго настроенія ея въ эпоху приступа къ освобожденію крестьянъ. Думая, подобно многимъ рус-

скимъ, будто только въ одной Россіи освобождаютъ крестьянъ съ землей, и (забывая примѣры Пруссіи, Галиціи, Скандинавскихъ державъ и даже Финляндіи, гдѣ аграрный вопросъ поставленъ едва-ли не радикальнѣе, чѣмъ гдѣ либо) заявивъ, будто въ Россіи даже правительство и помѣщики признаютъ право крестьянъ на землю (мы теперь знаемъ, точно ли всѣ крестьяне получили въ Россіи землю, по скольку и на какихъ условіяхъ,— и точно ли эмансипаторы 60-хъ годовъ предохранили Россію отъ пролетаріата, даже сельскаго),— Герценъ переходитъ къ пророчеству о предстоящей Европѣ соціальной катастрофѣ, въ которой Россія, по его вѣрованію, должна принять участіе, кажется, не переставая еще сама быть военною державою: „Подумайте, говоритъ онъ, когда эта шестая доля земного шара, со всѣми Туранскими и Чудскими примѣсями съ соціальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ—работникомъ и съ пролетаріемъ—батракомъ на Западѣ и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно“.

„Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что они будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Передъ борьбой намъ хотѣлось бы, чтобъ славяне подали другъ другу руку на братскій союзъ,—не для помощи Россіи, не для составленія съ ней чудовищной имперіи, — мы ничего не знаемъ нелѣпѣе этихъ китообразныхъ государствъ, которымъ тяжело двигаться отъ роста, — а для того, чтобы они не остались по ту сторону, по сторону прошедшаго, или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы“.

Читая вышеупомянутыя статьи Герцена, видишь, какъ близокъ онъ къ истинному пониманію вопроса, но въ то же время, особенно послѣ всего случившагося съ 1860 г., видишь, какъ примѣсь къ его здравымъ мыслямъ идей великорусскаго мессіанизма, а также незнаніе дѣятелей исторіи и положенія невеликорусскихъ народовъ и остатки привычки распоряжаться за другихъ ихъ судьбою, — составили около вполнѣ вѣрныхъ и спасительныхъ зеренъ политическихъ идей Герцена о польскомъ вопросѣ такую оболочку, которая должна была стать источникомъ послѣдующихъ бѣдствій и ошибокъ. Начнемъ съ великороссійскаго мессіанизма, потому что, хотя онъ только косвенно входитъ въ главный кругъ предметовъ, которымъ посвящены настоящія статьи, но все таки не можетъ быть оставленъ безъ обсужденія,— такъ какъ онъ, во

первыхъ, составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ великорусскаго общества, въ томъ числѣ и его демократіи, — а во вторыхъ, онъ имѣлъ и свое практическое значеніе въ польскомъ вопросѣ до и послѣ революціи 1863 г. На поляковъ онъ долженъ былъ производить отталкивающее впечатлѣніе, — не только на патріотовъ болѣе „бѣлыхъ“ оттѣнковъ, у которыхъ была своя національно-мессіанистическая религія, если и не такъ демократическая, то выражаемая еще съ большимъ мистицизмомъ, — но даже и на тѣхъ изъ „красныхъ“, которые способны бы были усвоить и федеральную, и соціалистическую сущность ученія Герцена, но только не въ той, по истинѣ, странной претенціозной оболочкѣ, въ какой ее излагалъ московскій демократъ. Вотъ почему усвоено было ученіе Герцена только великоруссами — и у послѣднихъ получило и практическое примѣненіе, которымъ врядъ-ли доволенъ былъ самъ Герценъ.

Кто слѣдилъ за петербургской и московской печатью 1864—1868 гг., тотъ не могъ не замѣтить, какъ въ тогдашнихъ органахъ императорскаго демократизма, постепенно перешедшихъ въ органы всеобрусительнаго бюрократизма („День“, „Москва“ и „Москвичъ“ И. Аксакова, „Голосъ“, который сначала, въ 1863 г., представлялъ было собою въ польскомъ вопросѣ идеи петербургскихъ западниковъ и либераловъ), почти дословно излагались мысли Герцена „о старомъ мірѣ и Россіи“, о спасеніи потерявшей славянскій обликъ Польши чистославянскими началами, сохранившимися въ Великороссіи и т. п. Теперь подобнаго рода мысли рѣже высказываются въ великороссійской печати, но онѣ далеко не исчезли въ великорусскомъ обществѣ, а исповѣдываются многими учеными, членами славянскихъ комитетовъ, а также людьми и теперь довольно вліятельными, и которые со временемъ могутъ получить еще болѣе вліятельныя положенія, какъ напр. кн. Ал. Васильчиковъ. Подобныя идеи вдохновляли дѣятельность въ царствѣ польскомъ Ю. Самарина, Черкасскаго, Н. Милютина, — и, конечно, въ ихъ рукахъ послужили опорой для проведенія нѣсколькихъ полезныхъ для польскаго крестьянства аграрныхъ реформъ и сельскихъ учрежденій, — но также, особенно въ рукахъ менѣе образованныхъ людей, служили источникомъ и оправданіемъ всякаго рода централизаторскихъ и православно-обрусительныхъ безобразій надъ Польшею и поляками. (Впослѣдствіи въ болгарскій походъ у самого Черкасскаго идеи великорусскаго мессіанизма, провозглашаемые въ то время г. Ив. Аксаковымъ въ московскомъ славянскомъ комитетѣ и кн. Ал. Васильчиковымъ въ

петербургскомъ, — послужили оправданіемъ системы чистаго кнутобойства надъ „братушками“, уже не сопровождаемаго никакими аграрными реформами).

У Герцена мы встрѣчаемъ сильные противовѣсы великороссійскому мессіанизму, и потому лично онъ, конечно, трижды чистъ отъ всѣхъ его безобразій, но не совсѣмъ не виновна въ нихъ самая его доктрина. Право, не только соціализмъ, но даже императорскій демократизмъ и аграрныя реформы въ Царствѣ Польскомъ могли-бы быть весьма удобно проводимы безъ всякой примѣси племеннаго мессіанизма; вѣдь обходится-же, напр., безъ него практическій Гладстонъ въ своей аграрной политикѣ въ Ирландіи. Но великорусскіе демократы не обошлись безъ него въ 1860-е годы; не совсѣмъ они обходятся безъ него и теперь, какъ это видно на писаніяхъ многихъ русскихъ „народниковъ“, цензурныхъ и безцензурныхъ. А, между тѣмъ, прослѣдивши генеалогію всѣхъ этихъ претензій на сохраненіе въ Великороссіи основъ наиболѣе удобныхъ для торжества демократіи, антикапитализма, соціализма, правдоискательства и т. п., вы найдете въ корнѣ родословнаго древа ничто иное, какъ старомосковскій китаизмъ и ученіе о томъ, что „Москва — третій Римъ, а четвертаго не будетъ“. [1]).

Если, такимъ образомъ, однимъ своимъ бокомъ ученія Герцена такъ, какъ они были имъ изложены въ 1859—1860 гг., представляли опору для такой политики, которая потомъ повела за собой съ русской стороны мѣры противъ національной индивидуальности Польши, то другимъ своимъ бокомъ они открывали наклонную плоскость, по которой и самъ Герценъ, и его политическіе друзья покатились еще раньше въ сторону польскихъ „историческихъ“ стремленій, по сущности своей завоевательныхъ, а не освободительныхъ, и противъ которыхъ самъ Герценъ выставилъ столько вѣскихъ соображеній и въ тѣхъ же вышеупомянутыхъ статьяхъ.

Изъ выписанныхъ выше словъ Герцена въ 34 № „Колокола“ видно прежде всего, что онъ разумѣетъ подъ словомъ Россія собственно только Великоруссію, ибо только къ ней „присоедини-

---

1) Напомнимъ еще слова Герцена, написанныя во время польскаго возстанія въ отвѣтъ московскимъ славянофиламъ (Концы и начала. „Колоколъ“, стр. 1566): „Для васъ русскій народъ преимущественно народъ православный, т. е. наиболѣе христіанскій, приближающійся къ веси небесной. Для насъ русскій народъ преимущественно соціальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной веси, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія.“

лась Украйна въ XVII ст.", и только она „сохраняетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу" (конечно, за исключеніемъ такъ называемыхъ инородцевъ). А, между тѣмъ, рядомъ Герценъ употребляетъ это слово и въ государственномъ смыслѣ и въ тоже время неясно представляетъ себѣ численное отношеніе невеликорусскихъ элементовъ населенія русскаго государства къ элементу великороссійскому, когда говоритъ, что „Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство". На дѣлѣ эти „закраины" занимаютъ почти половину Европейской Россіи—отъ Финдляндіи черезъ Петербургъ, Смоленскъ, почти подъ Воронежъ къ Н. Черкаску и Ставрополю, и представляютъ почти половину населенія страны. При этомъ важное практическое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что почти всѣ невеликорусскія племена западной половины Европейской Россіи выходятъ своими частями за границы русскаго государства (литовцы, которыхъ болѣе сознательная часть и печать находятся въ Пруссіи, поляки, украинцы, румыны), а потому не могутъ быть подведены этимъ государствомъ подъ одну струну. (То же слѣдуетъ сказать о грузинахъ и армянахъ за Кавказомъ). А изъ племенъ нерусскихъ, но помѣщающихся въ Россіи, малыя племена латышей и эстовъ, которыхъ великорусскіе государственные демократы желаютъ эмансипировать и въ то же время русить, превосходятъ своимъ образованіемъ и организаціей русскихъ [1]). Такимъ образомъ, „закраины" Россіи имѣютъ очень много шансовъ на измѣненіе всѣхъ разсчетовъ, которые могутъ быть сдѣланы великоруссами касательно судебъ всей Россіи. Противъ этого, конечно, люди, въ родѣ Герцена (еслибъ только ихъ было побольше!), ничего не станутъ и возражать. Но прежде всего, имъ слѣдуетъ имѣть вполнѣ отчетливое понятіе о томъ, что такое „единство Россіи" и что такое ея „закраины".

У Герцена оказалось гораздо менѣе такихъ отчетливыхъ понятій, чѣмъ добрыхъ намѣреній, въ томъ случаѣ, когда онъ приступилъ къ вопросу о границахъ его „сплошной Россіи" съ Польшею. Прежде всего онъ впалъ въ ошибку уже тѣмъ, что началъ, по примѣру польскихъ „историческихъ" патріотовъ, опредѣлять границу своей Россіи, т. е. Великоруссіи отъ Польши, тогда какъ,

---

[1]) Въ началѣ 1881 года эсты имѣли 6 періодическихъ изданій (въ теченіи года прибавилось еще 2) на 900000 населенія, а латыши-протестанты 10 на 1100000; русскихъ же было всѣхъ изданій, съ оффиціальными, только 376 на 40 000 000 великоруссовъ, не считая обрусѣлыхъ чиновниковъ.

по духу его идей, онъ долженъ бы былъ опредѣлять границу ея отъ Латышіи, Бѣлоруссіи и Украйны, такъ какъ вѣдь великорусская нація нигдѣ съ польской не соприкасается. Между тѣмъ Герценъ, предполагая возможность, что напр. „Украйна не захочетъ быть ни польской, ни русской", предполагаетъ и возможность, что западныя области захотятъ быть то русскими, то польскими, при чемъ опираетъ это предположеніе на разныя „бытовыя основанія", которыя, за неимѣніемъ ни горъ, ни большихъ рѣкъ, могутъ, по его мнѣнію, опредѣлить границу,—границу все таки между Россіей и Польшей! Приглядѣвшись ближе къ этимъ „бытовымъ основаніямъ", увидимъ, что ни одно изъ нихъ не опредѣляетъ никакой границы, а одно за другимъ даютъ линіи до смѣшного перепутывающіяся.

Возьмемъ языкъ. Литовскій языкъ, напр., уже потому, что онъ совсѣмъ и не славянскій, не можетъ быть „ближе" ни къ русскому, ни къ польскому; область его, значитъ, окажется ни Россіей, ни Польшей. Затѣмъ славянскіе языки: бѣлорусскій и украинскій въ основѣ своей вездѣ,—къ западу, какъ и къ востоку,—находятся въ одинаковомъ отношеніи какъ къ польскому, такъ и къ русскому языку,—и если, напр., дальше къ западу вы встрѣтите въ языкѣ больше культурныхъ словъ польскихъ (между которыми добрая половина слова нѣмецкія, зашедшія и къ полякамъ, и къ восточнымъ сосѣдямъ), а на востокѣ найдете слова русскія, то эти слова такъ же мало измѣняютъ массовой украинскій или бѣлорусскій характеръ какой нибудь гродненской или черниговской губерній, какъ и украинскія слова въ языкѣ орловской, или новгородской губерній не измѣняютъ сути великорусскаго характера послѣднихъ. Рядомъ съ десятками, сотнями польскихъ и полонизированныхъ словъ встрѣтимъ въ языкѣ какой нибудь Сѣдлецкой губерніи такія оригинальныя особенности основныхъ чертъ языка, фонетики и грамматики, которыя заставятъ всякаго, знакомаго съ дѣломъ, только улыбнуться надъ тѣмъ, кто вздумаетъ зачислять эти земли въ Польшу, на основаніи будто бы большей близости языка къ польскому, чѣмъ къ великорусскому. Ссылаемся на всѣхъ ученыхъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ. По языку во всей спорной области получишь границы: Польши, Литвы, Латышіи, Бѣлоруссіи, Украйны, Великоруссіи,—а вовсе не Польши и Россіи.

Не больше помогаетъ великорусскому демократу съ его польскими корреспондентами и религія: православіе, унія и даже католицизмъ. Во первыхъ, унія сохранялась въ 1860 г. только въ

Царствѣ Польскомъ (около 500,000) да въ Галиціи (б. 3,000,000), значитъ громадн[illegible]йшая часть земли отъ З. Буга и австрійской границы за Днѣпръ, т. е. всѣ „губерніи отъ Польши возвращенныя“, какъ говорятъ въ Россіи, и весь „забранный край“, какъ говорятъ въ Польшѣ, окажутся Россіей, конечно, къ великому неудовольствію польскихъ историческихъ патріотовъ. А кромѣ того, населеніе уніатской Галиціи по всѣмъ прочимъ „бытовымъ основаніямъ“ совсѣмъ подобно православному населенію кіевской губерніи, которое по религіозно-бытовому основанію Герцена оказывается „русскимъ“, и населенію полтавской губерніи, которое „историческіе“ польскіе патріоты не требуютъ въ Польшу на томъ основаніи, что оно уступлено Польшей трактатомъ 1667 г., а не 1773 г. Уніатское населеніе Галиціи и передъ 1860 г. десятки разъ доказало, между прочимъ, устами крестьянскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ 1848 г.,—что оно также не хочетъ „принадлежать“ Польшѣ, какъ и кіевское или полтавское, о чемъ и Герценъ могъ бы знать, если бы между Галиціей и имъ не стояли увѣренія польскихъ патріотовъ и нѣмецкихъ либераловъ, будто „русиновъ выдумалъ въ 1848 г. намѣстникъ Галиціи гр. Стадіонъ“. Наконецъ въ Правобочной Украйнѣ есть села бѣдной шляхты и вообще чиншевиковъ, по религіи католиковъ, но по языку украинцевъ, которые ни въ 1831 г., ни въ 1863 г. не обнаружили никакой охоты возставать за Польшу. Община, какъ мірская сходка, существуетъ во всей данной полосѣ,—а общиннаго землевладѣнія не существуетъ и въ черниговской, и полтавской губерніи (кромѣ казенныхъ крестьянъ). Оно существуетъ въ Слободской Украйнѣ и Новороссіи, какъ въ земляхъ новѣйшаго заселенія, но въ этихъ земляхъ, по всѣмъ другимъ „бытовымъ основаніямъ“, населеніе ничѣмъ не отличается отъ населенія, напр., полтавской, кіевской и подольской губерній, а въ Новороссіи, при общинномъ землевладѣніи, подобномъ великороссійскому, сохранились наиболѣе живыя воспоминанія о томъ, какъ „Москва Січь рунновала“ и какъ „московська царицья своїм генералам запорожські степи подаровала“ и т. п. Словомъ: 1) или не зачѣмъ вовсе поднимать вопроса о „бытовыхъ основаніяхъ“ для политическихъ границъ, а надо признать границы „историческія“, т. е. проведенныя мечемъ и перомъ дипломатовъ, и тогда, право, трудно понять, чѣмъ эти границы, установленныя для Россійской имперіи Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 г. хуже, чѣмъ границы между Московіей и Польшей, опредѣленныя въ 1667 г. и существовавшія до 1772 г.? По здравому разуму, теперешнія „истори-

ческія" границы Россіи, какъ Россійской имперіи, уже потому лучше „историческихъ" границъ Польши 1667—1772 гг., что они существуютъ; или же 2) если уже начать передѣлывать границы Россійской имперіи, по совокупности бытовыхъ основъ, то опять таки получимъ не Россію и Польшу,—а Польшу, Украйну, Бѣлоруссію, Литву и т. п.

Но въ концѣ концовъ великорусскій демократъ высказываетъ мысль, что не нужно предрѣшать вопроса о границахъ,—а слѣдуетъ предоставить рѣшить его населеніямъ спорныхъ провинцій, причемъ, говоря пока объ одномъ изъ нихъ, украинскомъ, говоритъ: „развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажуть свое слово" и т. д. На первый взглядъ нѣтъ ничего резоннѣе, благонамѣреннѣе и даже самоотверженнѣе такихъ рѣчей,— и если бы политическіе дѣятели, не говоримъ уже правители, но даже революціонеры,—всѣ были Герцены, то не оставалось бы ничего желать, какъ только того, чтобъ они поставлены были въ возможность „развязать руки и языкъ" населеніямъ Европы, „сдѣлать ихъ рѣчь совершенно свободною", чтобъ избавить эти населенія по крайней мѣрѣ отъ національныхъ споровъ. О такомъ непредрѣшеніи вопроса о „забранныхъ краяхъ" и объ освобожденіи прежде всего языка и рукъ ихъ населеній для того, чтобъ они могли совершенно свободно подать свой голосъ по вопросу о принадлежности къ Польшѣ, или о союзѣ съ нею,—говорили и во времена Герцена нѣкоторые польскіе политики, говорятъ и теперь иногда польскіе публицисты. Мы увидимъ далѣе примѣры этихъ рѣчей.

Увы! не сомнѣваясь въ самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ говорящихъ такія рѣчи, мы не можемъ не признать ихъ ни чѣмъ инымъ, какъ только компромиссомъ между мнѣніями, съ которыми трудно бороться на открытомъ полѣ аргументаціи, мнѣніями, отрицающими всякія „историческія" права Польши и всякія издѣлія старой дипломатіи, люблинскія, какъ и вѣнскія, и собственными привычками говорящихъ къ мысли объ этихъ „историческихъ" правахъ. Это очень гуманно спрашивать населеніе о политическихъ границахъ. Еще гуманнѣе поднять оружіе для того, чтобъ „развязать имъ языкъ". Но на бѣду въ иныхъ вопросахъ отвѣты зависятъ отъ того, кто, какъ и при какихъ условіяхъ предложитъ вопросъ, а теперешнія массы народа во внѣшне-государственныхъ вопросахъ, сущность которыхъ не сразу видна имъ въ повседневной жизни, почти всегда высказываются за status quo, — т. е. на дѣлѣ за то-

го, у кого въ рукахъ власть, войско. Тотъ же, у кого власть, не расположенъ ставить вопросы иначе, какъ въ такой формѣ, чтобъ получить на нихъ какъ разъ такіе отвѣты, какіе ему нужны. Напомнимъ, напр., suffrage universel, произведенный Наполеономъ III въ Ниццѣ, или хоть послѣднюю перепись, произведенную въ Галиціи польскими чиновниками, между которыми находится много принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи 60-хъ годовъ. Затѣмъ, есть положенія, когда приставать къ человѣку съ извѣстными вопросами, прося у него самыхъ свободныхъ отвѣтовъ, есть просто невѣжливость: въ числѣ такихъ невѣжливыхъ вопросовъ можно поставить вопросы: Лейпцигу—нѣмецкій ли онъ городъ, или чешскій? Варшавѣ, — не русская ли она? и обитателямъ Кіевскаго уѣзда, — не поляки ли они? А поднимать въ Лейпцигѣ возстаніе для того, чтобъ развязать ему языкъ по вопросу: хочетъ ли онъ быть нѣмецкимъ. или чешскимъ городомъ? было бы болѣе, чѣмъ невѣжливо. Но пусть предлагаютъ разные софистическіе и даже невѣжливые вопросы люди, власть имѣющіе. Прежде всего, они почти ничѣмъ не рискуютъ, имѣя въ рукахъ готовую власть, революціонеры же, даже тѣ, которые хотятъ захватить власть, а не только тѣ, которые хотятъ „совершенной свободы“, должны задавать вопросы самимъ себѣ прежде, чѣмъ долженствующимъ быть освобожденными населеніямъ, и добиваться на нихъ отвѣтовъ положительно-научнымъ способомъ, на основаніи совокупности данныхъ, представляемыхъ исторіей и настоящимъ положеніемъ этихъ населеній. Такъ медикъ долженъ прежде всего дѣлать самъ діагнозъ болѣзни субъекта, котораго онъ думаетъ лечить, — имѣя при этомъ въ виду, что иногда этотъ субъектъ можетъ и не понимать его вопросовъ. Для революціи прежде всего нужна сила — т. е. помощь самаго населенія извѣстныхъ странъ, а потому революціонеръ, особенно если онъ не расчитываетъ на постороннюю государственную помощь (въ такомъ случаѣ онъ собственно и не революціонеръ, а завоеватель), долженъ прежде всего сообразить, чѣмъ онъ можетъ поднять населеніе, и чѣмъ можетъ оттолкнуть его отъ себя? Революціонеръ же, который дѣйствительно чуждъ личнаго и даже національнаго эгоизма, долженъ при этомъ сообразить, что такое дѣйствительно можетъ служить къ удовлетворенію нуждъ даннаго населенія? и долженъ затѣмъ направить въ эту сторону всю свою энергію. Всѣ эти требованія мы вправѣ предъявлять къ дѣятелямъ настоящаго, „положительнаго“ времени.

Приложимъ эти соображенія къ двумъ крайнимъ и непохожимъ между собою провинціямъ изъ числа „забранныхъ“ нынѣшнею Россіею отъ старой Польши,—къ Украйнѣ и Литвѣ. Въ первой мы увидимъ такое недвусмысленное и столько разъ съ XVI в. заявленное отвращеніе отъ всякой принадлежности къ польскому государству, что слѣдуетъ по истинѣ удивляться, какъ можно было людямъ, что нибудь знающимъ объ этой землѣ, допускать на одну секунду мысль, что населеніе ея можетъ, да еще при полной свѣжести памяти о крѣпостномъ правѣ у польскихъ пановъ, пойти за польскимъ знаменемъ, даже если бы изъ подъ него обѣщались рѣки сытовыя и берега кисельные. Во второй мы видимъ населеніе еще съ XV ст. затертое національно-политически и придавленное соціально, — такъ что ему теперь совершенно странно ставить вопросъ о томъ, хочетъ ли оно принадлежать къ тому, или другому государству, или даже къ тому, или другому политическому союзу. Какъ населеніе религіозное, и при томъ католическое, литовцы, конечно, недовольны принадлежностью къ еретичной Россіи, и ихъ, конечно, можно убѣдить, что съ единовѣрной Польшей имъ было бы лучше, хотя сомнительно, чтобъ ихъ можно было довести до поголовнаго возстанія за отпаденіе отъ Россіи къ Польшѣ: по крайней мѣрѣ такого возстанія не было ни въ 1831 г., когда жмудины даже пробовали рѣзать польскихъ пановъ, какъ это дѣлали потомъ, въ 1846 г., польскіе крестьяне въ западной Галиціи, [1]) ни въ 1863 году, когда возстаніе въ Жмуди, несмотря на усилія ксендзовъ, вовсе не было очень энергично, а тамъ, гдѣ ксендзъ не изъ шляхты, а изъ крестьянъ, то, говорятъ, его и совсѣмъ не было.

Но допустимъ, что старое польское государство возстановлено, и среди 30 милліоновъ населенія его (10—11 милліоновъ поляковъ) оказывается и $2^1/_2$ милліона литовцевъ, почти исключительно крестьянъ. Лучше ли бы съ ними обращался сеймъ Польши, чѣмъ парламентъ Германіи обращается съ познанскими поляками, или галиційскій съ русинами? Сомнительно. А если такъ, то стоитъ ли мѣнять господина?!...

Но, говорятъ, такого не было бы, если бъ Польша была возстановлена революціоннымъ путемъ, да еще при дѣятельномъ участіи не-польскихъ населеній, въ томъ числѣ и литовскаго, кото-

1) О жмудской жаккеріи можно прочесть у Шмидта (Ceschichte der Polnischen Revolution 1830—31), котораго мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою.

рыя въ такомъ случаѣ имѣли бы достаточно силы, чтобъ и не позволить поставить себя въ подчиненное положеніе, даже если бы поляки и возымѣли неблагородное желаніе господствовать надъ ними. Литвины, напр., имѣли бы областное самоуправленіе, свой языкъ въ школахъ, а если бы захотѣли, то и свой университетъ. Если же такъ, то, спрашивается, почему подобный союзъ назывался бы Польшею? а слѣдовательно непонятно, зачѣмъ это нужно приступать къ агитаціи среди литовскаго населенія во имя возстановленія Польши и Люблинской уніи, отъ которой собственно литовскому населенію было по меньшей мѣрѣ ни тепло, ни холодно, а не прямо во имя интересовъ самого литовскаго населенія.

Уже и опытъ 1830—31 гг., когда Царство Польское имѣло свою армію, показалъ, что безъ поголовнаго возстанія не только поляковъ, но и всѣхъ націй „забранныхъ краевъ“ невозможно освободить даже Конгрессовую Польшу, а, слѣдовательно, сторонники даже одного этого освобожденія должны были бы въ 60-е годы употребить всевозможныя усилія, чтобы привлечь къ новому возстанію эти населенія. А для этого надо было, чтобъ сторонники эти, а также друзья ихъ въ польскихъ губерніяхъ, употребили больше усилій, чтобъ изучить потребности и характеръ этихъ населеній, войти въ ихъ интересы, слиться съ ними языкомъ и трудомъ, безъ чего невозможно пріобрѣсти ихъ довѣрія, а потомъ и поднимать эти населенія за ихъ, а не за польскіе интересы. Если же такъ, то опять спрашивается: почему такое возстаніе было бы польскимъ возстаніемъ, а не польскимъ, литовскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ возстаніемъ, если говорить пока только о вопросѣ національной и областной автономіи и оставить вопросы соціальные. Необходимо принять во вниманіе, что украинцамъ нѣтъ интереса дѣлиться пополамъ, такъ, чтобъ западная ихъ половина вошла бы въ союзъ — положимъ, не похожій на все прежнее и на положеніе дѣлъ въ Галиціи, — съ Польшею, а восточная оставалась за Россіей, и что если украинцамъ лить кровь за автономію, то за автономію всего своего племени. Значитъ — возстанію населеній западной Россіи еще болѣе нѣтъ резона производиться подъ знаменемъ Польши. Наконецъ, еще въ 1831 г. нашлись среди поляковъ люди, которые увидѣли необходимость поддержки и въ Великороссіи, почему и написали на своихъ знаменахъ: „за нашу и вашу вольность“. И въ самомъ дѣлѣ, не только трудно себѣ представить полное торжество возстанія въ западной половинѣ Россіи безъ поддержки свободнаго движенія въ Великороссіи, но разъ до-

пустивши, что цѣлью вышеупомянутаго возстанія должно быть не возстановленіе старой Польши въ одной изъ ея историческихъ границъ, а установленіе великой федераціи поляковъ, литовцевъ, латышей, бѣлоруссовъ и украинцевъ, совсѣмъ непонятно исключеніе изъ нея и великоруссовъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости выработать широкую федеральную программу, независимую ни отъ какихъ „историческихъ“ преданій и государственныхъ претензій, программу вполнѣ достойную освободительныхъ идей новѣйшаго времени и могущую дѣйствительно удовлетворить интересы всѣхъ племенъ Восточной Европы.

Читатель можетъ замѣтить, что мы выходимъ за предѣлы предмета, о которомъ начали рѣчь, и говоримъ о настоящемъ и будущемъ, вмѣсто обсужденія прошедшаго, къ которому было бы слишкомъ строго прилагать мѣрку, годную развѣ для настоящаго или даже для будущаго. Это замѣчаніе будетъ вѣрно только отчасти. Во первыхъ, для дѣятеля все таки недавняго и при томъ для человѣка такого ума и образованія, какими обладалъ Герценъ, никакая теперешняя мѣрка не можетъ быть строгою, и если бы Герценъ явился и теперь среди насъ такимъ, каковъ онъ былъ, то врядъ ли бы онъ оказался позади многихъ изъ теперешнихъ дѣятелей, а не гораздо болѣе современнымъ, чѣмъ они. А во вторыхъ, въ своихъ статьяхъ „Польша и Россія“ 1859—1860 г. Герценъ самъ очень ясно намѣтилъ основы той широкой федеральной программы, о которой мы сейчасъ сказали. Онъ только не развилъ ея въ деталяхъ, и не обнаружилъ должной настойчивости передъ претензіями „историческаго“ польскаго патріотизма, а потомъ въ горячую минуту сдѣлалъ ему еще болѣе уступокъ. Причиною тому было главнымъ образомъ отсутствіе детальныхъ знаній относительно западныхъ провинцій Россіи и отсутствіе непосредственныхъ впечатлѣній отъ ихъ жизни, хотя нельзя сказать, чтобъ знаменитый великорусскій демократъ былъ совсѣмъ лишенъ предостереженій съ мѣста, по крайней мѣрѣ изъ одной изъ западныхъ провинцій.

Самое выдающееся изъ этихъ предостереженій было письмо, помѣщенное въ 61 листѣ „Колокола“ (1861 г., 15 января), какъ передовая статья подъ заглавіемъ „Украйна“, и вызванное прямо статьею Герцена въ 34 №, изъ которой мы привели выше выдержки. Письмо это, очевидно, принадлежитъ перу одного изъ главныхъ членовъ кіевскаго братства 1847 г. и замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь мы приведемъ изъ него нѣсколько

выдержекъ, которыя наиболѣе прямо идутъ къ „занимающему насъ вопросу".

Начавъ съ благодарности издателю „Колокола" за слова его объ Украйнѣ, сказанныя въ 34 №, какъ „за одну изъ многихъ истинъ, которыя онъ первый высказалъ печатно на русскомъ языкѣ", авторъ письма приступаетъ къ изложенію своихъ „задушевныхъ убѣжденій".

„Большинство великорусской и польской публики, говоритъ онъ, привыкло не считать насъ (украинцевъ) отдѣльнымъ народомъ. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что дворянъ-малороссіянъ нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаніемъ о несостоятельности дворянской институціи, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде у насъ не было дворянъ: они были чужіе, хотя и происходили отъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь—великороссіянами. Народность малороссійская, какъ привыкли ее называть съ легкой руки дьяковъ Алексѣя Михайловича, всегда оставалась достояніемъ угнетеннаго сословія, по́томъ и кровію утучнявшаго и Вишневецкихъ и Разумовскихъ. Можно ли признать народомъ мужичье? Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?

„Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случалось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоліи Польшѣ не можетъ быть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ — поляки, и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ: что же касается до сплошной массы чернаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великороссы, или наслышавшись польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ полякамъ эти края, или же, подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непререкаемою собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ, составляетъ спорный пунктъ между свободолюбящими (людьми) обоихъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ; они принадлежатъ тому народу, который издревле ихъ населялъ, населяетъ и обрабатываетъ".

Сдѣлавъ затѣмъ обзоръ исторіи Украйны и указавъ, какъ на главную причину ея упадка, на раздѣлъ ея въ концѣ XVII в. между Москвою, Польшею и Турціей, авторъ переходитъ къ украинскому возрожденію въ XIX столѣт. и къ появленію на Украйнѣ идей панславизма. „Идея панславизма, говоритъ онъ, принялась на Украйнѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси, подъ которыя боязливо подкладывалась всероссійскому престолу надежда простереть когда нибудь царственную десницу на славянскіе народы и уготовать имъ вожделѣнную судьбу Украйны и Польши. Въ Украйнѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ путемъ Украйна можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой столь несправедливо и безжалостно попранный образъ". Разсказавъ далѣе судьбу кіевскаго братства 1847 г. и его членовъ въ ссылкѣ и вліяніе на Украину оттепели, наступившей въ началѣ царствованія Александра II, — „весны, хотя непостоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ", — авторъ предлагаетъ нѣсколько украинскихъ требованій отъ русскаго правительства: дополненіе задуманнаго освобожденія крестьянъ полнымъ уравненіемъ правъ крестьянъ съ дворянствомъ, а также допущеніе украинскаго языка въ школы, и затѣмъ оканчиваетъ свою статью такъ: „Болѣе мы не станемъ требовать и желать собственно для себя, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи Южной Руси отъ связи съ остальной Россіей. Напротивъ, мы бы желали, чтобъ всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипертомъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-нѣмецкой московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, въ него же вѣруемъ и его же чаемъ, наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южно-русскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ. Чтобъ наши потомки увидѣли то, что едва ли какому нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть, надобно, чтобы славяне очищались отъ своихъ старыхъ предразсудковъ.

„Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ своими земли, заселенныя нашимъ народомъ".

Въ 1863 г., въ самый разгаръ польскаго повстанія, послѣ того уже, какъ Герценъ принялъ программу делегатовъ варшавскаго революціоннаго правительства, онъ вспомнилъ эту статью, называя ее превосходною и говоря, что съ нимъ „согласны и сами украинцы", т. е. иначе, что онъ самъ согласенъ съ федералистомъ авторомъ статьи „Украйна". („Колоколъ", № 167). На сколько это заявленіе Герцена было вѣрно, увидимъ далѣе.

Представленное выше критическое отношеніе Герцена къ польскому историческому патріотизму и его соціально-демократическое федеральное всеславянство не встрѣчали себѣ ни малѣйшаго отзыва въ польскомъ обществѣ, ни даже, какъ мы помнимъ по собственнымъ наблюденіямъ изъ временъ нашего студенчества (въ Кіевѣ, 1859—1863), среди молодежи. Въ польскомъ обществѣ и печати царствовало безъ соперника убѣжденіе, что „Литва и Русь"—интегральныя части Польши, а среди польскихъ демократовъ господствовало убѣжденіе, что соціальный переворотъ и даже какія-нибудь уступки крестьянамъ необходимо дѣлать, соображаясь съ ходомъ вопроса о возстановленіи Польши; а такъ какъ это возстановленіе требовало дѣятельнаго участія помѣщиковъ и даже заграничной дипломатіи, то понятно, что даже крайніе демократы и соціалисты не могли дать вполнѣ свободнаго хода своимъ соціально-экономическимъ идеямъ, какъ и своимъ свободнымъ мнѣніямъ о религіи.[1]) Казалось бы, что при такомъ коренномъ различіи въ идеяхъ, союзъ между „Колоколомъ" и польскими революціонерами былъ невозможенъ. И однако же онъ состоялся.

Герценъ разсказалъ въ своихъ замѣткахъ, какъ это случилось. (Сборникъ посмертныхъ статей, 211—216). „Если въ Россіи,— говорилъ Герценъ делегатамъ варшавскаго революціоннаго комитета,—на вашемъ знамени не увидятъ надѣлъ земли (крестьянамъ) и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ".— Вы будете нами довольны, —

---

[1]) См. у Герцена объ отношеніяхъ Ворцеля къ окружавшимъ его „революціоннымъ недорослямъ" (Сборн. Посмерт. Статей. 123—125).

отвѣчали делегаты. Такой разговоръ происходилъ уже послѣ редакціи прокламаціи, которая должна была появиться въ „Колоколѣ“, какъ отвѣтъ на письмо польскаго революціоннаго комитета. Въ отвѣтѣ этомъ Герценъ написалъ слѣдующія рѣшительныя слова не только отъ себя, но и отъ всей своей группы: „тотъ русскій, который и на этомъ основаніи не подастъ руки полякамъ, тотъ не любитъ свободы“. Между тѣмъ, взглянувъ холоднымъ окомъ на „основанія“, начертанныя польскими делегатами, нельзя не увидѣть, что между Герценомъ и этими послѣдними произошло крупное недоразумѣніе, граничившее чуть не съ мистификаціей.

Авторы представленной Герцену декларації „отъ центральнаго народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ“ („Колоколъ“, 1 октября 1862 г.) заявили, что признаютъ „право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать судьбою своею“. Но дальше, при развитіи этого положенія, оказалось, что надѣлъ крестьянскій, размѣръ котораго не былъ опредѣленъ, обѣщался „на основаніи выкупа“. Но на этомъ основаніи еще раньше назначенъ былъ крестьянамъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ надѣлъ „отъ царя“, по Положенію 19-го февраля 1861 г. Новаго польскіе революціонеры обѣщали крестьянамъ—развѣ такъ называемое „прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и обязательный выкупъ“, а также выкупъ за надѣлы, принятый прямо на государственный бюджетъ (какъ въ Австріи), а не на взносы однихъ крестьянъ. Но къ первому склонялось само правительство, въ виду рѣшительнаго нежеланія крестьянъ, особенно на Украинѣ, продолжать какія бы то ни было обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, и требованій „царскаго выкупа“, подъ которымъ крестьяне разумѣли совсѣмъ даровое для нихъ полученіе надѣловъ, а администрація разумѣла обязательный выкупъ (Основа, 1862, сентябрь. Послѣ поѣздки на Волынь. 45). Второе, напр. въ Австріи, было въ сущности совсѣмъ видимымъ облегченіемъ крестьянъ, такъ какъ общее повышеніе податей для покрытія выкупного долга наложило на нихъ такую же плату, какую крестьяне платили въ Россіи въ видѣ своихъ прямыхъ выкупныхъ взносовъ. Декретъ польскаго революціоннаго правительства, изданный въ духѣ декларації, помѣщенной въ „Колоколѣ“, если и могъ быть гдѣ-нибудь полезенъ сравнительно съ status quo, такъ это въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ тамъ совсѣмъ еще не было придумано ни патріотами-помѣщиками, ни правительствомъ общей мѣры о переходѣ надѣловъ въ крестьянскую соб-

ственность даже посредствомъ выкупа. Но тутъ этотъ декретъ имѣлъ другую слабую сторону: онъ давалъ надѣлы, конечно, съ вознагражденіемъ помѣщикамъ, только крестьянамъ, признаннымъ сидящими на землѣ; что же касается до безземельныхъ крестьянъ и батраковъ, то изъ нихъ должны были получить надѣлы только тѣ, которые поступятъ въ ряды повстанцевъ!! (Текстъ декрета см. Giller, Historja powstania narodu polskiego w 1861—1864 r. I, 312—315; переводы: въ Affaires de Pologne. Exposé de la situation suivi des documents et des pièces justificatives. 1862. Изданіе кн. Чарторыйскаго съ видомъ оффиціальнаго; 41—42. Em. Knorr, Die polnischen Aufstände seit 1830. Berlin 1880. 312—313).[1]) Но по счету 1859 г. изъ 3.639.000 сельскаго населенія въ Царствѣ было поземельныхъ собственниковъ 6% (218.528, изъ которыхъ крестьянъ 21.944); сидящихъ на землѣ за панщину и чиншъ—55%, и безземельныхъ 37% (Zaleski. Stat. porown. Kr. Polskiego. I, 84). Эти 37%, т. е. 1.339.403 человѣка, оставались собственно внѣ благодѣяній декрета польскаго революціоннаго правительства. Русское правительство нашло потомъ для части ихъ земли, только конфисковавъ монастырскія имѣнія, на что революціонное правительство не рѣшалось, по той простой причинѣ, что тогда бы оно лишилось поддержки духовенства, на которое всегда разсчитывали самые красные и самые вольнодумные польскіе революціонеры. Такимъ образомъ вопросъ о надѣлахъ крестьянамъ у польскихъ революціонеровъ 1862—1863 гг. оказывался сильно подчиненнымъ политическимъ соображеніямъ, въ совершенную противность всему тому, что по этому вопросу учили Герценъ и его друзья, которые не замедлили бы назвать варшавскій декретъ 22 января 1863 г. совершенно недостаточнымъ, если бы онъ вышелъ, напр., отъ русскаго правительства.

Но, если декларації польскихъ революціонеровъ по первому пункту требованій великорусскихъ демократовъ, по аграрному вопросу, были недостаточны, то уступки ихъ по второму пункту, по вопросу о „волѣ (западныхъ) провинцій“, были совсѣмъ призрачны. Уже въ самомъ заявленіи „центральнаго комитета“, на-

[1]) Въ „Золотой Грамотѣ“, изданной послѣ къ „сельскому люду Подоліи, Волыни и Украйны“ (Кіевск. губ.), уже нѣтъ этого условія, но вопросъ о надѣлахъ безземельныхъ крестьянъ (которыхъ тутъ было гораздо меньше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ) предоставленъ на рѣшеніе будущаго „наивысшаго сейма государственнаго“. (Giller, I, 315).

печатанномъ въ „Колоколѣ“, вопросъ о „полной самоправности всякаго народа располагать судьбою своею“ оказывался предрѣшеннымъ въ пользу союза литовцевъ, латышей (Витебской и Курляндской губ.), бѣлоруссовъ и правобочныхъ украинцевъ съ Польшей, по крайней мѣрѣ на время войны ея съ „Москвою“. Казалось бы, „полная самоправность всякаго народа располагать своею судьбою“ должна бы обнимать собою не только свободу жить, съ сохраненіемъ автономіи, въ извѣстномъ союзѣ, но и свободу не приставать къ нему, свободу не принимать вовсе участія въ кровопролитіи, поднятомъ по соображеніямъ одного изъ своихъ сосѣдей, который добивается съ ними союза,—а если уже возставать противъ существующей политической комбинаціи, то прежде всего для себя, по своимъ соображеніямъ. Но не такъ понимали эту самоправность польскіе революціонеры: у нихъ восточные сосѣди поляковъ должны были возставать противъ „Москвы“, потому что это нужно для Польши, потому что поляки не могутъ отъ нихъ отказаться,—а потомъ уже, возстановивъ Польшу,—и непремѣнно Польшу 1772 г.—сосѣди эти должны были получить свободу распоряжаться собою. Чтеніе самихъ декларацій 1862—1863 г., не говоря уже о положеніи дѣлъ въ Галиціи, позволяетъ намъ прибавить къ словамъ „распорядиться собою“: „если только имъ это позволятъ поляки“[1]).

Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, какимъ языкомъ говоритъ декларація „центральнаго комитета“ о непольскихъ народахъ Польши даже въ „Колоколѣ“: „Мы (т. е. поляки) были лишены политическаго существованія насильственно. Мы этого насилія никогда не признавали и не можемъ признать. Поэтому мы не признаемъ ни

---

[1]) Въ виду того, что нѣкоторые польскіе патріоты иногда указываютъ на нѣкоторыя права украинской національности въ Галиціи, тогда какъ русское правительство запрещаетъ печатаніе даже самыхъ невинныхъ украинскихъ книгъ, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ права, какими пользуются украинцы въ Галиціи, существуютъ не благодаря польскимъ политикамъ, а на зло имъ, признаны не польскими законами и учрежденіями, а австрійскими, и постоянно нарушаются и аттакуются всею мѣстною польскою печатью, въ которой дѣйствуетъ много демократовъ-революціонеровъ 1863 г. Галицкая полиція (польская), въ числѣ агентовъ которой есть тоже не мало участниковъ революціи 1863 г., позволяетъ себѣ арестовывать у крестьянъ и сельскихъ учителей самыя невинныя книжки украинскія, какъ это дѣлаетъ и русская полиція, а свободная польская печать не только не порицаетъ этого, какъ это все-таки, хоть изрѣдка, дѣлаетъ подцензурная русская печать, а вполнѣ поддерживаетъ совершенно противозаконныя дѣйствія польской полиціи противъ русиновъ-украинцевъ.

новыхъ границъ, ни правительствъ, основанныхъ на развалинахъ нашей свободы. Для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ (каково уравненіе: x=x+y+z, если только y и z не равны нулю!) безъ всякой гегемоніи котораго нибудь изъ трехъ народовъ. (Почему же тогда это будетъ Польша, и почему тутъ говорится о трехъ народахъ, когда въ одной Литвѣ 1569—1772 г., было ихъ три: литовцы, латыши и бѣлорусы?) Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польши въ прежнихъ границахъ, оставляя народамъ, въ нихъ обитающимъ, т. е. литвинамъ и русинамъ (только?) полную свободу оставаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ волѣ". По истинѣ нельзя не удивляться наивности субъективизма и противорѣчіямъ, заключающимся въ этой тирадѣ; но дальше исчезаетъ даже противорѣчивое признаніе самостоятельности „Литвы и Руси",—и документъ просто заявляетъ, что „союзъ членовъ" искомой Польши „существуетъ и въ настоящее время" и что „требовать отъ насъ, поляковъ, чтобы мы не стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ (?) границахъ, значитъ—требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу нашей свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ, народовъ". Такимъ образомъ даже въ декларацiи, представленной такимъ людямъ, какъ Герценъ, вопросъ о непольскихъ народахъ старой Польши былъ поставленъ, и даже собственно уже разрѣшенъ, съ совершенно субъективной, исключительно польской точки зрѣнія. Но несмотря на это, даже среди демократической партіи, оказались люди, которые находили, что польскіе делегаты въ Лондонѣ уступили слишкомъ много. Такъ, генералъ Мѣрославскій,—лицо, какъ извѣстно, вліятельное, кандидатъ демократической партіи въ диктаторы Польши,—называлъ делегатовъ, которые совѣщались съ редакціей „Колокола", „радикальными чиновниками Бакунина, панславистами, которые согласились на новый раздѣлъ Польши". (См. Мѣрославскаго: „Lettre du général Mierosławski au major Brazewicz", и Бакунина: Un dernier mot sur M. L. Mierosławski. Genève 1868).

Конечно, въ виду совершенно централистическаго характера понятій польскаго общества о народахъ старой Польши, въ прокламаціи 22-го января 1863 г., изданной „варшавскимъ центральнымъ комитетомъ", который выступалъ теперь, какъ „народное правительство", исчезли совсѣмъ даже тѣ „три народа", ко-

торые показывались въ лондонской деклараціи, а признавался только одинъ „народъ Польши, Литвы и Руси“ около „народа московскаго“. (Do broni więc Narodzie Polski, Litwy!... A teraz odzywamy się do ciebie Narodzie Moskiewski!) И такой рѣшительный унитаризмъ находился въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ тѣмъ, что говорилось и писалось въ польскомъ обществѣ всѣхъ партій въ теченіе всего времени, предшествовавшаго возстанію, особенно послѣ 1848 г. (со времени „изобрѣтенія русиновъ“ въ Галиціи), когда польскіе ораторы и писатели развивали на всякіе лады тему: „niema Rusi, a jest tylko Polska i Moskwa“. Только уже послѣ, когда замѣчено было противорѣчіе манифеста 22 января 1863 г., который говорилъ только о „равенствѣ и вольности всѣхъ сыновъ Польши безъ различія вѣры и племени (rodu), происхожденія и сословія“ въ одномъ „народѣ Польши, Литвы и Руси“, съ идеей о самостоятельности непольскихъ народовъ, которыхъ тоже требовалось привлечь къ возстанію,—варшавское „народное правительство“ издало 5-го февраля особую прокламацію къ „братьямъ русинамъ“ (сочинена г. Гиллеромъ), но и въ ней не рѣшилось не только признать русиновъ вполнѣ самостоятельнымъ народомъ, но даже обращалось къ нимъ съ напоминаніемъ о томъ, будто „земля ихъ дѣлила съ (польскою) республикою общее счастіе и несчастіе“ (не время ли Хмельницкаго, Палія или гайдамаковъ?!), и приглашало ихъ не становиться виновными въ задержкѣ „возрожденія общей родины“ (Giller, I, 145). Когда въ концѣ апрѣля 1863 г. поляки приступили къ возстанію и подъ Кіевомъ, и когда вопросъ объ отношеніяхъ дѣйствительной Польши къ „Руси“ получилъ особенную важность, то даже и тогда въ изданной „народнымъ правительствомъ“ на украинскомъ языкѣ „во имя отца и сына и святаго духа“ „Золотой грамотѣ“ вопросъ о самостоятельности „Руси“ постарались поставить какъ можно менѣе ясно. Грамота озаглавлена только „Къ сельскому люду“ и въ концѣ говорится: „къ сельскому люду Подоліи, Волыни и Украйны“, и только этому сельскому люду обѣщано, между прочимъ, „употребленіе его языка въ школахъ, судахъ и земскихъ учрежденіяхъ“ (Giller I, 312—316). [1])

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что вставка словъ „о свободномъ развитіи народностей какъ польской, т а к ъ и у к р а и н с к о й“ въ адресѣ, который подали подольскіе дворяне въ 1862 г. 1 октября въ текстѣ его, напечатанномъ у г. Гиллера (II, 398), есть просто фальсификатъ (чей ??). Въ оффиціальномъ изданіи Les affaires de Pologne этихъ словъ нѣтъ.

Приводимыхъ у г. Гиллера словъ уже потому не могли сказать польскіе дворяне, что у поляковъ слово Украйна употребляется только для означенія Кіев-

Подобнымъ же образомъ относились польскіе революціонеры и къ бѣлорусамъ. Такъ, Константинъ Калиновскій, искреннѣйшій демократъ, печаталъ въ Бѣлостокѣ въ тайной типографіи по бѣлоруски листки: „Pismo ad laska haspadara z pad Wilni“, но озаглавилъ ихъ „da mużikow ziemli polskoj“. Въ пѣснѣ, для бѣлоруссовъ назначенной, писалось: „bywaj zdarowy, mużicki narodsie“, въ другой взывалось „hu-ha wierniem Polszcze!“ и т. д. (Giller, 1, 326, 334, 194). [1]) Только 10 мая, когда уже опредѣлился (сразу) неуспѣхъ возстанія подъ Кіевомъ, варшавскій комитетъ редижировалъ новую прокламацію, въ которой все-таки, конечно не отступая отъ польскаго унитаризма, заговорилъ яснѣе объ „обезпеченіи братскимъ народамъ Литвы и Руси, соединеннымъ съ Польшею, самое широкое развитіе ихъ народности и языка“ Giller, 322—323). Но это заявленіе было столь же запоздалымъ, какъ запоздалымъ было (1849 г.) послѣ всѣхъ проявленій мадьярскаго централизма и исключительности провозглашеніе равноправности народовъ Венгріи правительствомъ Кошута уже тогда, когда Паскевичъ вступилъ въ Венгрію. Мадьярамъ надо было сдѣлать подобное заявленіе, по крайней мѣрѣ, еще, въ 1840 г., а полякамъ по крайней мѣрѣ, въ 1848 году, да и согласить съ нимъ всѣ предреволюціонныя дѣйствія съ того самаго времени. Тогда бы, конечно, не погибло почти напрасно столько благородной крови, но тогда бы, и воззваніе 22-го января не было пропитано такимъ польско-централистическимъ духомъ, и въ декларації, напечатанной въ „Колоколѣ“, не было бы столько софистики, которая тѣмъ печальнѣе, чѣмъ болѣе она была искренна.

ской губерніи (см. сейчасъ въ выдержкѣ изъ „Золотой Грамоты“), а для означенія „украинской“ народности у нихъ употребляется слово (ruski—отлично отъ rossyjski, moskiewski—велико-русскій), а также потому, что нѣкоторые изъ подписавшихъ адресъ предводителей, во время суда надъ ними въ сенатѣ, объявили, что въ присоединеніи къ Царству Польскому видятъ единственную гарантію отъ происковъ партіи „хлопомановъ“, какъ тогда поляки называли сознательныхъ „украинцевъ“.

[1]) Кстати замѣтимъ, что пѣсни и прокламаціи, писанныя поляками въ 1863—1864 гг. для бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ, показываютъ совершенное отсутствіе реальнаго изученія жизни и поэзіи этихъ крестьянъ и отличаются кромѣ плохого, часто помосковленнаго языка, еще фальшивымъ тономъ: то приторно-сантиментальнымъ и салонно-клерикальнымъ, то ухарски-кабацкимъ. Тонъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ характеру тогдашней пейзанско-хлопской литературы польской, которой не доставало вовсе здороваго народничества украинской и великорусской литературы.

Но Герценъ, повидимому, не замѣчалъ ни этой софистики, ни уклоненій варшавскаго „народнаго правительства“ даже отъ тѣхъ уступокъ, какія сдѣлали делегаты послѣдняго въ декларації, напечатанной въ „Колоколѣ“. Въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ вслѣдъ за этой декларацією („Центральному польскому комитету въ Варшавѣ“, „Къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ“ и пр.), Герценъ вполнѣ становится на польскую субъективную точку зрѣнія: „Что Польша желаетъ остаться въ федеральномъ (?) союзѣ со всѣми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой, — говоритъ онъ, — это совершенно естественно, какъ и то, что она не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекаясь отъ самостоятельности своей, тоже ясно. Если бы было иначе, то Варшава, какъ и Петербургъ, признала бы Галицію Австріей, Познань— Пруссіей.“ Въ словахъ этихъ, кромѣ общаго исхода съ точки зрѣнія только Польши да Варшавы, видно еще и незнаніе того, что, напр., Галиція, прежде всего, не Польша, какъ, напримѣръ, Познань. Галиція прежде всего „Галицкая Русь“ и даже во время существованія польскаго государства называлась воеводствомъ „руськимъ“. Какъ „Червоная или Малая Русь“, она была присоединена къ наслѣдственнымъ владѣніямъ венгерско-австрійской короны, и только послѣ того присоединена была административно съ чисто польскими землями воеводства краковскаго, отъ котораго, впрочемъ, нѣкоторое время была и вновь отдѣлена. И если теперь обыкновенно всѣ земли, доставшіяся Австріи отъ польскаго государства, называютъ Галиціей (оффиціальный ихъ титулъ: Королевство Галицкое и Владимірское съ Великимъ княжествомъ Краковскимъ), то все-таки восточная ихъ часть, Галиція собственно, такая же Польша, какъ и Кіевская губернія.

Эту же Кіевскую губернію Герценъ все же не былъ расположенъ такъ легко уступать Польшѣ, какъ легко думали забирать ее польскіе делегаты. Вообще Герценъ, даже и принявши въ общей основѣ программу варшавскихъ делегатовъ, все же не могъ совершенно отказаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, но черезъ это только запутывался въ непримиримыя противорѣчія. Онъ, напримѣръ, возвращается къ прежнимъ своимъ федеральнымъ идеямъ. „Съ своей стороны,—пишетъ онъ,—поляки должны понять, что сохранить тотъ же федеративный союзъ (съ „западными губерніями“) будетъ стремленіемъ не только правительства русскаго, не и всего русскаго народа. Какой же русскій не считаетъ—и при томъ совершенно справедливо—Кіевъ такимъ же

русскимъ городомъ, какъ и Москву?" Выходило бы, такимъ образомъ, что Кіевъ, федеративную связь съ которымъ желаютъ сохранить и поляки, и русскіе, долженъ бы соединить между собою федеративною связью и Варшаву съ Москвою. Но „варшавское правительство" и думать не хотѣло о такой связи, а просто хотѣло отдѣлить отъ Москвы и Варшаву, и Кіевъ, который, по господствовавшимъ тогда (да и теперь) понятіямъ въ польской литературѣ, только случайно отпалъ отъ Польши, благодаря трудному положенію послѣдней при королѣ Янѣ III (L. Chodzko. La Pologne historique etc. ст. 9. Полякъ-профессоръ даже вовсе ничего не говоритъ европейской публикѣ о Б. Хмельницкомъ). Самъ же Герценъ разсказываетъ, что польскіе дѣятели 1861—1864 гг. страхъ боялись всякихъ уступокъ со стороны русскаго правительства, которыя могли бы остановить возстаніе, и какъ думалось, отдѣленіе отъ Москвы всей Польши 1772 г. (Сборн. посм. соч., 211—212). Какимъ образомъ „русскій, подавшій руку полякамъ" на поддержку ихъ возстанія, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе Кіева къ Варшавѣ, могъ въ то же время защищать федеральную связъ Кіева съ Москвою,—совершенно непостижимо.

Но Герценъ простираетъ свои колебанія далѣе: написавши свое присоединеніе къ декларации варшавскихъ делегатовъ, онъ считаетъ однакожъ нужнымъ напомнить имъ о томъ, о чемъ новая польская литература избѣгала говорить,—о старой войнѣ Украйны съ польскимъ государствомъ, о Б. Хмельницкомъ, и предостерегаетъ поляковъ, чтобъ Хмельничина послужила имъ урокомъ. Оказывается, что для Герцена „союзъ Украйны съ Польшею" является все-таки не такимъ рѣшеннымъ дѣломъ, какъ для варшавцевъ. Издатель „Колокола" говоритъ: „При теперешнемъ положеніи дѣлъ, узнать, чего желаетъ Литва, Бѣлоруссія, Малороссія, очень трудно. Гнетъ русскаго правительства не даетъ имъ возможности высказаться... Изъ этого ясно видно, что самый вопросъ надо оставить, не предрѣшая его безъ тѣхъ, кто единственно имѣетъ право его рѣшить. Скажемъ вмѣстѣ съ поляками (?!) быть Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украйнѣ съ кѣмъ они захотятъ, или ни съ кѣмъ, лишь бы волю ихъ узнать не поддѣльную, а дѣйствительную." Впрочемъ тутъ же Герценъ гадалъ, что „народъ, села, массы, если не противъ Польши, то вѣроятно и не за нее", и сейчасъ же допускалъ „тутъ мѣсто самому широкому, законному вліянію польской цивилизаціи", и выражалъ вѣру въ польскую „пропаганду искупленія и отреченія отъ старыхъ злоупотребленій, отъ своихъ правъ на поземельную собственность" и т. п.

Но дѣло въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, относительно Украйны трудно было сомнѣваться въ томъ, что она не хочетъ присоединиться къ Польшѣ. Герценъ, видимо, не зналъ, что въ Галиціи, т. е. внѣ „гнета русскаго правительства“, украинская журналистика и старой партіи („Слово“), и молодой („Вечерныци“) уже въ 1862 г. высказалась противъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г. И въ самой Россіи, не смотря на цензуру, польская сторона успѣла довольно вразумительно поставить вопросъ о принадлежности западныхъ губерній Польшѣ (въ „Slowo“ г. Огрызко, „Kurier“ Wilenski“ г. Киркора, „Biblioteka Warzawska“ и даже въ Аксаковскомъ „Днѣ“, въ статьѣ Грабовскаго), на что украинская сторона отвѣчала въ „Основѣ“ статьями гг. Костомарова, Кулиша и молодыхъ „хлопомановъ“ Антоновича и Рыльскаго, которые сами вышли изъ рядовъ польской демократіи, но разошлись съ нею именно передъ началомъ повстанскаго движенія за возстановленіе исторической Польши. Всѣ украинскія статьи на разные лады развивали козацкую тему „маете собі свою Польщу, а нам наша Україна останеться“. Что же касается до самыхъ „хлоповъ“ украинскихъ, о которыхъ Герценъ предполагалъ, что они „не противъ Польши“, то они, напримѣръ, въ своихъ пѣсняхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ высказались именно „противъ Польши“. [1]) Въ 1862—1863 гг. „хлопы“, будучи возбуждены вопросомъ эмансипаціи и способомъ, какъ исполняли даже Положеніе 19 февраля 1861 г. помѣщики,—единственные представители Польши, которыхъ знали крестьяне,—явно готовились воспользоваться нольскимъ (въ Украйнѣ неизбѣжно панскимъ) возстаніемъ, чтобы начать жаккерію, о чемъ кричала польская печать въ Россіи и за границей въ своей полемикѣ съ украинскими „хлопоманами“ на всѣхъ языкахъ отъ польскаго, до русскаго и французскаго.

И при такихъ условіяхъ Герценъ совѣтовалъ „не предрѣшать вопроса“ даже объ Украйнѣ, совѣтовалъ, прежде всего, „узнать ея неподдѣльную волю“ и даже возлагалъ надежду на „пропаганду искупленія и отреченія (польскихъ пановъ) отъ старыхъ злоупотребленій и своихъ правъ на поземельную собствен-

---

[1]) Отсылаемъ читателя къ оканчиваемой теперь печатаніемъ книгѣ нашей „Нові українські пісні про громадські справи. 1764—1880“.

Выдержки см. въ нашихъ статьяхъ въ „Вѣстникѣ Европы“: „Восточная политика Германіи и обрусеніе„ 1872 г., II—V и „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“ 1875. VIII.

ность". Но „не предрѣшать вопроса" значило бы въ данномъ случаѣ „не поднимать возстанія", по крайней мѣрѣ на Украйнѣ, а между тѣмъ польскіе революціонеры, даже тѣ, кто искренно желалъ только узнать „неподдѣльную волю" непольскихъ народовъ бывшей Польши по политическому вопросу, хотѣли, прежде всего, возстанія этихъ народовъ противъ Россіи подъ знаменемъ, которое во всякомъ случаѣ было непопулярно, по крайней мѣрѣ, на Украинѣ. Что же касается до „законнаго вліянія польской цивилизаціи, пропаганды искупленія и отреченія и пр.", то, допустивъ даже, что ею въ состояніи были проникнуться польскіе помѣщики, которые на дѣлѣ отнимали у крестьянъ даже ту землю, какая была за ними записана по инвентарнымъ правиламъ 1847 г., на все это нужно было время, а варшавскій комитетъ уже объявилъ прямую войну русскому правительству[1]).

Фразу Герцена о настроеніи массъ народа въ западныхъ губерніяхъ относительно Польши скорѣе можно было, перевернувши, приложить къ отношеніямъ ихъ къ Россіи: „не за Россію, но и не противъ нея". Придавленный крѣпостнымъ правомъ народъ даже на Украйнѣ сталъ представлять себѣ темно чисто политическіе вопросы. Сейчасъ послѣ присоединенія къ Россіи на-

---

[1]) Напримѣръ, въ Кіевской губерніи по инвентарямъ 1847 г. крестьянамъ должно было отойти 1231472 десятины, а по уставнымъ грамотамъ, составленнымъ польскими помѣщиками и посредниками до 1863 г., отходило только 1 061 969 д. Тоже было и въ другихъ западныхъ губерніяхъ (Чубинскаго. Труды экспедиціи VII. 515). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ мѣста, чтобы остановиться на аграрной политикѣ польскихъ помѣщиковъ передъ возстаніемъ 1863 г., а она то и имѣла рѣшающее вліяніе на поведеніе крестьянъ во время возстанія. Кромѣ того, объ этой политикѣ слѣдовало бы сказать въ виду того, что польскіе писатели, даже демократы, какъ г. Гиллеръ (членъ варшавскаго центральнаго комитета), наклонны представлять польскихъ помѣщиковъ слишкомъ большими друзьями крестьянъ, опираясь на то, что первый рескриптъ о приступѣ къ эмансипаціи крестьянъ данъ былъ вслѣдствіе переговоровъ виленскаго генералъ-губернатора съ мѣстными панами въ 1857 г. Между тѣмъ, уже изъ изданныхъ въ 1860 г. „Матеріаловъ для ист. упраздн. крѣп. сост. и пр." можно видѣть, что виленскіе помѣщики вовсе и не просили царя объ эмансипаціи крестьянъ, а только согласились заняться вопросомъ крестьянскимъ и послать для изученія его экспедицію въ Германію (op. cit. 137—138). По тѣмъ же матеріаламъ, а также по тому, что напечатано въ трудѣ г. Скребицкаго, въ Запискѣ сенатора Соловьева и др. видно, что и послѣ—стремленія почти всѣхъ помѣщиковъ западныхъ губерній не шли дальше „остзейскаго" освобожденія, т. е. безъ земли и съ сохраненіемъ вотчинной полиціи. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ 1862—1863 гг. помѣщиками о присоединеніи западныхъ губерній къ Царству Польскому, высказывались жалобы на небезопасное настроеніе крестьянъ. И отъ такихъ людей ждали „отреченія отъ правъ собственности!"

родъ не взлюбилъ ее, главнымъ образомъ, черезъ подушное и рекрутчину, но Польшу ненавидѣть все-таки не пересталъ, такъ какъ она ему представлялась въ образѣ ежедневно допекающей панщины. Народная пѣсня того времени, не забытая и до сихъ поръ, сравнивала оба государства съ мрачными тучами: „Наступила чорна хмара, настала ще й синя: Була Польща, була Польща, та й стала Россія!...“

Съ теченіемъ времени память о меньшихъ государственныхъ тяготахъ до присоединенія къ Россіи слабѣла, а панщина между тѣмъ усиливалась, такъ что народъ на правомъ берегу Днѣпра несомнѣнно былъ гораздо болѣе враждебенъ противъ Польши передъ 1863 г., чѣмъ былъ онъ передъ 1830—31 г., и потому въ виду польскаго возстанія долженъ былъ стать de facto за Россію. Единственное возстаніе, въ которомъ народъ могъ бы принять участіе, это было бы прямое возстаніе противъ пановъ. Но на такое возстаніе не рѣшались самые красные изъ польскихъ демократовъ, которые все-таки звали крестьянъ прежде всего бить „москалей“.[1]) Что касается до болѣе образованныхъ украинцевъ, то ихъ настроеніе, довольно ясно высказанное и въ 1861—1863 гг., несмотря на цензуру, было довольно близко къ настроенію ихъ крестьянства. Будучи явно „противъ Польши“, они тоже не были „за Россію“, но не были и противъ нея, особенно не были еще готовы дѣйствовать противъ нея. Начать съ того, что сознательныхъ украинцевъ было еще очень мало, и они были очень слабы, такъ такъ имъ нужно было (да нужно и теперь) нарождаться посредствомъ труднаго нравственнаго процесса изъ польскаго и русскаго привилегированнаго общества на правомъ и лѣвомъ берегу Днѣпра и затѣмъ искать себѣ опоры въ массахъ народа. Для послѣдняго нужно было много предварительной работы. Въ политическомъ отношеніи не только слабость украинской партіи, но и самыя историческія условія украинскаго племени вообще производили то, что украинскіе автономисты скло-

---

1) И въ самомъ Царствѣ Польскомъ происходили въ 1861—63 гг. волненія крестьянъ противъ помѣщиковъ, и тамъ постоянно высказывался (даже въ кругахъ революціонеровъ) страхъ „жаккеріи“. И тамъ крестьяне могли бы быть подняты только прежде всего противъ помѣщиковъ. Между тѣмъ революціонеры, даже и не такіе бѣлые, какъ Лангевичъ, взяли на себя роль совершенно невыполнимую для революціонеровъ, а именно: кромѣ роли войска противъ „москалей“, еще и роль посредниковъ между панами и крестьянами! Послѣднюю роль можетъ исполнить только установленное, сильное войскомъ и администраціей, правительство.

нялись не столько къ сепаратическому идеалу по отношенію къ Россіи, сколько къ федеральному. Не отдѣленіе отъ Россіи, а тѣмъ болѣе—къ Польшѣ, а преобразованіе ея, возможное только при дружномъ участіи всѣхъ ея народовъ, начиная отъ великоруссовъ, занимали въ 60-ые годы украинскихъ автономистовъ, какъ можно видѣть и по цитированной въ предыдущей главѣ статьѣ въ „Колоколѣ".[1]) Подобные украинскимъ, хотя еще болѣе ихъ слабые кружки стали образовываться и среди литвиновъ и даже бѣлоруссовъ. Развитіе всѣхъ этихъ кружковъ, сближеніе ихъ съ массами народа и соединеніе ихъ для совмѣстнаго дѣйствія съ великорусскими съ цѣлью федеральнаго преобразованія Россіи требовало времени. Сепаратическое же движеніе поляковъ даже и въ одномъ Царствѣ Польскомъ могло задержать развитіе либеральнаго и федеральнаго движенія въ Россіи, возбудивъ монархическій и централистическій духъ въ великороссійскомъ населеніи. Перенесенное же на Литву, Бѣлоруссію и на Украйну, да еще въ моментъ, когда крестьяне только что получили какую ни на есть свободу отъ русскаго царя, это польское движеніе должно было парализовать всякое оппозиціонное движеніе на западѣ, какъ и на востокѣ Россіи, что и случилось въ дѣйствительности и что не такъ то уже трудно было предвидѣть и въ 1862—1863 гг.

Послѣ напечатанія „Посмертныхъ сочиненій" Герцена оказалось, что и онъ, и друзья его очень близки были къ этому предвидѣнію. Такъ, между прочимъ, напечатаны письма Огарева и Бакунина къ тѣмъ русскимъ ихъ единомышленникамъ, которые готовились принять активное участіе въ польскомъ возстаніи. Огаревъ прямо писалъ: „При теперешнемъ преждевременномъ возстаніи, Польша очевидно погибнетъ, а русское дѣло надолго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти, идущей въ связи съ преданностью царю, и воскреснетъ только послѣ, долго послѣ, когда вашъ подвигъ перейдетъ въ такое же преданье, какъ 14-го декабря, и взволнуетъ умы поколѣнія, теперь еще не зачатаго. Выводъ ясенъ: отклоните возстаніе до лучшаго времени соеди-

[1]) Интересно, что легкая струйка сочувствія польскому возстанію на Украйнѣ проявилась въ кружкахъ украинофиловъ на лѣвомъ берегу Днѣпра (см. біографію полтавскаго поэта В. С. Кулика въ „Правдѣ" (львовской) 1874 № 12), гдѣ нѣтъ поляковъ, тогда какъ на правомъ берегу все, что сознавало себя украинскимъ, было противно этому возстанію. Это была въ маломъ видѣ исторія Мазепы и Палія.

ненія силъ"... Бакунинъ писалъ: „Нельзя не сознаться, что общему мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательнаго движенія преждевременное и частное возстаніе Польши грозить перерывомъ". (См. соч. 219—221). И Огаревъ, и Бакунинъ, очевидно, думали главнымъ образомъ о Великороссіи, когда писали эти строки, а потому несомнѣнно, что если бы они ясно представляли себя полную безнадежность польскаго возстанія и въ „западныхъ губерніяхъ" и болѣе критически отнеслись къ самой программѣ польскихъ политиковъ относительно этихъ земель, то ихъ совѣты русскимъ друзьямъ были бы болѣе настойчивы въ отрицательномъ отношеніи. [1])

Оказывается, что болѣе наблюдательный и скептическій Герценъ вовсе не такъ былъ увлеченъ декларацiями варшавскихъ делегатовъ, какъ можно было думать, судя по тогдашнимъ статьямъ „Колокола". Въ статьѣ „М. Б. (Михаилъ Бакунинъ) и польское дѣло" Герценъ разсказываетъ о своихъ разговорахъ съ Бакунинымъ и съ польскими делегатами въ 1862 г. по вопросу объ участіи русскихъ въ тогдашней польской революціи. Прочитавъ привезенную изъ Варшавы декларацію, Герценъ предложилъ „посильнѣе оттѣнить и яснѣе высказать мысль о самостоятельности провинцій"; настаивалъ онъ и на необходимости больше оттѣнить мысль: „нѣтъ освобожденія безъ земли". Поляки уступали, но не безъ споровъ. „Этотъ споръ изъ-за словъ, говоритъ Герценъ, показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было одинаково... Б. былъ недоволенъ мною, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

— Чего ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ, какъ катехизисъ; нельзя же имъ, поднявши національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство. (Чье? — Польши!!!)

---

[1]) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что поляки поспѣшили съ возстаніемъ въ надеждѣ на помощь иностранныхъ правительствъ, особенно Наполеона III. Также несомнѣнно, что поднятіе возстанія въ Кіевской, Могилевской и даже Курляндской губерніяхъ имѣло значеніе прежде всего демонстраціи старыхъ границъ Польши, а также стратегической диверсіи, въ результатѣ которыхъ должно быть, по крайней мѣрѣ, отдѣленіе, при помощи западной дипломатіи, Царства Польскаго, т. е. возстановленіе „Польши, если не какъ великой, то хоть какъ малой державы", какъ выразился одинъ молодой польскій революціонеръ въ Кіевѣ въ первый день польскаго возстанія.

— Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій много.

— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ; чего же тебѣ еще?

— Есть таки кое что!...

— Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ,— повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда:—придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература.

— Съ моей стороны, замѣтилъ Г. (одинъ изъ делегатовъ), я изъ-за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы смыслъ остался тотъ же.

— Браво, Г., — радостно воскликнулъ Б.

— Ну, этотъ, — подумалъ я, — пріѣхалъ подкованный и по лѣтнему, и на шины; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ! ☙ (Посм. Соч. 213—215).

— Смертельно жаль Потебню и его товарищей (русскихъ офицеровъ въ Царствѣ Польскомъ, приставшихъ къ революціи), — говорилъ Герценъ Бакунину, — и тѣмъ больше, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками.

Ожиданіе Герцена сбылось: помощи польскому возстанію онъ не принесъ, — а свое дѣло погубилъ. Разсказывая о томъ, какъ это случилось, какъ онъ, споря съ Бакунинымъ, все же „нехотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ“, Герценъ говоритъ: „Здѣсь я остановлюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежомъ и протестомъ? Съ одной стороны, достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой, готовность поступить иначе. Эта шаткость, эта поспѣшность, dieses Zögern, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à contre cœur; вся отрицательная сторона дѣла была у меня передъ глазами... Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, если бъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя...“

Изъ разсказа Герцена скорѣе всего можно вывести заключеніе, что, присоединившись къ польскому движенію 1862—1863 гг., онъ поддался вліянію настойчивости и возбужденности Бакунина. Вліяніе это, несомнѣнно, было, но оно одно не объясняетъ всего дѣла.

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.

Предисловіе.

Авторъ предлагаемыхъ нынѣ читателямъ „Кіевской Старины“ автобіографическихъ записокъ, протоіерей *Николай Ивановичъ Соколовъ*, жилъ и дѣйствовалъ въ Одессѣ болѣе полувѣка (1838—1891 гг.) и въ продолженіе всего этого времени пользовался въ обществѣ репутаціею серіознѣйшаго и ревностнѣйшаго пастыря церкви—проповѣдника и законоучителя, и въ тоже время—человѣка образованнѣйшаго, неизмѣнно—до конца жизни любившаго науку и литературу. Понятно, что автобіографическія записки его могутъ представить живой интересъ, почему мы и находимъ возможнымъ напечатать ихъ въ Кіевской Старинѣ, хотя начало ихъ касается мѣстности, не относящейся къ Украинѣ.

Для того, чтобы подготовить читателей къ чтенію „Воспоминаній и Автобіографіи“ протоіерея Н. И. Соколова, представимъ сначала краткій очеркъ его жизни, а затѣмъ сдѣлаемъ въ общихъ чертахъ очеркъ содержанія его записокъ.

Протоіерей Николай Ивановичъ Соколовъ родился въ 1805 году въ г. *Мценскѣ*, орловской губерніи, гдѣ отецъ его былъ діакономъ Соборной церкви. Дѣтство же свое онъ провелъ въ селѣ *Спасскомъ*, мценскаго уѣзда, куда отецъ его поступилъ священникомъ въ 1807 году. На десятомъ году онъ опредѣленъ былъ отцемъ въ епархіальную семинарію, заключавшую тогда въ себѣ и низшіе—училищные—классы и находившуюся въ г. *Сѣвскѣ*, гдѣ была и каѳедра орловскаго архіерея. Въ 1819 г. эта каѳедра перенесена была въ г. Орелъ, и съ него перешла туда и духов-

ная семинарія изъ Сѣвска, такъ что Ник. Иван. Соколовъ окончилъ курсъ духовной семинаріи уже въ Орлѣ, въ 1827 г. Какъ лучшій изъ воспитанниковъ семинаріи, Соколовъ былъ посланъ на казенный счетъ для дальнѣйшаго образованія въ кіевскую д. академію. Здѣсь онъ пробылъ 4 года—съ 1827 по 1831 г. Въ кіевской академіи личность Соколова не прошла не замѣтною. На одну изъ темъ по исторіи русской церкви, предложенныхъ тогдашнимъ кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ, именно: „О времени крещенія Великой Княгини Россійской Ольги", Соколовъ, еще будучи студентомъ, написалъ разсужденіе, которое тогда же было напечатано въ Кіевѣ на счетъ Академіи, при чемъ авторъ его удостоенъ румянцевской преміи, учрежденной при кіевской академіи въ память митрополита Евгенія [1]). По окончаніи академическаго курса со степенью Кандидата Богословія, Соколовъ былъ назначенъ въ г. *Херсонъ*—на должность смотрителя духовнаго училища. Херсонъ въ то время принадлежалъ еще къ епархіи Екатеринославской,—и Соколовъ долженъ былъ, прежде чѣмъ отправиться на мѣсто службы, заѣхать въ Епархіальный городъ—*Екатеринославъ* и представиться здѣсь какъ епархіальному архіерею, такъ и семинарскому начальству, въ вѣдѣніи котораго находилось тогда херсонское духовное училище. Въ бытность свою въ Екатеринославѣ Соколовъ познакомился съ семействомъ умершаго каѳедральнаго протоіерея *Іоанна Станиславскаго*, бывшаго когда-то учителемъ екатеринославской д. семинаріи, когда послѣдняя находилась еще въ г. Полтавѣ (съ 1780—1797 гг.),—и здѣсь—въ средѣ этой старинной малорусской фамиліи—нашелъ себѣ невѣсту *Варвару Ивановну*, одну изъ дочерей упомянутаго протоіерея Станиславскаго, съ которою и прожилъ въ счастливомъ супружествѣ болѣе 50 лѣтъ. Въ г. Херсонѣ, вмѣстѣ съ должностію смотрителя духовнаго училища, Соколовъ вскорости занялъ и открывшуюся вакансію протоіерея Херсонскаго Успенскаго Собора, для чего и принялъ рукоположеніе въ священство въ 1832 г., 28 февраля.—Въ Херсонѣ Соколовъ оставался до 1838 г. Въ это время открыта была самостоятельная *Херсонская епархія*—

---

[1]) По завѣщанію государственнаго канцлера графа *Николая Петровича Румянцева*, большого любителя русской старины и друга митроп Евгенія,—внесенъ въ сохранную казну билетъ въ *три тысячи* рублей—съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы ежегодно выдаваемы были въ награжденіе „въ честь и имя преосвящ. митроп. Евгенія" тому изъ воспитанниковъ кіевской академіи, который лучше опредѣлитъ или объяснитъ какую-либо русскую древность.—

съ архіерейской каѳедрой и семинаріей *въ г. Одессѣ*—и Соколовъ перешелъ въ Одессу и опредѣленъ былъ здѣсь наставникомъ духовной семинаріи по предметамъ Исторіи и Греческаго языка. Вмѣстѣ съ этимъ—въ томъ же 1838 г.—онъ занялъ и должность законоучителя въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.—Въ 1851 г., по распоряженію архіепископа херсонскаго *Иннокентія Борисова*, протоіерей Соколовъ былъ назначенъ настоятелемъ Одесской Старо-Кладбищенской церкви, и членомъ херсонской духовной консисторіи,—и съ тѣхъ поръ, оставивши учебно-воспитательную службу, посвятилъ себя только приходской и епархіально-административной дѣятельности. Въ Старо-Кладбищенской церкви онъ настоятельствовалъ болѣе 37 лѣтъ; но въ концѣ 1888 года, по старости лѣтъ, вышелъ въ отставку и съ этихъ поръ жилъ *на покоѣ*, окруженный попеченіями своего семейства. Скончался о. протоіерей Н. И. Соколовъ 4 марта 1891 года на 87 году своей жизни и погребенъ *внутри* Старо-Кладбищенской Одесской церкви, для которой онъ такъ долго и много потрудился.

Какъ христіанскій пастырь и законоучитель, какъ Богословъ съ философскимъ направленіемъ ума, какъ любитель науки и литературы,—протоіерей Соколовъ много работалъ на поприщѣ человѣческаго слова и оставилъ послѣ себя много произведеній и въ печати, и въ рукописяхъ [1]).

---

[1]) Перечислимъ извѣстные намъ *печатные* его труды. А) *Вышедшіе отдѣльнымъ изданіемъ*: 1) „Собраніе рѣчей, сказанныхъ по случаю выпуска воспитанницъ Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ“, Одесса 1851 г. 2) „Чтеніе изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“—въ 2-хъ частяхъ. Одесса, 1857 г. Этотъ трудъ вышелъ послѣ *вторымъ изданіемъ*—подъ заглавіемъ: „Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта“ въ 2-хъ частяхъ.—Б). *Помѣщенные въ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“*: 1) „Слово на Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы“ (1860 г. № 10). 2) „Изъ размышленій христіанина—мыслителя: *Солнце и цвѣты*“ (1860, № 11). 3) „Нѣчто о душѣ (*изъ вечерняго разговора*“) (1861 г. ч. П). 4) „Благоговѣйныя размышленія о видимомъ и невидимомъ небѣ“ (1861 г., ч. Ш). 5) „Нелишній отзывъ“ (касательно устраненія безпорядковъ при причащеніи во святую четыредесятницу) (1861 г.) 6) „Мысли по поводу статьи: *Звѣздное Небо*“ (1861 г., ч. IV). 7) „Свѣдѣнія о протоіереѣ А. И. Логиновскомъ“ (1862 г., № 2-й). 8) „Татарское иго и подвиги Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго“ (1862 г.). 9) „Водвореніе церкви Христовой между славянскими племенами“ (1863 г., ч. IX). 10) „Взглядъ на вѣру и богослуженіе въ православной церкви“ (1863 г., ч. X). 11) „Трехголосное пѣніе въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ“ (1873 г.) 12) „Рѣчь при погребеніи Одесскаго каѳедральнаго протоіерея *Іоанна Знамейскаго*“ (1873 г.). 13) „Методъ обученія по методѣ вятскаго монаха“ (1874 г.). 14) „Рѣчь при погребеніи архіепископа Херсонскаго *Іоанникія*“ (1877 г.). 15) „Слово на Св. Пасху“ (1877 г.). 16) „Рѣчь къ ученикамъ Одесской Духовной Се-

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что протоіерей Н. И. Соколовъ, помимо своей профессіональной церковно-общественной дѣятельности, славился въ Одессѣ еще и какъ благоразумный, практическій и предусмотрительный домохозяинъ, и какъ заботливый и счастливый семьянинъ. Трудами, бережливостью и благоразумною распорядительностію онъ успѣлъ составить себѣ очень значительное состояніе. Дѣтямъ своимъ далъ прекрасное воспитаніе и образованіе. Трехъ дочерей своихъ выдалъ замужъ за людей, составившихъ себѣ имя въ исторіи Одессы и „Херсонской епархіи. Старшая дочь его *Любовь Николаевна* вышла замужъ за *Андрея Ивановича Логиновскаго*, магистра С.-Петербургской духовной академіи 1849 г. [1]). Средняя дочь *Надежда Николаевна* вышла замужъ за *Гавріила Яковлевича Селецкаго*, кандидата Кіевской Духовной Академіи 1855 г., скончавшагося годъ тому назадъ (16 ноября 1904 г. въ должности каѳедральнаго протоіерея Одесскаго собора. [2]) Наконецъ, младшая дочь протоіерея

минаріи въ день столѣтняго юбилея рожденія Императора Александра I (1878 г.). 17) „О живомъ общеніи между членами небесной церкви и церкви существующей на землѣ“ (1883 г.). 18) „Воспоминанія о частныхъ школахъ грамоты“ (1883 г.)— 13) *Помѣщенные въ газетѣ „Одесскій Вѣстникъ“*: 1) „Рѣчь преосвященнымъ, отправлявшимся на 50-лѣтній юбилей кіевской дух. академіи“ (1869 г., № 217-й). 2) „О Реймскомъ Евангеліи“ (1879 г. № 96).

[1]) А. И. Логиновскій былъ воспитанникъ Архіепископа Иннокентія Борисова, взятый имъ еще съ отроческихъ лѣтъ—въ Вологдѣ и благодаря его попеченіямъ прошедшій весь курсъ духовнаго образованія. Приглашенный преосв. Иннокентіемъ на епархіальную службу въ г. Одессу,—онъ много помогалъ знаменитому архипастырю въ его административной дѣятельности, часто ѣздилъ съ нимъ при обозрѣніи имъ епархіи и исполнялъ при этомъ различныя его порученія. Между прочимъ онъ сопровождалъ Иннокентія и въ послѣднюю поѣздку его въ Крымъ—весною 1857 года, во время которой знаменитый архипастырь простудился и пріобрѣлъ себѣ предсмертную болѣзнь. Эту поѣздку и эту болѣзнь А. И. Логиновскій впослѣдствіи подробно описалъ—и этотъ литературный трудъ его представляетъ драгоцѣнный источникъ для знакомства съ послѣдними днями жизни Иннокентія изъ „Херсонскихъ Епарх. Вѣдомостей“, гдѣ этотъ трудъ первоначально появился,—онъ перепечатанъ потомъ въ извѣстной книгѣ М. П. Погодина „Вѣнокъ на могилу Иннокентія“ (М. 1867 г.) подъ заглавіемъ: „Послѣдняя поѣздка въ Крымъ, и послѣдніе дни жизни покойнаго Высокопреосвященнаго архіепископа Иннокентія).—Служа протоіереемъ при одесской Покровской церкви, А. И. Логиновскій пріобрѣлъ себѣ особенное уваженіе прихожанъ ревностнымъ проповѣданіемъ слова Божія и усердіемъ при исповѣди ихъ въ Великій постъ. Протоіерей Логиновскій скончался въ 1859 г. тесть его, протоіерей Н. И. Соколовъ посвятилъ статью его памяти, упомянутую нами выше.

[2]) Протоіерей Г. Я. Селецкій займетъ видное мѣсто въ исторіи родной для него Херсонской епархіи, какъ администраторъ, отличавшійся неподкупною честностію и прямотою, чуждаго кривыхъ путей.

Н. И. Соколова *Вѣра Николаевна* вышла замужъ за уроженца Подоліи *Мартирія Ѳедоровича Чемену.*[1]) Вотъ какихъ зятей имѣлъ протоіерей Н. И. Соколовъ! Онъ по всей справедливости могъ любоваться ими, и ими славиться среди Одесскаго общества...

О протоіереѣ Н. И. Соколовѣ, еще при жизни его, появлялись біографическіе отзывы, при чемъ перечислялись и его литературные труды. Въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, біографическій очеркъ протоіер. Соколова помѣщенъ въ статьѣ протоіерея С. А. Серафимова—подъ заглавіемъ: „Историческое описаніе „Херсонскаго Успенскаго собора", напечатанной въ „Херсонск. Епарх. Вѣдомостяхъ" за 1881 г. Къ свѣдѣніямъ о литературныхъ трудахъ протоіерея Соколова, сообщеннымъ Серафимовымъ, редакторъ „Херс. Епарх. Вѣд." М. Ѳ. Чемена сдѣлалъ значительныя дополненія и въ заключеніе говоритъ: „Намъ извѣстно, что кромѣ этихъ небольшихъ статей, о. Н. И. Соколовъ писалъ цѣлыя изслѣдованія: „противъ матеріализма", „о Глаголитскомъ или Готѳскомъ алфавитѣ", „Взглядъ на исторію славянъ и грековъ Балканскаго полуострова" и проч.; но эти изслѣдованія онъ не давалъ въ печать, а только читалъ ихъ по временамъ въ кругу друзей и сослуживцевъ. Какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ частныхъ бесѣдахъ сказалось разнообразіе его натуры: онъ и богословъ, и философъ, и поэтъ, и филологъ, и историкъ, и политико-экономистъ; онъ любитъ слѣдить за наукой въ самыхъ разнообразныхъ развѣтвленіяхъ ея, но никогда не былъ рабомъ ходячихъ въ извѣстное время ученій и относился къ нимъ критически. Ораторскія способности его были также замѣтны, особенно въ молодые годы его жизни. Въ настоящемъ (1881) году въ началѣ октября истекаетъ 50-лѣтіе службы этого почтеннаго протоіерея".

---

[1]) Магистръ Кіевской дух. Академіи 1855 г., который оставилъ по себѣ неизгладимую память въ Одессѣ и во всей Херсонщинѣ и какъ пастырь—проповѣдникъ и законоучитель, и въ особенности какъ ректоръ Одесской Духовной семинаріи, занявшій эту послѣднюю должность *по выбору* преподавателей и представителей духовенства, проходившій ее непрерывно болѣе 30 лѣтъ и пріобрѣвшій себѣ всеобщую искреннюю любовь какъ сослуживцевъ по семинаріи, такъ и воспитанниковъ ея—за свой умъ, образованность и гуманнѣйшій характеръ. Въ то же время въ продолженіе всей своей ректорской службы въ Одесской д. семинаріи М. Ѳ. Чемена былъ редакторомъ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" и помѣстилъ въ нихъ много талантливыхъ, написанныхъ прекраснымъ языкомъ, статей по богословскимъ и церковно-практическимъ вопросамъ... М. Ѳ. Чемена скончался 8 января 1903 г. и былъ оплаканъ всей Одессой и Херсонской епархіей.

Дѣйствительно, въ октябрѣ 1881 года о Н. И. Соколовъ праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей службы, и по этому поводу въ „Херсонск. Епарх. Вѣдомостяхъ“ того же года (№ 23-ій) помѣщено было описаніе подробностей этого празднества, ярко освѣтившихъ прошедшую разнообразную и многоплодную дѣятельность этого даровитаго пастыря и труженика.

По смерти протоіерея Н. И. Соколова, помѣщенъ былъ въ „Херсонск. Епарх. Вѣд.“ его *некрологъ* подъ заглавіемъ: „Поучительная кончина священнослужителя Божія“. Здѣсь сообщены нѣкоторыя очень интересныя свѣдѣнія для біографіи Соколова и для знакомства съ его литературною дѣятельностью. Такъ, о времени его школьной семинарской жизни говорится слѣдующее: „обучаясь въ Орловской семинаріи, онъ много читалъ книгъ духовнаго содержанія: *„житія святыхъ“* производили на него сильное впечатлѣніе, а по прочтеніи св. Іоанна Лѣствичника и Печерскаго Патерика, у него сложилось мнѣніе, что *единственный* путь спасенія—монастырскіе подвиги. Объ этомъ за годъ до окончанія курса онъ объявилъ бывшему тогда ректору семинаріи, архимандриту *Гаврілу* (автору „исторіи философіи“) присовокупивъ, что всякія познанія онъ почитаетъ теперь за *уметы* и готовъ оставить заведеніе. Ректоръ разъяснилъ ему, что этого вовсе нельзя сказать объ изученіи воли Божіей, изложенной въ Божественномъ Откровеніи и хранимой св. церковію, и убѣдилъ его остаться въ семинаріи до окончанія курса. Юный идеалистъ повиновался, но пѣшкомъ совершилъ во время каникулъ путешествіе въ Кіево-Печерскую лавру. Дорогою онъ питался однимъ хлѣбомъ и сухарями. Путешествіе это нѣсколько измѣнило его воззрѣнія, подъ впечатлѣніемъ картинъ мирныхъ и тяжелыхъ трудовъ въ страдную пору крестьянъ, въ потѣ лица добывавшихъ себѣ и другимъ хлѣбъ. Здѣсь онъ додумался, что если монастырскіе подвиги представляютъ собою *вѣрный* путь спасенія,—то и тяжелый, но честный трудъ во имя Господне для хлѣба насущнаго во благо ближнихъ не приведетъ человѣка къ погибели. Оставаясь еще годъ въ семинаріи, онъ утвердился въ этой мысли на основаніи твореній св. Іоанна Златоуста, особенно толкованій его на посланіе св. Апостола Павла. По окончаніи Кіевской Академіи, благоговѣя предъ высокимъ идеаломъ дѣвственной жизни, онъ нашелъ болѣе соотвѣтствующимъ своимъ силамъ жизнь супружескую—*бракъ честенъ* и *ложе нескверно*. Но прямо съ академической семьи онъ принялъ санъ духовный и съ достоподражаемою честностію носилъ его до конца долгой жизни своей“.

Далѣе, въ некрологѣ сказано, что и въ старости Протоіерей Соколовъ не прерывалъ своихъ любимыхъ литературныхъ занятій. „Ослабѣвъ уже зрѣніемъ, онъ тѣмъ не менѣе много читалъ и интересовался всѣмъ, что печаталось по разнымъ отраслямъ наукъ, особенно по предметамъ св. вѣры. Въ часы досуга онъ обрабатывалъ свою философскую статью „о мірѣ невидимомъ“ и продолжалъ давно начатыя „записки о своихъ предкахъ, о жизни отца и собственной жизни“. Въ первомъ сочиненіи, посредствомъ твердаго и яснаго анализа душевныхъ явленій, искренно убѣжденный авторъ доказываетъ несомнѣнность бытія духовнаго, невидимаго міра. Во второмъ трудѣ, кромѣ воспоминаній личныхъ, дорогихъ для родныхъ лицъ сообщаются разныя, интересныя для всякаго, подробности изъ быта и условій жизни духовенства и общества прошедшихъ временъ. Тотъ и другой трудъ остаются въ рукописи.“—„Выйдя въ отставку, старецъ еще болѣе сталъ заниматься чтеніемъ книгъ, часто погружался въ глубокія размышленія о прошедшемъ и настоящемъ, дѣлился своими мыслями и наблюденіями съ часто посѣщавшими его лѣтораслями своего дома и рода—разныхъ возрастовъ и чистосердечно предавался тихимъ радостямъ родного круга.“

Затѣмъ, въ некрологѣ описывается предсмертная болѣзнь о. Николая Соколова, начавшаяся 1-го марта 1891 года—и послѣдніе часы и минуты его жизни: какъ молился старецъ на смертномъ одрѣ, какъ припоминалъ и пѣлъ ослабѣвшимъ голосомъ любимыя свои церковныя пѣсни и какъ наконецъ 4-го марта умирающій исповѣдывался и причастился Св. Таинъ Христовыхъ и и какъ стали читать ему *„Послѣдованіе при исходѣ души изъ тѣла“*. Послѣдній вздохъ старца совпалъ съ послѣднимъ словомъ молитвы на исходъ души!..“—

Послѣ описанія *погребенія* о. протоіерея Н. Соколова, въ некрологѣ наконецъ дѣлается перечень (хотя не полный) его сочиненій и въ заключеніе говорится слѣдующее: „Писалъ онъ сверхъ того много, но много писаннаго уничтожено имъ самимъ. Оставилъ онъ въ рукописи только вышеупомянутыя статьи „о мірѣ невидимомъ“—философскаго содержанія—и „Записки о предкахъ, о жизни отца и собственной жизни“ съ весьма цѣнными воспоминаніями, имѣющими и частный, и общій интересъ. Особенности его сочиненій—простота, легкость, ясность, какая то прозрачность изложенія, мирный успокоительный духъ православной вѣры, широты разумѣнія святыхъ истинъ ея, любовь по чело-

вѣчеству на всѣхъ степеняхъ его положенія, и чисто-сердечная-чуждая раздраженія, правда о людяхъ."—

Для того, чтобы окончить біографическій очеркъ одесскаго протоіерея Н. И. Соколова, мнѣ остается только сказать о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ изъ личнаго своего знакомства съ этимъ достопочтеннымъ старцемъ... Я познакомился съ нимъ уже въ 1887 г., когда ему было болѣе 80 лѣтъ... Старческое лицо его было очень симпатичное, въ обращеніи былъ кротокъ, благодушенъ, доступенъ и ласковъ. Любилъ очень вести разговоръ о предметахъ философскихъ и историческихъ. Всякій разъ при свиданіи съ нимъ я съ величайшимъ интересомъ слушалъ его рѣчь и въ особенности его воспоминанія о прошломъ... Такъ какъ эти воспоминанія имѣютъ общій интересъ, то я здѣсь и передамъ то, о чемъ говорилъ со мною старецъ — въ каждое изъ моихъ съ нимъ свиданій. Въ первый разъ я увидѣлъ о. Николая Соколова 25 октября 1887 года—на именинахъ у его зятя—ректора одесской д. семинаріи протоіерея *Мартирія Ѳедоровича Чемены*. Познакомившись съ о. Николаемъ, я скоро съ нимъ разговорился... Вотъ что сообщилъ онъ мнѣ въ этотъ разъ: „когда я былъ студентомъ Кіевской академіи, то тамъ еще не знали и не жаловали Пушкина... Больше господствовалъ Жуковскій. Въ Херсонѣ, будучи смотрителемъ духовнаго училища, я уже зналъ и любилъ Пушкина. У меня были его сочиненія. Въ Херсонѣ тогда былъ вице-губернаторъ *Брюхачевъ*. Я очень много потерялъ въ его мнѣніи, что читалъ Пушкина... Въ особенности онъ недоволенъ былъ, когда увидѣлъ у меня на столѣ томъ Пушкина съ раскрытыми страницами, гдѣ было помѣщено стихотвореніе *Гусаръ*...—Когда ректоръ Кіевской академіи *Иннокентій* ѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ *Неволинымъ*, ректоромъ Кіевскаго университета,—они заѣхали ко мнѣ—въ Херсонъ. Иннокентій былъ землякъ мой, и въ Академіи хорошо меня зналъ, и сочиненіе мое о княгинѣ Ольгѣ напечаталъ въ „Опытахъ упражненій воспитанниковъ Кіевской Академіи пятаго учебнаго курса". Увидя у меня на стѣнѣ портретъ Пушкина, Иннокентій сказалъ: „А, у васъ Пушкинъ! да, это былъ феноменъ... Такихъ людей, какъ онъ, нельзя судить по ихъ жизни. У нихъ бываютъ мунуты, когда они являются и дѣвственными, и чистыми, и высокими, и великими... Эти минуты стóятъ всей ихъ жизни!"—Въ Одессѣ я хорошо зналъ семью графа Воронцова. Воронцовъ мало читалъ Пушкина. При его административныхъ занятіяхъ, ему не было для этого времени. Но графиня Воронцова любила читать Пушкина. Особенно ей нравился

Бахчисарайскій фонтанъ. И въ самомъ дѣлѣ, прежде описывали сераль грязно; а тутъ вдругъ такіе стихи:

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился...

или эти:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи...

(И старецъ о. Николай сталъ декламировать цѣлые строфы изъ „Бахчисарайскаго фонтана", который очевидно, онъ зналъ прекрасно...).—

Когда я былъ законоучителемъ института благородныхъ дѣвицъ,—то на экзаменахъ здѣсь часто бывалъ Преосвящ. Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Разъ онъ былъ на экзаменѣ по словесности. Учителемъ былъ Жуковъ, уже старый. Вызываютъ воспитанницу—и она стала между прочимъ читать начало поэмы Пушкина *Братья разбойники*. Здѣсь есть, какъ извѣстно, упоминаніе и о *монахахъ:*

„Изъ хатъ, *изъ келій,* изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!.."

Иннокентію видимо это не понравилось.—„Да развѣ нѣтъ лучшаго у Пушкина?" сказалъ онъ.—Да тутъ такъ живо все описано,— защищалъ учитель Жуковъ.—„Нѣтъ нѣтъ, это не такъ... А вотъ это—смотрите—какая прелесть... И Иннокентій началъ читать наизустъ слѣдующее стихотвореніе Пушкина:

„Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда...
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!"

(и о. Николай продекламировалъ до конца эти стихи—такъ, какъ ихъ произносилъ Иннокентій...)—„Вотъ дѣвственно, вотъ чисто!"— воскликнулъ Иннокентій, окончивши стихотвореніе..."—

Въ другой разъ я увидѣлся съ о. Ник. Ив. Соколовымъ 9-го апрѣля 1889 г.—на Пасху—во время разговѣнъ у того-же М. Ѳ. Чемены. Мы все время проговорили съ о. Николаемъ—и предметомъ его рѣчи были преимущественно воспоминанія объ его наставникахъ въ Кіевской Академіи... Вотъ то достопримѣчательное,

что онъ говорилъ намъ: „1) ректора *Кирилла Куницкаго* митрополитъ Евгеній любилъ за то, что тотъ хорошо зналъ французскій языкъ. 2) *Иннокентія* Борисова я зналъ еще изъ Сѣвска, когда онъ былъ въ богословскомъ классѣ Семинаріи, а я былъ еще въ училищныхъ классахъ. Тогда онъ былъ совсѣмъ бѣлокурый и зимою ходилъ въ *нагольномъ тулупѣ*. Тогда только философамъ и богословамъ дозволялось носить тулупъ *на опашку*. Тулупъ Борисова былъ бѣлый, замасленый. Тогда все это было можно... 3) Съ баккалавромъ іеромонахомъ *Рафаиломъ Шипулинскимъ* случилась печальная исторія. Когда женился баккалавръ *Шокотовъ*, то Рафаилъ былъ въ церкви—во время вѣнчанья, засмотрѣлся на невѣсту-красавицу и послѣ сталъ грустить... И вотъ когда посѣщалъ Братскій монастырь и академію великій князь Михаилъ Павловичъ, то Рафаилъ подалъ ему прошеніе, въ которомъ прописалъ, что начальство насильно постригло его въ монахи... Этотъ поступокъ сочли признакомъ сумашествія и бѣднаго Рафаила засадили въ Лавру. Тамъ онъ хотѣлъ наложить на себя руки. но его успѣли спасти—и потомъ заточили въ какой-то далекій монастырь... Послѣ онъ поправился и еще, кажется, служилъ по училищному вѣдомству... 4) Бакалавръ іеромонахъ *Мелитонъ Переверзевъ*—мой землякъ. Пошелъ въ монахи, чтобы получить магистра. Но потомъ почувствовалъ потребности человѣческія, оглянулся—увидѣлъ, что возврата нѣтъ и—спился... Судьба его, какъ и Рафаила, тоже очень печальна. 5) Бакалавръ *Яковъ Кузьмичъ Амфитеатровъ*—былъ тоже мой землякъ. Онъ страдалъ запоемъ. Къ вечеру на него находила тоска—я къ нему хаживалъ, для того чтобы его развлекать. Но стали говорить, что я участвую съ нимъ въ пьянствѣ, и за это не дали мнѣ степени магистра, хотя мое сочиненіе о Великой Княгинѣ Ольгѣ, написанное на Румянцевскую премію, и было напечатано. Это сочиненіе много сократили: люди безъ вкуса,—какъ тогдашній инспекторъ *Нилъ Исаковичъ*...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ о Ник. Ив. Соколова, посѣтивши его въ Свѣтлую Субботу—въ ту же Пасху 1889 года... Старецъ прочелъ мнѣ цѣлую лекцію о *Кириллицѣ* и *Глаголицѣ*. Видно, что много и внимательно читалъ по этому предмету... Въ воспоминаніяхъ изъ прошлаго, между прочимъ, передавалъ фактъ, что митрополитъ Кіевскій Евгеній часто ѣздилъ въ Кіевѣ къ одному священнику, который усердно занимался физикой и астрономіей и имѣлъ у себя разныя машины для опытовъ. Этотъ священникъ скончался скоропостижно.—Была также въ бесѣдѣ

нашей съ о. Николаемъ рѣчь о *безженствѣ Епископовъ*. На это безженство о. Николай смотрѣлъ скептически... Апостолъ Петръ и Павелъ, говорилъ онъ, имѣли женъ... Архіепископъ Иннокентій, по его словамъ, смотрѣлъ на отношенія къ женщинамъ очень свободно, съ чисто человѣческой точки зрѣнія...

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ *Автобіографіи* протоіерея Н. И. Соколова. Рукопись ея хранится, какъ драгоцѣнность, у дочери его, вдовы упомянутаго нами ректора Одесской д. семинаріи протоіерея М. Ѳ. Чемены, *Вѣры Николаевны Чемены*. Благодаря просвѣщенному вниманію досточтимой Вѣры Николаевны къ дѣлу литературы,—мы получили возможность на нѣкоторое время взять къ себѣ эту рукопись, снять съ нея копію и затѣмъ издать ее на страницахъ *Кіевской Старины*.

Рукопись *Автобіографіи* представляетъ довольно толстый переплетенный томъ (454 стран.) писчей бумаги—въ листъ, весь исписанный собственною рукою Протоіерея Н. И. Соколова. Рукопись не имѣетъ одного *общаго* заглавія, а прямо начинается со статьи: *Мои предки*. Но такъ какъ въ семействѣ о. Николая она слыветъ подъ именемъ *Автобіографіи*, и такъ какъ съ другой стороны въ ней, кромѣ автобіографіи о. Николая Соколова, заключаются и его *воспоминанія* о своихъ предкахъ, родственникахъ съ отцовской и материнской стороны, а также и о другихъ разныхъ лицахъ, съ которыми приходилось ему вступать въ соприкосновеніе въ продолженіе своей жизни,—то мы дали рукописи такое *общее* заглавіе: „*Воспоминанія* и *Автобіографія* Одесскаго протоіерея Николая Ивановича Соколова“.

Сдѣлаемъ краткое обозрѣніе печатаемой рукописи о. Николая Соколова. Авторъ сначала говоритъ о своихъ предкахъ по отцу и по матери, причемъ въ особенности много посвящаетъ мѣста воспоминаніямъ о своемъ дѣдѣ по отцу діаконѣ *Алексѣѣ Мироновичѣ Гороховѣ* и его семействѣ, а также и о своемъ отцѣ священникѣ *Іоаннѣ Алексѣевичѣ Соколовѣ*, который наслѣдовалъ фамилію не отца, а матери своей *Татіаны Ивановны*, урожденной *Соколовой*, по желанію послѣдней. Тогда такія перемѣны фамилій были въ обычаѣ и свободно допускались. Авторъ разсказываетъ, какъ этотъ о. *Іоаннъ Алексѣев. Соколовъ* былъ сначала діакономъ въ г. Мценскѣ, Орловской губ., а затѣмъ священникомъ въ селѣ *Спасскомъ*, Мценскаго уѣзда, и какъ онъ наконецъ скончался въ 1839 г. въ Одессѣ, куда онъ, уже будучи въ отставкѣ, пріѣхалъ навѣстить своего сына, автора Автобіографіи, и пожить у него нѣкоторое время. Авторъ „Воспоминаній“ со-

общаетъ много интересныхъ бытовыхъ подробностей и о тогдашней жизни въ г. Мценскѣ, а также и въ с. Спасскомъ. Подробности о селѣ Спасскомъ потому въ особенности могутъ имѣть интересъ, что относятся онѣ *къ тому самому с. Спасскому,* которое впослѣдствіи принадлежало матери знаменитаго русскаго писателя *Ивана Сергѣевича Тургенева,* а затѣмъ и самому Ивану Сергѣевичу.

Далѣе авторъ съ большими подробностями описываетъ свое *дѣтство* въ с. Спасскомъ и касается при этомъ нѣкоторыхъ бытовыхъ обычаевъ этого села. Затѣмъ, онъ разсказываетъ о поступленіи своемъ въ духовную семинарію въ г. *Сѣвскѣ* и подробно описываетъ жизнь свою *здѣсь.* Описаніе Сѣвской семинаріи можетъ имѣть интересъ въ особенности потому, что здѣсь о. Николай Соколовъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о школьной жизни одного тогдашняго Сѣвскаго семинариста *Ивана Борисова,* сдѣлавшагося впослѣдствіи знаменитымъ *Иннокентіемъ,* архіепископомъ Херсонскимъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о томъ, какъ онъ кончилъ курсъ семинаріи уже въ г. Орлѣ и какъ, будучи въ богословскомъ классѣ семинаріи, онъ вакаціями ходилъ въ г. Кіевъ на богомолье пѣшкомъ. Затѣмъ говоритъ объ обстоятельствахъ окончанія имъ семинарскаго курса и разсказываетъ о поступленіи своемъ въ Кіевскую духовную академію съ 1827 г. и о четырехъ-годичномъ пребываніи своемъ въ Кіевѣ—студентомъ академіи. Этотъ отдѣлъ автобіографіи автора имѣетъ значительный интересъ для исторіи Кіева и Кіевской духовной академіи. Затѣмъ авторъ говоритъ о назначеніи его на службу въ г. Херсонъ—на должность смотрителя духовнаго училища; описываетъ свое путешествіе въ г. Екатеринославъ, отъ котораго тогда зависѣлъ Херсонъ въ духовно-административномъ отношеніи; говоритъ о томъ, какъ при посредствѣ своего земляка, профессора Екатеринославской духовной семинаріи *Павла Ивановича Данкова,* женатаго на дочери умершаго каѳедральнаго протоіерея *Станиславскаго,* онъ самъ познакомился съ семействомъ этого протоіерея и наконецъ женился на другой дочери его—*Варварѣ Ивановнѣ.* Затѣмъ авторъ описываетъ переѣздъ свой въ г. Херсонъ и послѣдующую жизнь свою въ немъ. Здѣсь онъ подробно разсказываетъ о Херсонскомъ духовномъ училищѣ, о своихъ сослуживцахъ училищныхъ, о духовенствѣ Херсона, о своихъ знакомыхъ и проч. Разсказываетъ далѣе о томъ, какъ онъ получилъ протоіерейское мѣсто въ Херсонскомъ Соборѣ, какъ его посѣтилъ въ 1836 г. ректоръ Кіевской духовной академіи *Иннокентій*—

на пути въ Крымъ. Много также мѣста посвящаетъ авторъ характеристикѣ тогдашняго своего епархіальнаго начальника архіепископа *Гавріила Розанова,* подъ начальствомъ котораго ему пришлось послѣ служить и въ Одессѣ. Вообще, та часть его автобіографіи, гдѣ описывается его жизнь въ Херсонѣ, изобилуетъ многими интереснѣйшими бытовыми подробностями. Затѣмъ, авторъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ перемѣщенія своего въ г. Одессу. Описываетъ далѣе свою одесскую жизнь со всѣхъ сторонъ—и служебную, и домашнюю-семейную. Много при этомъ посвящаетъ мѣста характеристикѣ тогдашняго главнаго начальника Новороссіи, имѣвшаго резиденцію въ Одессѣ, извѣстнаго графа (впосл. князя) *М. С. Воронцова,* а также характеристикѣ Епархіальныхъ Архіереевъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ Одессѣ: *Гавріила Розанова, Иннокентія Борисова, Димитрія Муретова, Леонтія Лебединскаго* и *Іоанникія Горскаго.* Описаніемъ смерти и погребенія послѣдняго изъ нихъ (въ 1877 г.) и оканчивается рукопись нашего автора. Опять—и относительно описанія авторомъ своей одесской жизни—скажемъ, что бытовыя подробности, сообщаемыя имъ, представляются очень любопытными и живо изложенными.

Вообще „Воспоминанія и Автобіографія“ одесскаго протоіерея Николая Ивановича Соколова представляютъ въ себѣ весьма много *самаго жизненнаго* историческаго матеріала,—и мы приносимъ глубокую благодарность досточтимой дочери автора *Вѣрѣ Николаевнѣ Чеменѣ* за то, что она дала намъ возможность сдѣлать этотъ важный литературный памятникъ общеизвѣстнымъ при посредствѣ печати.

Издавая въ свѣтъ „Воспоминанія и Автобіографію“ протоіерея Н. И. Соколова,—мы въ редакціонномъ отношеніи сдѣлали вотъ что: во первыхъ, составили *отдѣльные подзаголовки* въ началѣ каждой статьи „Воспоминаній и Автобіографіи“, а во вторыхъ—сдѣлали по мѣстамъ къ тексту ихъ соотвѣтствующія *подстрочныя примѣчанія.*

Л. С. М.

27-е Декабря 1905 г.
Одесса, Слободка-Романовка.

Мои предки.

Дѣдъ автора діаконъ села Подчернева Алексѣй Мироновичъ Гороховъ; бабушка Татьяна Ивановна; ихъ дѣти.

Въ царствованіе Анны Ивановны и Елисаветы Петровны въ Мценской округѣ, въ селѣ *Гороховомъ* былъ священникъ *отецъ Миронъ*. Это—отецъ моего дѣда *діакона Алексѣя Мироновича Горохова*. Самъ отецъ Миронъ, по обычаю того времени, не носилъ фамиліи, и едва ли кто называлъ его по отчеству,—и сынъ его *Алексѣй* получилъ фамилію уже отъ села, въ которомъ родился. Село это находится въ 20 верстахъ отъ г. *Мценска*, по дорогѣ въ г. *Болховъ*. Въ 1828 г. я былъ въ с. Гороховомъ. Оно расположено по одной сторонѣ оврага; церковь и усадьба причта расположены на полу-горѣ; подъ горой течетъ ручей; вокругъ села нѣтъ лѣса и въ селѣ мало садовъ. Видъ села показался мнѣ слишкомъ угрюмымъ.

Дѣдъ мой *Алексѣй Мироновичъ*, за неимѣніемъ въ округѣ и намѣстничествѣ училищъ, воспитывался дома. Онъ былъ хорошій чтецъ и пѣвецъ. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и крѣпкаго сложенія. Въ 1760—1770-е годы онъ поступилъ діакономъ въ село *Калугино-Подчернево* тожъ. Для посвященія ѣздилъ въ Москву [1]). Село Подчернево расположено на горѣ надъ ручьемъ, пересыхающимъ въ лѣтнее время. Но церковь и поповка расположены на особой горѣ, отдѣльно отъ села. Садовъ не было въ селѣ, но къ нему прилегали два яра, опушенные дубовымъ и березовымъ лѣсомъ. Видъ села—бѣдный.

Дѣдъ мой женился на дочери дьячка села *Рожественскаго*, отстоящаго отъ Подчернева въ 12-ти верстахъ, а отъ Горохова

---

1) До 1788 г. территорія нынѣшней Орловской Епархіи принадлежала къ Московской митрополіи—Л. М.

въ 10-ти. Имя ея *Татьяна Ивановна.* Дѣдъ ея дьячекъ села Рожественскаго былъ убитъ въ сраженіи съ разбойниками мѣстныхъ лѣсовъ. Война ведена была самимъ Мценскимъ воеводою. Мѣсто убитаго заступилъ сынъ его *Иванъ Соколовъ* и вскорѣ за подвиги отца возведенъ былъ въ санъ дьякона. Бабушка моя—*Татьяна Ивановна Соколова* не знала грамоты, но была бойкая и умная; ей обязаны дѣти воспитаніемъ и пристройкою. Она слыла занимательною и плодовитою разсказчицею.

У дѣда моего было два сына: *Іоаннъ*—мой отецъ, и *Никаноръ,* и дочери *Ѳеодосія, Анна, Анисія, Марія, Татьяна, и Акилина.*

Нѣчто о жизни дѣда моего—Алексѣя Мироновича.

Необычайное трудолюбіе дѣда и бабки и ихъ хозяйственность. — Практическая мудрость бабушки Татьяны Ивановны—сельскій продуктъ въ то время и обстановка домашней жизни.—Наѣздъ разбойниковъ на домъ дѣда.—Запуганность и робость въ характерѣ дѣда, сократившая его жизнь.—Печальная судьба послѣдней дочери его—красавицы *Акулины.*—Бѣгство Діакона—Мужа Акулины—къ раскольникамъ.—Душевная болѣзнь дѣда.

Алексѣй Мироновичъ былъ неустанный труженикъ: съ ранней зари до ночи онъ работалъ за троихъ. Нужно было воспитать и пристроить столько дѣтей. Супруга его не уступала ему въ трудѣ; ей надо было одѣть и обуть каждаго изъ осьмерыхъ дѣтей. Покупать было не на что, все платье было своего издѣлія. Нужно было напрясть, накрасить, напить, заготовить овчины на шубы,—и она сидѣла ночи на пролетъ. Кромѣ того надобно было присмотрѣть за скотомъ и другою живностью въ домѣ, сжать и обмолотить посѣвъ—и ея ставало на все. Только съ возрастомъ труженникамъ стали помогать дѣти ихъ—мальчки до поступленія въ училище, а дѣвочки—до выхода замужъ.—У Алексѣя Мироновича кромѣ дегтю и лыкъ, да платковъ дѣтямъ на голову и косынокъ,—купленнаго были только сапоги и ряса, пошитые имъ въ Москвѣ, при посвященіи. И эти сапоги служили ему 28 лѣтъ, а ряса—до гроба.

Дѣдъ мой содержалъ въ училищѣ двухъ сыновей, возилъ ихъ за 200 верстъ въ г. *Сьвскъ.* Но онъ не въ силахъ былъ доставить имъ средства окончить 12-лѣтній курсъ: одинъ уволился еще изъ первыхъ классовъ; другой (отецъ мой)—изъ риторики.—У него достало силъ пристроить дочерей. Старшую выдалъ за

купца, державшаго постоялый дворъ на нынѣшней станціи *Оптухь*; Анну отдалъ за управляющаго селомъ—барскаго человѣка, который, распившись удавился; Анисью за мѣщанина, занимавшагося извозомъ; Марьѣ уступилъ свое мѣсто, самъ оставшись за штатомъ, и когда зять его діаконъ *Фирсъ Харитоновичъ* сдѣлался священникомъ, тогда бабка исхлопотала мѣсто его для дочери своей Акулины. [1])

Два года дѣдъ мой и бабка жили при дочери Акулинѣ; бабка цяньчила дѣтей, а дѣдъ занимался хозяйствомъ. Тогда они жили, какъ выражались, въ полное свое удовольствіе. У нихъ была своя вѣтряная мельница и 12 десятинъ земли. Эта земля куплена въ 1795 году за 600 руб. Бабка умудрилась купить ее, не имѣя въ домѣ болѣе 2-хъ рублей... Какимъ же образомъ?—Ходя изъ двора во дворъ по всему селу, она просила у каждаго зажиточнаго мужика взаймы *только одинъ рубль*, не объявляя для чего, и когда собрала 600 р. и купила землю, тогда объявила имъ, на что занимала. Мужички только удивились ея мудрости и охотно отсрочили ей долгъ, дорожа ея привѣтливостью.

Алексѣй Мироновичъ жилъ 77 лѣтъ, умеръ въ 1825 году.—Трудовая жизнь его проходила въ царствованіе Екатерины II и Павла I, и далъ онъ свое мѣсто зятю Фирсу уже въ царствованіе Александра I въ 1809 г. Въ его время сельскіе продукты цѣнились очень дешево: рожь продавалась 1 р. 50 к.—2 руб. четверть; капусту, огурцы рѣдко кому приходилось продавать. Кто запоздалъ на рынокъ, тотъ вывозилъ обратно за городъ и во Мценскѣ подъ *хлопій мостъ*. На мѣстѣ этого моста теперь насыпь для рельсовъ желѣзной дороги. Екатерининскій серебряный рубль былъ за рѣдкость въ Подчерневомъ; имперіаловъ въ глаза не видали. Къ ассигнаціямъ съ трудомъ привыкали. Мужикъ убѣгалъ ихъ; хотя синенькая—5 р.—равнялась *пяти* серебряннымъ рублямъ. Въ деревню опѣ не заходили.—Дѣдъ разсказывалъ, что чай и сахаръ не были въ употребленіи и у помѣщиковъ. Сахаръ платили по 1 р. 20 к. за фунтъ. Не существовало и самоваровъ,—ихъ замѣняли мѣдные чайники; но въ нихъ варили не чай, а душистыя травы, сушеныя ягоды, вишни, землянику, малину — и варили на меду. Когда же къ взвару прибавлялась водка (сивуха), взваръ именовался *кавардакомъ*. Когда взварились только травы съ медомъ, тогда горячій напи-

---

1) То есть, выдавъ ее замужъ за новаго діакона, о которомъ разсказъ будетъ ниже.—Л. М.

токъ назывался *сбитнемъ*.—Хлѣбъ тогда не шелъ заграницу; имъ снабжали только свои города. Если жители города запасались имъ, и самъ городъ не имѣлъ судоходной рѣки, по которой сплавлялся хлѣбъ въ Москву, то цѣна на него такъ падала, что нечего было возить его въ городъ. Въ цѣнѣ тогда стояла конопля, пенька, макъ и медъ, какъ и воскъ; дѣдъ какъ и каждый мужичекъ, имѣлъ свой огородъ и конопляникъ. Продажа пеньки и конопли выручала его изъ нужды. Но эту статью хозяйства эксплуатировали горожане.—Жителями тогдашнихъ захолустныхъ городовъ были мѣщане, помѣщики, имѣвшіе свои дома на зимній сезонъ, и два—три купца. Купецъ объявлялъ цѣну на вышеозначенные продукты, и когда хотѣлъ, мѣщане ѣздили по деревнямъ, покупали эти продукты, за что могли, и сдавали купцу. Тогда не было телеграфовъ, газета не доходила и до помѣщика и горизонтъ свѣдѣній о цѣнахъ мужичка ограничивался ближайшими городами.

Земская полиція существовала. Въ каждомъ селѣ жители—хозяева раздѣлялись на *десятки* и *сотни*. Каждымъ десяткомъ завѣдывалъ *десятскій*. Десятскіе были подчинены *сотскому*. Эти власти были изъ мужиковъ, но власть ихъ парализовалась дворянами. Десятскими и сотскими командовалъ *исправникъ* изъ дворянъ: исправники подчинены были *земскому суду*. Но артели разбойниковъ и грабителей существовали во множествѣ; онѣ грабили и убивали не на дорогахъ только, но и въ селахъ. Они наѣзжали ночью на села и поселки. Наканунѣ *наѣзда* они подкидывали достаточному хозяину письмо, которымъ предупреждали хозяина ожидать гостей. Такіе гости разъ посѣтили моего дѣда. Получивъ письмо ихъ, онъ не объявлялъ ни сотскому, ни десятскому, но велѣлъ семейству приготовить угощеніе и даже раздобылся водкою. Въ часъ ночи нагрянули двѣ тройки и кричали отпереть ворота. Дѣдъ встрѣтилъ гостей съ поклонами. Шесть человѣкъ, вооруженные кистенями и топорами на двухъ аршинныхъ рукояткахъ, вошли въ избу. Лица ихъ до половины были завѣшаны платками. Всѣ были въ синихъ домашней работы кафтанахъ. Потребовали деньги. На это время въ домѣ было 7 рублей мѣдью. Деньги были вынуты изъ сундука и дѣдъ Христомъ и Богомъ увѣрялъ ихъ, что больше нѣту, и просилъ откушать хлѣба и соли. Разбойники не вѣрили и говорили: „ты на 3-хъ саняхъ возилъ хлѣбъ въ Мценскъ и получилъ 15 рублей. Но дѣдъ почтовою росписью доказалъ имъ, что онъ десять руб. послалъ сыновьямъ въ Сѣвскъ. Тогда только сѣли

за столъ, пили водку, подчивали его самого хозяина. Они изъ своего запаса вынули паюсную икру и стали ѣсть. Бабка и дѣти никогда не видѣвшія икры, подумали что это черное вещество изъ рѣчныхъ раковинъ, называемое *лягушьимъ гнѣздомъ*. У нихъ поднялись сильные рвоты. Это смѣшило негодяевъ, они хохотали и почти не ѣли заготовленныхъ кушаній. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „вода“—и вдругъ всѣ поднялись и поспѣшно стали выходить изъ дома. Дѣдъ съ поклонами провожалъ ихъ. Вышедши за ворота, не нашли лошадей, вдругъ закричали: „измѣна“ и схватили дѣда. Къ счастію, лошади заржали. Кучера съ тройками заѣхали въ переулокъ и въ тѣни, бросаемой отъ дома, при лунной ночи, стояли. Разбойники распрощались, пожелавъ хозяину жить—поживать, добра наживать и ихъ не забывать. „Что же вы не объявили письма сотскому, когда получили его; можетъ быть дали бы ночныхъ караульныхъ“?—Замѣтилъ кто-то дѣду.—„Конечно дали бы, но тогда гости не пожаловали бы; они обыкновенно посылали развѣдчика въ одеждѣ нищаго. Есть караулъ,—ихъ нѣтъ, нѣтъ караула,—тутъ и нагрянутъ. Не вѣкъ же караулу стоять при домѣ... Одну ночь покараулятъ — другую, а тамъ и перестанутъ.“ — Кто же это были разбойники? Мценскіе мѣщане — изъ тѣхъ, которые ѣздили закупать пеньку и коноплю.

Алексѣй Мироновичъ, этотъ великанъ и силачъ былъ кроткаго характера. Въ теченіе долголѣтней жизни своей онъ ни съ кѣмъ не ссорился и не судился. Предъ помѣщикомъ или дворяниномъ онъ всегда стоялъ безъ шапки. Особенно трусилъ передъ своимъ священникомъ—*отцемъ Ефимомъ* Этотъ священникъ корчилъ рожу помѣщика, и дѣйствительно былъ помѣщикомъ. Онъ не хотѣлъ жить на усадьбѣ церковной, а имѣлъ свою усадьбу и семь душъ крестьянъ. Бывало разсказывалъ отецъ мой,—явится крестьянинъ отца Ефима. Дѣдъ уже зналъ, что его требуетъ священникъ, и накинувъ кафтанъ и схвативъ подпояску и шапку, бѣжитъ опрометью, расчесываясь и подпоясываясь на пути.

Излишнее уваженіе къ старшимъ и робость погубили Алексѣя Мироновича. Желая пристроить 4-ю дочь *Марью*, онъ сдалъ свое мѣсто мужу ея, студенту философіи *Фирсу Харитоновичу*, а самъ остался за штатомъ и занимался хлѣбопашествомъ и мельницею. Но вотъ достигла совершеннолѣтія послѣдняя дочь его—красавица *Акулина*. Къ этому времени умираетъ отецъ Евфимъ, дьяконъ Фирсъ поступаетъ на его мѣсто, а дьяконское

мѣсто остается праздным. Бабка беретъ Акулину и пѣшкомъ идетъ съ нею въ Сѣвскъ—за 200 верстъ—просить у архіерея *Досифея* [1]) жениха на дьяконское мѣсто. Она—ли живыми разсказами о долгомъ пути и приключеніяхъ на немъ, или дочь ея своею красотою—такъ подѣйствовали на архіерея—старика, что онъ тотчасъ предоставилъ за дѣвицею мѣсто и освободилъ ее отъ хожденія по среднимъ классамъ семинаріи для вызова жениха, самъ указалъ его въ средѣ своихъ пѣвчихъ. Женихъ былъ артистъ, живописецъ и музыкантъ. На другой день онъ былъ повѣнчанъ съ Акулиною; а на третій—Акулина съ матерію должна была съ котомками на плечахъ отправиться въ путь. У нихъ не было средствъ дождать посвященія артиста въ дьяконы и окончанія имъ нѣкоторыхъ работъ по иконописанію. Но самъ архіерей распорядился, чтобы женщины не одни были въ дорогѣ, отпустивъ съ ними до срока общихъ роспусковъ студента *Василія Лукича Переверзева*, сосѣда ихъ по родинѣ. Это было въ началѣ іюля. Въ августѣ возвратился и новопосвященный дьяконъ.

Успѣхъ бабки Татьяны Ивановны былъ принятъ дѣдомъ и родными съ восторгомъ. Дѣдъ купилъ усадьбу у дьячка и перестроилъ домъ заново. Усадьба и домъ были рядомъ съ усадьбою и домомъ, которые вмѣстѣ съ дьяконствомъ онъ передалъ *Фирсу*, теперь священнику. Дворъ, огородъ, токи съ овинами и конопляники отдѣлялись только межею.

Черезъ 9-ть мѣсяцевъ Акулина родила сына *Илью*. Дѣдъ и бабка, жившіе въ домѣ ея, были въ восторгѣ; но отецъ не хотѣлъ и взглянуть на ребенка. Еще въ Сѣвскѣ, провожая въ дорогу жену и тещу, онъ изъ подлобья смотрѣлъ на спутника ихъ—студента *Василія Лукича*. Теперь открыто говорилъ, что ребенокъ прижитъ съ Василіемъ Лукичемъ—въ дорогѣ. Напрасно бабка увѣряла его, что дочь ея каждую ночь въ дорогѣ спала съ нею и спала отъ утомленія и молодости мертвецкимъ сномъ, что студентъ всегда спалъ отдѣльно,—ревнивецъ не хотѣлъ слушать.

Всякій, кто встрѣчался съ Акулиной, не могъ налюбоваться ею. Особенно находилъ удовольствіе видѣть и говорить съ нею сосѣдъ—священникъ *Фирсъ*, на глазахъ котораго она расцвѣтала. Онъ же обучилъ ее и всему, что самъ зналъ, кромѣ латыни.

---

[1]) Преосв. *Досиѳей Ильинъ*—былъ вторымъ архіереемъ самостоятельной Орловской и Сѣвской Епархіи—съ 1798 г. по 1817-й; а первымъ ея архіереемъ былъ *Аполлонъ Байбаковъ*—съ 1788 г. по 1798 г.—Л. М.

Дьяконъ сердился. Бабка запретила имъ даже видѣться. Но разъ Акулина вышла на огородъ. Вышелъ на огородъ свой и Фирсъ. Фирсъ издали сталъ нѣжно говорить съ нею, выражая участіе къ страданіямъ ея отъ ревности мужа. Но когда разговоръ принялъ игривый тонъ, вдругъ является мужъ Акулины. Фирсъ имѣлъ неблагоразуміе прекратить разговоръ и удалиться въ свой дворъ. Этого было довольно для ревнивца. Онъ началъ пытать жену, употребляя всѣ орудія—веревки, кнутъ, пуки розогъ—и эту пытку производилъ не одинъ день. Отецъ и мать видѣли страданія дочери и, по обычаю того времени, считали себя не въ правѣ заступиться дѣятельнымъ образомъ, а только плакали и рыдали. Тиранъ требовалъ признанія и обѣщалъ не только прекратить истязанія, но и возвратить любовь. Что жъ? на третій день, избѣгая страданій, красавица, будучи невинной, признала себя виновною и наговорила на себя много небылицъ. Тиранъ прекратилъ истязанія, обнялъ жену и поцѣловалъ ее; но въ тотъ же день исчезъ изъ дому. Проходитъ недѣля, другая, какъ вдругъ прилетаетъ онъ на двухъ тройкахъ съ двумя бородачами—старообрядцами. Беретъ жену и имущество, а сына бросаетъ.—„Куда, куда ты ѣдешь, несчастный?“—говорили ему съ воплемъ и рыданіями. Сбѣжалась вся поповка. Всѣ плакали и задавали тотъ же вопросъ. Отвѣта не было. Тройки полетѣли и скрылись за противоположною горою, только звонъ колокольчиковъ долго слышанъ былъ издали. Бабка плакала съ причитаніями, а дѣдъ стоялъ молча, не двигаясь съ мѣста; неподвижные взоры его обращены были въ даль—по направленію дороги. Насталъ вечеръ, пришла ночь, а дѣдъ все не сходилъ съ мѣста. Только къ полночи втащили его въ домъ.

Фирсъ репортовалъ о побѣгѣ дьякона благочинному, благочинный—въ мценское духовное правленіе, правленіе—архіерею. Это было въ 1822 году. Архіереемъ былъ *Гавріилъ Розановъ*—и уже жилъ въ Орлѣ [1]). Бабка настояла, чтобы дѣдъ просилъ разрѣшенія служить за діакона до возраста брошеннаго ребенка.

Дѣдъ, со дня посвященія его—50 лѣтъ невидѣвшій архіерея, явился въ архіерейскій домъ, вмѣстѣ съ другими просителями. Въ корридорѣ сталъ на колѣни, держа просьбу на головѣ. Принявъ прошеніе и взглянувъ на содержаніе его, Гавріилъ вскри-

---

[1]) Преосв. *Гавріилъ Розановъ* правилъ Орловскою епархіею съ 1821 г. по 1828 г. Но каѳедра ея перенесена изъ Сѣвска въ Орелъ еще въ 1819 г.—при предшественникѣ Гавріила—преосв. *Іонѣ Навинскомъ*. (1817—1821 гг.).—Л. М.

чалъ: „Это ты, старый плутъ, проводилъ зятька въ старообрядческіе слободы? Въ цѣпь его"! Засадили несчастнаго въ цѣпь. Долго ли онъ сидѣлъ въ цѣпи, неизвѣстно; но скоро замѣчено было, что онъ тронулся умомъ. Архіерей возвратилъ его къ моему отцу—съ тѣмъ сторожемъ, который вывелъ отъ него дѣда въ консисторію—для заключенія въ цѣпь.

Дѣдъ былъ только ипохондрикъ. Каждую ночь ходилъ по улицѣ, оберегалъ домъ нашъ—то отъ пожара, то отъ наѣзда разбойниковъ. Трудно было убѣдить его въ отсутствіи этихъ опасностей. На всѣ слова у него былъ одинъ отвѣтъ: *все возможно!*

Не задолго до этой болѣзни дѣдъ мой перенесъ тяжелое горе. Зять его, управляющій села Подчерцева, крѣпостной человѣкъ, тиранъ мужиковъ, при сборѣ подушнаго, муча ихъ розгами и обливая на морозѣ холодною водою, получилъ самъ *запой,* послѣ котораго находила на него тоска; какъ говорили тогда, ему *поддали* мужики, *испортили* его. Въ одинъ изъ припадковъ запоя, онъ повѣсился. Дѣти его должны были оставаться крѣпостными. Мой отецъ выкупилъ ихъ, уложивъ на то всѣ свои сбереженія.—Спустя пять лѣтъ послѣ того, какъ впалъ въ ипохондрію, Алексѣй Мироновичъ скончался на рукахъ моей матери и погребенъ въ с. Спасскомъ. Но бабка, потерявъ зрѣніе послѣ того, жила у Фирса—въ Подчерневомъ, и дожила до 90 лѣтъ. Она погребена въ Подчерневомъ.—

Мои предки по матери.

Дѣдъ автора по матери—дьячекъ г. Мценска *Василій Никифоровичъ Оболенскій* и его жена, бабушка автора, *Елена Васильевна.*—Какъ бабушка, овдовѣвши, выдала дочь свою *Евдокію* замужъ за *Ивана Алексѣевича Соколова* (отца автора „Воспоминаній"), сдѣлавшагося сначала дьячкомъ Никитской церкви г. Мценска, на мѣстѣ тестя, а потомъ посвященнаго во діакона къ Мценскому собору.—Своякъ Ивана Алексѣевича Соколова, діаконъ *Стефанъ Ѳедоровичъ Троицкій,* утвердившійся въ домѣ тестя—при Никитской церкви—и его упражненія въ медицинской практикѣ.—Его суевѣріе.—Жена его—тетка автора—*Пелагея* имѣла школу *грамотности* и сама была въ ней *мастерицей.* Ходъ занятій въ этой школѣ.—Уваженіе прихожанъ къ духовенству г. Мценска и доходы духовенства.—Дешевизна жизненныхъ продуктовъ.—Дороговизна строительныхъ матеріаловъ.—Домашній бытъ жителей г. Мценска.

Отецъ мой ничего не говорилъ о предкахъ матери моей—и мать ничего о нихъ не разсказывала. Но находясь цѣлое лѣто 1813 года въ г. Мценскѣ въ томъ домѣ, гдѣ родилась и воспитывалась моя мать, я слышалъ кой-что. Я даже засталъ въ жи-

выхъ ея мать, а мою бабушку—*Елену Васильевну*. Она ходила въ синемъ *хобенькѣ* на помочахъ, или сарафанѣ; на головѣ носила *повойникъ*, сверху надѣвала *эпанечку*. Фамилія ея *Оболенская*; у ней была родная сестра, старушка; ее мы называли *бабушка Луша* (Лукерья). Рядомъ съ домомъ ея былъ домъ протоіерея Никитской церкви, и впослѣдствіи—Мценскаго собора—тоже по фамиліи *Оболенскаго*.—Кто жъ была моя бабушка по матери?—Гор. Мценска, Никитской церкви вдова, жена дьячка *Василія Никифоровича Оболенскаго*. Этотъ дѣдъ мой—*Василій Оболенскій* былъ по тому времени просвѣщенный человѣкъ. Но какъ двоеженецъ, остался на всегда дьячкомъ. Онъ имѣлъ при домѣ маслобойню, баню, садъ и огородъ. У него была своя барка или стругъ на рѣкѣ *Зушѣ*. По этой рѣкѣ, впадающей въ Оку, онъ отправлялъ масло и разнаго рода зерна въ Москву. Отецъ протоіерея Оболенскаго должно быть былъ младшій братъ моего дѣда, потому что дѣти протоіерея назывались троюродными въ отношеніи ко мнѣ.

Дѣдъ мой—Василій Никифоровичъ Об—ій умеръ въ 1798 г. Онъ успѣлъ образовать сына въ семинаріи и опредѣлить чиновникомъ въ Москву и онъ уже былъ надворнымъ совѣтникомъ: успѣлъ дѣдъ выдать двухъ дочерей: одну *Марью*—за магистратскаго чиновника, другую—*Лукерью* за мѣстнаго мѣщанина—кузнеца. По смерти его остались не пристроенными двѣ: *Евдокія*—19 л. и *Пелагея*—16-ти л. Бабушка, взявъ Евдокію, отправилась съ нею въ *Сѣвскъ*. Тогда, послѣ злого *Аполюса*, только что поступилъ благостный архіерей *Досифей*. Просьба о предоставленіи за сиротою дьячковскаго мѣста была уважена. Евдокія, въ сопровожденіи матери, водима была по среднимъ классамъ семинаріи. Вызывались желающіе поступить въ дьячки къ Никитской церкви г. Мценска и жениться на сиротѣ. Въ классѣ *пиитики* никто не вызывался, въ классѣ *младшей риторики* тожъ; но когда введена была мать моя въ классъ *старшей риторики*, поднялъ руку отецъ мой—*Иванъ Алексѣевичъ Соколовъ*, сынъ Алексѣя Мироновича Горохова, дьякона села Подчернева, носившій фамилію не отца, а матери, по настоянію послѣдней. Алексѣй Мироновичъ не въ состояніи былъ содержать *Ивана* далѣе въ семинаріи, потому что въ тотъ годъ поступилъ въ училище другой его сынъ—*Никаноръ*. Немного дней нужно было, чтобы обвѣнчаться, получить стихарь и указъ. Немного дней нужно было, чтобы пріѣхать въ Мценскъ. Дьячекъ *Иванъ Соколовъ*, по совѣту жены и тещи, поспѣшилъ увѣдомить шурина—*Аѳанасія Васильевича Оболенскаго* о своемъ счастіи и поступленіи хозяиномъ въ домъ отца его.

Дьячекъ Соколовъ имѣлъ отличный почеркъ и выражался просто, но правильно и прилично. Аѳанасій Васильевичъ написалъ о совершенствахъ дьячка Ивана Соколова, какъ старшаго ритора, архіерею и можетъ быть, препроводилъ хорошее письмо его (т. е. *почеркъ*); просилъ не оставлять его на дьячковской должности. Архіерей вызвалъ дьячка указомъ, чтобы произвести его діакономъ куда-нибудь, а тутъ опростилось дьяконское мѣсто при Мценскомъ соборѣ. Соколовъ, къ удовольствію родныхъ, посвященъ во діакона къ собору. Соборъ отстоялъ отъ дому тещи болѣе чѣмъ на версту. Но черезъ годъ опросталось дьяконское мѣсто при Никитской церкви. Отецъ мой хотѣлъ перемѣститься къ этому мѣсту; но за голосъ, необыкновенно звучный и пріятный контрабасъ, изъ собора его не пустили. Мѣсто при Никитской церкви досталось, по ходатайству Аѳанасія Васильевича, *Пелагеѣ*. На ней женился студентъ философіи *Степанъ Ѳедоровичъ Троицкій*. Отецъ мой долженъ былъ оставить домъ тещи и черезъ годъ сталъ строить свой домъ недалеко отъ собора.

Въ 1813 г. бабушка Елена Васильевна была жива и здорова. Я тогда цѣлое лѣто жилъ въ ея домѣ, во Мценскѣ, или точнѣе—у послѣдняго зятя ея Стефана Ѳедор. Троицкаго. Бабушка съ своею сестрою Лушею не опускала ни одного изъ церковныхъ богослуженій и рѣдко обѣдала дома. Стефанъ Ѳедоровичъ въ запальчивости относился къ ней не совсѣмъ учтиво; разъ назвалъ ее *кривою сукою* (бабушка была слѣпа на одинъ глазъ), чѣмъ и привелъ въ слезы жену свою *Пелагею Васильевну*.—Домъ бабушки былъ ужепреобразованъ. Стефанъ Ѳедоровичъ выстроилъ новый барскій домъ на улицу, новые ворота; выстроилъ новые конюшни и сараи. Увеличилъ садъ, отгородивъ его отъ двора прекрасною рѣшеткою и обогативъ рѣдкихъ сортовъ яблоками и грушами. Устроилъ предъ домомъ цвѣтникъ, въ которомъ особенно нравились мнѣ *рожи—мальвіи*.—Стефанъ Ѳедоровичъ выдавалъ себя за медика. Позаимствовавъ отъ брата своего *Адріана Ѳедоровича Троицкаго*, полкового медика, кой-какія свѣдѣнія объ аптекарскихъ лѣкарствахъ и полный невѣжда въ знаніи организма и обыкновенныхъ условій его жизни, онъ брался лечить всякую болѣзнь. Такъ—взялся онъ вылечить рану, бывшую у меня надъ лѣвымъ глазомъ и образовавшуюся вслѣдствіе золотухи. Рана гнила до того, что выпала маленькая косточка. Съ этою раною возился онъ цѣлое лѣто,—однако вылечилъ. Онъ ничего не дѣлалъ съ раною, кромѣ того, что закрывалъ пластыремъ; можетъ быть, тутъ помогла сила развивающагося организма.

Но онъ много повредилъ здоровью сыновей своихъ, давая имъ то слабительныя, то крѣпительныя—и они—бѣдные, особенно старшіе два, не долго жили; но дочери, производить опыты надъ которыми не позволяла жена, жили долго, и одна изъ нихъ жива была въ 1871 году. Не смотря на занятія свои медициною, Стефанъ Ѳедоровичъ, какъ теперь соображаю, былъ большой суевѣръ. Такъ, онъ досталъ у одного мужичка *приворотный порошокъ*. Опредѣляя старшаго сына своего *Ивана* въ семинарію, онъ старался помѣстить его въ хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ—и для этого поручилъ ему разсыпать порошокъ при входѣ архіерея въ церковь. Не знаю, успѣлъ ли Иванъ это сдѣлать; но жизнь его въ пѣвческой не позволяла ему хорошо учиться и, когда онъ спалъ съ голоса, исключенъ былъ изъ семинаріи. Былъ дьякономъ; но не имѣя для того голоса, впалъ въ чахотку и черезъ годъ дьяконства своего умеръ.

Стефанъ Ѳедоровичъ удостоился въ своемъ великолѣпномъ домѣ принимать архіерея *Досифея*— и однако все оставался діакономъ. Ему хотѣлось быть священникомъ не въ другомъ мѣстѣ, какъ въ городѣ, и дождался наконецъ кладбищенскаго мѣста. Онъ умеръ въ 30-хъ годахъ.

У Стефана Ѳедоровича, или правильнѣе—у тетки Пелагеи была *школа грамотности*, гдѣ учились читать, писать и цыфири. Учениковъ было отъ 30 до 40 душъ мужскаго пола; дѣвочекъ почему-то не было. Содержателями школъ были тогда всѣ дьякона и дьячки города. Такую же школу имѣла и мать моя, когда отецъ мой былъ при соборѣ, и тетка *Марья*, бывшая за магистратскимъ чиновникомъ. Школы тогда существовали безъ разрѣшенія и надзора начальства. Во всѣхъ школахъ была одна цѣна и одинъ порядокъ. За *азбуку* полагалось 1 р., за *Часословъ*—2 р., за *Псалтирь* — 3 рубля, за письмо и цыфирь 4 р. Собирались ученики въ 7 часовъ утра, принося съ собою *запасъ* завтраки — хлѣбъ ржаной, пироги, лепешки, калачи. Въ 9 часовъ съ запасами завтрака каждый подходилъ къ *мастерицѣ*,—такъ обыкновенно называлась учительница. Мастерица отрѣзывала *пятую* часть себѣ, остальное возвращала ученику. Въ 10 или 11 часовъ ученики распускались на обѣдъ по домамъ. Въ 2 часа по полудни ученики опять собирались и опять съ *запасомъ полдника*; въ 6 и 7 часовъ оканчивалось ученіе. Куски отъ запасовъ завтрака и полдника сушились и дѣлали большую экономію въ домѣ.—Утромъ ученіе начиналось съ *задовъ*; ученики читали все пройденное. Если кто прошелъ много или оканчивалъ книжку, мастерица дѣ-

лила зады его на двѣ—на три части. Всѣ читали вслухъ и громко. Но въ этомъ кагалѣ мастерица хорошо различала ошибки и поправляла. Она подмѣчала и исправляла ошибки и тогда, когда повидимому спала. За шалости, драки и упорную лѣнь наказывались не лишеніемъ мѣстъ или стояніемъ на колѣняхъ, а все — розгою, которая въ этомъ разѣ или ходила по плечамъ, или по голому тѣлу. Я помню тетку Полю, какъ она была молода и хороша собою, какъ она была добра и нѣжна,—но должна была работать и и розгою. Бывало, мальчугана 10 или 11 лѣтъ выведетъ изъ за ученическаго стола, наклоняетъ голову его книзу, сжимаетъ ее между своими ногами и обнаживъ его задницу, сѣчетъ маленькимъ пучкомъ березовыхъ розогъ. Но не было того, чтобы она дѣлала эту операцію съ злостію, и не давала болѣе десяти ударовъ.—

Боже мой! въ какомъ уваженіи тогда было духовенство въ г. Мценскѣ! Стефанъ Ѳедоровичъ жаловался, что шляпа не вынашиваетъ двухъ мѣсяцевъ, чтобы не обломались крылья, и все отъ того, что ежеминутно приходилось снимать ее, отвѣчая прихожанамъ на поклоны. Не смотря на множество церквей (4) и штатовъ въ маленькомъ городѣ, каждый священникъ, каждый дьяконъ и дьячекъ имѣлъ свой домикъ съ садомъ и огородомъ и коровою, а иной имѣлъ у себя баню и лошадь. Какіе же у духовенства были источники доходовъ?— Копѣйки и гроши *проскомидійные*, копѣйки и денежки *подкапильные*. Въ то время въ деревняхъ за крестины брали 10 копѣекъ, за молебенъ 15 к., за погребеніе малаго 10 к., большаго—50 к., свадьбу 2 рубля. Положимъ, что въ городѣ жертвовали при этихъ требахъ вдвое. Но вѣдь этихъ требъ немного въ малыхъ приходахъ; а въ Мценскѣ не было большихъ. Стало быть, главнѣйшимъ источникомъ служилъ копѣечный сборъ при хожденіи народа и при проскомидіи. Священникъ получалъ въ годъ всего 300 руб., дьяконъ—половину того, дьячекъ четверть. Но при тогдашней дешевизнѣ продовольствіи и изъ этихъ денегъ экономливали на постройку дома, платья и содержаніе дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, какіе тогда были цѣны на продовольствіе?.— Я былъ 9-ти лѣтъ, но изъ разговоровъ окружающихъ понималъ цѣну многихъ предметовъ продовольствія. Такъ, мясо платилось отъ $1^1/_2$ до 2 коп. фунтъ; сало свиное — 6 коп. фунтъ. Мука ржаная 20 коп. за пудъ; пшеничная — 50 к., крупичатая —1 рубль — 1 р. 20 к., мѣрка крупъ — 40 к., овса — 10 к. мѣрка; сѣно — $1^1/_2$ р. возъ. Но масло коровье и конопляное были очень дороги: коровье — 30 к. фунтъ; конопляное — штофъ 1 р. — Одежда тогда была очень дорога: узкій ситецъ 40 к.,

демиткудонъ — 50 к.; шелковыя матеріи — 4 и 5 р. аршинъ; платки шелковые на голову — 10 и 15 р.; штофная юбка обходилась 50 р.; парчевая — 60 и 80 р., бывали золотой парчи душегрѣйки въ 100 и 150 руб.; флёровыя рукава обходились въ 5 р.; кисейная рубашка до половины ея состава — 5 и 6 р. Что стоили *сборники* и *кокошники* на голову, — не замѣтилъ; но эти головные наряды дорого стоили. Сборники были штофные и парчевые разнаго цвѣта; кокошники же всегда изъ бѣлой шелковой матеріи. — Башмаки женскіе бывали или шелковые, шитые золотомъ, или парчевые и штофные. Они были безъ задниковъ на высокихъ каблукахъ. Нога скатывалась въ головку, оттого головка башмака удерживалась на пальцахъ, а задняя часть башмака при каждомъ шагѣ отставала отъ пятки и ударяла въ нее, такъ что отъ каждыхъ двухъ шаговъ слышались четыре стука. Было тогда особое искусство ходить въ нихъ и при тихой ходьбѣ производить дробь. Только *такую* обувь называли *башмаками*, а нынѣшніе башмаки называли *черевиками*.—

Строя деревянный домъ въ г. Мценскѣ въ 1803 г., отецъ мой записывалъ тогда же цѣны на матеріалы и работу. Удивительно, какъ велики были тогда цѣны на тотъ и другой предметъ! Вотъ выписка изъ его тетради. Домъ былъ 6 саж. въ ширину и 7 саж въ длину. Фундаментъ былъ каменный; первый *вѣнецъ* строился изъ дубоваго лѣсу; прочее-до потолка изъ еловаго. На первый вѣнецъ пошло дубоваго лѣсу на 16 руб. 20 к. Бревна еловаго лѣсу платились 1 р. 10 к. За 50 *достокъ* заплочено было 35 р. Сотня *тесницъ* стоила 28 р. *Лѣсная* отстояла отъ мѣста постройки на 200 саженъ, и за перевозку дубоваго лѣсу на 16 р., 60 бревенъ еловыхъ, 50 достокъ и 200 тесницъ взято было 4 р. 50 к. За два воза моху заплочено 7 р. Скласть фундаментъ — взято за работу 7 р. 50 к., гвозди двутесные платились по 6 р. 50 к. тысяча. 15 кастылей — 45 коп., сотня гвоздей однотесныхъ —40 коп., щеколда— 40 к., петля — 20 к. 14 петель на ставни стоили 3 р. 80 к., вьюшка съ приборомъ — 1 р., петли на двери и большіе гвозди — все это, вѣсившее 1 пудъ 22 ф., куплено за 6 р., петли на ворота и калитку стоили 7 р., — За постройку только дома плотники взяли 115 р.; а работали вдвоемъ съ 15 іюня по 3 сентября.—

Я жилъ еще будучи 8 лѣтъ въ г. Мценскѣ у тетки *Марьи*, бывшей замужемъ за магистратскимъ чиновникомъ. Домъ ихъ находился недалеко отъ рѣки Зуши и мельницы *Боборыкина* о 20-ти жерновахъ. Сзади огорода находился уже выгонъ, на которомъ работались канаты. Улицы въ этихъ кварталахъ покрыты

были зеленою травкою; но ненавистные солдаты полицейскіе, особенно предъ проѣздомъ губернатора, или другого важнаго лица, требовали, чтобы муравку скапывали — казалось для того, чтобы была пыль больше. Но тутъ же недалеко отъ дома, на берегу рѣки былъ *смѣтникъ* всего города и кучи навоза, которыя я засталъ и въ 1870 г.?.. О, какъ любилъ я ходить по этому смѣтнику и собирать черепки поливенной посуды и другія бездѣлушки! Зачѣмъ я жилъ у тетки? Учиться въ школѣ, которую она держала? Тамъ я не учился.

Въ Мценскѣ тогда не было музыки, не пѣли пѣсенъ, а только *псальмы* — и то при пирушкахъ. На музыку смотрѣли какъ на скоморошество. Танцевъ и плясокъ не позволялось даже на свадьбѣ. Вѣнчались всегда послѣ обѣдни. Жениха и невѣсту велъ священникъ въ ризахъ со крестомъ до самаго дома. Здѣсь начинался обѣдъ самый чинный. Молодые обѣдали за особымъ столикомъ. Гости расходились въ полдень. Оставались однѣ свахи и дружки. Только на другой день молодые садились за обѣдъ вмѣстѣ съ гостями и за этимъ обѣдомъ пѣлись псалмы. — Предъ свадьбой былъ *сговоръ, рукобитье и дѣвишникъ*, продолжавшіеся недѣлю и двѣ. Дѣвицы обшивали невѣсту, приглашали опытныхъ женщинъ— закройщицъ. На этихъ дѣвишникахъ пѣлись и пѣсни — особенно вечеромъ, когда приходили и молодые мущины. Этими пѣснями величали не только жениха и невѣсту, но часто и посѣтителей, если узнавали кого, потому что каждый изъ нихъ былъ въ шляпѣ, изъ подъ которой свѣшивался платокъ и закрывалъ лицо. Послѣ провеличанія *(sic)* посѣтителя одна изъ дѣвицъ выходила изъ-за стола, за которымъ шили, подносила ему тарелку, на которой онъ клалъ деньги. Кому изъ посѣтителей нравилась какая дѣвица, онъ обыкновенно стоявшую на столѣ свѣчу переставлялъ и ставилъ противъ избранной и это считалось честью и выборомъ въ невѣсты. Между посѣтителями возникали ссоры, но не прежде окончанія вечера и внѣ дома — на улицѣ, гдѣ выхватывали скрытые подъ платьемъ кистени. Часто бывали и смертоубійства. — Какъ ни тупъ я былъ на ученье, но псальмы и величальныя пѣсни врѣзались въ мою память. Вотъ часто употреблявшіеся псальмы:„ О, кто—кто Николая любитъ“; — 2) „Здѣсь ваіи отъ финика, по нимъ грядетъ владыка, владыка, владыка“ и проч.; 3) „Кому повѣмъ печаль тою, кого призову ко рыданію“ — Плачъ Іосифа прекраснаго; 4) „Ужаснися, человѣче“, гдѣ упоминается царь Сарданапалъ; 5) „О, горе мнѣ, грѣшнику сущу“. — А вотъ *величальныя пѣсни*: 1) „Ты ль зоря моя, зорюшка, зорюшка вечерняя.

Высоко звѣзда взошла, далеко посвѣтила, черезъ лѣсъ, черезъ горы, черезъ синее море“ — и проч. — 2) „Груша, яблонь садовая, кора золотая, тамъ шла-прошла красна дѣвица Прасковья Андреевна, или Анна Николаевна“. — Псальмы теперь затерялись въ среднихъ губерніяхъ, но сохранились въ Подоліи и другихъ западныхъ губерніяхъ, — некому собрать ихъ... — Во Мценскѣ купцы съ сѣдою бородою пускали бумажные змѣи съ трещетками, сидя у окна, держа змѣя за конецъ нитки. Во тоже время отправляли по ниткѣ почту, т. е. кружочекъ изъ бумаги. По дворамъ стараются перехватить нить, на которой летаетъ змѣй, перебрасывая чрезъ нее другую нить съ камешкомъ, чтобы завладѣть нитками. Если оборвется нить, тогда старъ и малъ бѣжитъ на улицу, хватаетъ нитки какъ какое-либо сокровище. Иногда самъ хозяинъ выпускаетъ изъ рукъ нить, чтобъ потѣшиться суматохою на сосѣднихъ кварталахъ, а иногда и дракою....

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сговоръ малолѣтнихъ.

(*Страница изъ исторіи брачнаго права на Украинѣ XVI в.*).

Въ XVI ст. на Украинѣ изрѣдка практиковался обычай, что родители заранѣе сосватывали своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и заключали по этому предмету формальныя обязательства, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ впередъ точно обозначался срокъ свадьбы, выговаривалось приданое невѣсты и вѣно со стороны жениха, и договоръ обезпечивался крупными неустойками на случай его нарушенія одною изъ сторонъ. Этотъ странный обычай стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ широкимъ развитіемъ личности, какимъ вообще характеризуется южнорусское общество второй половины XVI ст., когда, и по смыслу дѣйствовавшаго закона, и по общественному сознанію, основнымъ условіемъ совершенія брака считалось свободное произволеніе брачущихся. Несомнѣнно, это былъ пережитокъ предшествовавшихъ вѣковъ, когда авторитетъ родительской власти всецѣло преобладалъ надъ личными правами дѣтей, когда браки на Руси совершались иногда въ столь малолѣтнемъ возрастѣ, что не могло быть и рѣчи о свободномъ произволеніи брачущихся, и активными сторонами въ предбрачномъ сговорѣ естественно являлись не женихъ съ невѣстою, а ихъ родители или опекуны. Позже, когда возрастъ для брака былъ повышенъ, сговоръ малолѣтнихъ по традиціи продолжалъ практиковаться и даже въ иныхъ случаяхъ сопровождался церковнымъ вѣнчаньемъ, что устанавливало между сговоренными и ихъ семьями формальное родство со всѣми юридическими его послѣдствіями. Такъ, когда панъ Мартинъ Хребтовичъ, въ самомъ началѣ XVI ст., сосваталъ

„и заручилъ“ своего малолѣтняго сына съ такою же дочерью умершаго пана Сенка Олизаровича и сталъ хлопотать о правѣ опеки, на этомъ основаніи, надъ имѣніями послѣдняго, устраняя его вдову, то король Александръ призналъ, что „иному никому не прийдетъ имени (имѣніями)пани Сенковои Олизаровича опекатися, толко пану Мартину“, и разрѣшилъ послѣднему, до возраста и вступленія въ бракъ его сына, взять въ опеку имѣнія Олизаровича, устранивъ вдову отъ права распоряжаться ими; а когда возникъ споръ по этому дѣлу, то новый король, Сигизмундъ I, въ 1507 г. не только подтвердилъ рѣшеніе своего предшественника, но дозволилъ также п. Мартину поселить въ своемъ домѣ и сговоренную невѣсту своего сына, а матери ея, вдовѣ, приказалъ жить особо, гдѣ укажетъ п. Мартинъ [1]). Пока подобные сговоры сопровождались церковнымъ обрученьемъ и даже вѣнчаньемъ, въ случаѣ ихъ нарушенія дѣло поступало въ духовный судъ, который сторону, устоявшую въ договорѣ, нерѣдко „вызволялъ“ (освобождалъ) отъ обязательствъ, данныхъ при совершеніи предбрачнаго сговора, а съ виновной стороны присуждалъ неустойку. Во второй половинѣ XVI ст. мы уже не видимъ вѣнчанья малолѣтнихъ, и вся крѣпость подобныхъ сговоровъ единственно обусловливалась крупными неустойками, уплата которыхъ освобождала отъ необходимости совершать бракъ.

Мало того, подъ вліяніемъ новыхъ, болѣе раціональныхъ понятій о правѣ личности и о существѣ брака, какъ свободнаго союза, стали возникать сомнѣнія: насколько обязателенъ сговоръ для жениха и невѣсты, активно въ немъ не участвовавшихъ? И когда возникли споры изъ-за того, что одна изъ сторонъ отказывалась отъ исполненія сговора, то послѣдняя старалась отстоять ту точку зрѣнія, что условія сговора обязательны только для родителей, его заключившихъ, а отнюдь не для дѣтей, по малолѣтству въ сговорѣ не принимавшихъ никакого участія, и что, слѣдовательно, въ случаѣ смерти одного изъ договаривавшихся родителей, сговоръ теряетъ силу. По мѣрѣ усвоенія обществомъ подобной точки зрѣнія, обычай сговора малолѣтнихъ долженъ былъ прекратить свое существованіе, какъ пережитокъ старины. Не могъ онъ найти для себя поддержки и въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ, открыто признававшемъ принципъ свободнаго произволенія брачущихся и предоставлявшемъ дѣ-

[1]) Литовская Метрика, кн. записей 1506—1513 г., № 8, л. 132 обор.

вушкамъ активную защиту отъ произвола опекуновъ и даже самихъ родителей, если они безъ достаточнаго основанія стѣсняли ихъ свободный выборъ при замужествѣ. Когда возникали споры по поводу нарушенія сговоровъ, заключенныхъ въ малолѣтство жениха или невѣсты, то заинтересованная сторона, минуя мѣстные суды, обыкновенно обращалась прямо къ королю и просила его побудить противную сторону къ уплатѣ неустойки. Короля не трудно было склонить къ удовлетворенію подобной просьбы, такъ какъ онъ и самъ въ этомъ случаѣ являлся стороною заинтересованною: дѣло въ томъ, что лица, договаривавшіяся о будущемъ бракѣ своихъ дѣтей, не имѣя опоры въ дѣйствовавшемъ законѣ, въ видахъ большей крѣпости договора, всегда включали въ него такое условіе, что сторона, отказывающаяся отъ совершенія брака, обязывалась заплатить крупную „заруку“ (неустойку) не только сторонѣ, устоявшей въ договорѣ, но также и „господарю королю его милости“; поэтому король, не столько въ качествѣ верховнаго блюстителя закона, сколько въ роли какъ бы посредника въ частномъ договорѣ, охотно выдавалъ просителю „напоминальный листъ“ на имя отвѣтчика съ приказаніемъ послѣднему исполнить договоръ или платить неустойки. Но такія „напоминанія“ имѣли характеръ скорѣе моральнаго, а не юридическаго воздѣйствія и ни къ чему не приводили, и послѣ долголѣтнихъ препирательствъ, а нерѣдко и кровопролитныхъ усобицъ, воюющія стороны заключали миръ, а ихъ дѣти вступали въ браки, съ кѣмъ хотѣли.

Въ видѣ иллюстраціи ко всему сказанному приведемъ здѣсь исторію подобной семейной распри между двумя княжескими фамиліями, въ то время остававшимися еще вѣрными своей предковской вѣрѣ и малорусской народности.

Въ 1563 г. два магната, изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ на Волыни, князь Александръ Андреевичъ Сангушко-Коширскій и волынскій воевода князь Александръ Ѳедоровичъ Чорторыйскій, „приймуючи промежку себе вѣчное приятельство“, заключили другъ съ другомъ формальное условіе, по которому сынъ перваго князь Левъ, по достиженіи совершеннолѣтія, имѣлъ вступить въ бракъ съ дочерью послѣдняго княжною Мариною, въ то время еще малолѣтнею, съ назначеніемъ срока свадьбы „въ великій (т. е. зимній) мясопустъ“ 1567 г. Для большей прочности договоръ былъ обусловленъ крупными денежными „заруками“: не устоявшая въ договорѣ сторона обязывалась уплатить „заруки господару королю его милости“ 10,000 копъ грошей литовскихъ

и столько же противной сторонѣ, причемъ въ условіи были поименованы и тѣ имѣнія, въ которыя „сторона, постановенье держачая“, имѣла право „моцно (силою) въѣхати и ихъ вживати до того часу“, пока выговоренная неустойка не будетъ сполна уплочена.

Въ декабрѣ того же года жениху исполнилось 18 лѣтъ — возрастъ, требовавшійся тогдашнимъ статутомъ для вступленія въ бракъ, и князь Сангушко, прибывъ съ сыномъ во Владимиръ, въ замокъ господарскій, въ присутствіи старостинскаго уряда сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

— „Зъ ласки милостивого Бога, принялъ есми вѣчистое пріятельство зъ его милостью княземъ Александромъ Чорторыйскимъ и змовилъ дочку его милости княжну Марину за сына моего князя Илва, которую, ведле (согласно) змовы и постановеня нашого, сынъ мой князь Левъ въ малженство святобливое за себе взяти и поняти маетъ. А ижъ (такъ какъ) сынъ мой князь Левъ, вже лѣтъ дорослый, лѣта свои маючи, тую княжну Марину полюбилъ, тогды тое постановенье наше держати маетъ, и на што бы листы (т. е. обязательства) свои князь Левъ сынъ мой теперъ его милости князю Чорторыйскому давати мѣлъ, тогды тые листы при моцы (въ силѣ) своей зостати маютъ для того, ижъ (что) сынъ мой князь Левъ вже лѣта свои зуполные маетъ“. Этимъ заявленіемъ, очевидно, князь Сангушко уполномочивалъ сына своего, уже достигшаго совершеннолѣтія, вступать непосредственно съ своимъ нареченнымъ тестемъ въ формальныя обязательства относительно, напр., приданаго невѣсты и обезпеченія ея вѣна.

Но, видно, князь Левъ непрочно „полюбилъ“ свою малолѣтнюю невѣсту, или, что всего вѣроятнѣе, въ настроеніи его отца произошла какая то перемѣна: только спустя три мѣсяца между семьями, готовыми породниться, начались уже несогласія. Въ мартѣ 1564 г. князь Чорторыйскій заявилъ въ луцкомъ замкѣ такую жалобу:

— „Его милость князь Александро Андріевичъ Сангушковичъ-Коширскій, за частокротными и пилными (усердными) прозбами своими, змовилъ у мене дочку мою княжну Марину за сына своего князя Льва ведле (по) закону святого нашого христянского у малженство, якожъ и рокъ певный тому веселью (свадьбѣ) зложили есмо и тое застановенье наше зъ обехъ сторонъ держати а статочне и скутечне выполнити прирекли, на што есми промежку себе и листы свои, подъ печатьми и съ под-

писами власныхъ рукъ нашихъ и подъ печатьми людей зацныхъ, роздали, въ которыхъ листехъ есть и заруки описано. То такъ его милость князь Александро Сангушковичъ-Коширскій, пропомневши (позабывъ) доброго и почтивого княжеского приреченя (обѣщанія) своего, не дбаючи на листъ свой, такъ тежъ на заруки въ немъ описаныи, тое наше постановенье, не хотячи его полнити, розрываетъ и за сына своего иншую панну въ малженство еднаетъ, о чомъ его милость князь Александро Коширскій тыхъ часовъ, на мясопустъ нашъ руский, присылалъ до мене людей зацныхъ зъ листомъ своимъ, просячи мене за то, абыхъ я тое постановенье наше, зъ нимъ скутечне застановеное, на сторону опустилъ и листъ его записный, которымъ ся его милость самъ за себе и за сына своего князя Льва подъ заруками описалъ, ему вернулъ, а свой отъ него до себе взялъ; чого мнѣ вчинити а слова своего отступити не пристояло, абыхъ то мѣлъ зрушити, одно якъ я зъ княземъ Александромъ Коширскимъ змовилъ, такъ то статечне держу и скутечне выполнити хочу".

При этомъ случаѣ князь Чорторыйскій предъявилъ уряду и просилъ внести въ актовыя книги текстъ подлиннаго обязательства, заключеннаго съ нимъ княземъ Сангушкомъ.

Такимъ образомъ попытка послѣдняго миролюбивымъ соглашеніемъ уничтожить необдуманно заключенный договоръ не удалась: князь Чорторыйскій находилъ, очевидно, выгоднымъ выдать дочь за молодого Сангушка, хотя бы вопреки желанію его отца. Послѣднему оставалось пассивно выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, благо срокъ исполненія договора наступалъ лишь черезъ три года.

Между тѣмъ князю Чорторыйскому совсѣмъ не терпѣлось. Ему уже, повидимому, не столько хотѣлось породниться съ княземъ Сангушкомъ, сколько взыскать съ него огромную неустойку. Но для этого нужно было, чтобы Сангушко открыто, при оффиціальныхъ свидѣтеляхъ заявилъ, что онъ отказывается отъ исполненія договора. И вотъ въ апрѣлѣ того же 1564 г. князь Чорторыйскій проситъ владимирскаго старосту дать ему *вижа* [1]) и двухъ шляхтичей для посылки къ князю Сангушку. По дѣлу столь важнаго лица, какимъ былъ мѣстный воевода, вижемъ былъ назначенъ

---

[1]) *Вижами* назывались уполномоченныя властью лица въ качествѣ оффиціальныхъ свидѣтелей при извѣстномъ актѣ; при нихъ всегда назначались два свидѣтеля шляхтича въ качествѣ понятыхъ. Позже вижей замѣнили возные.

довольно знатный волынскій земляninъ Иванъ Матвѣевичъ Ело-Букоемскій, а ассистентами при немъ—еще болѣе знатные паны: Михайло Козинскій, маршалокъ королевскій, и Волчко Якимовичъ Жасковскій, судья гродскій владимірскій. Посланные отправились въ м. Горуховъ, гдѣ въ то время проживалъ князь Сангушко, и отъ имени князя Чорторыйскаго „мовили ему о невыполненю записовъ и обовязковъ, которыми ся князь Коширскій записалъ о взятье дочки князя Чорторыйского за сына своего, пжъ съ того запису выступилъ“ и долженъ платить „закладъ“ (неустойку). Князь Сангушко на это такъ отвѣтилъ:

„Еще рокъ веселю (срокъ свадьбѣ) не пришолъ: нехай князь Чорторыйскій року назначоного въ листехъ нашихъ ждеть, а мѣшковъ на заклады нехай не шиеть, бо сынъ мой его дочку, коли рокъ прийде, пэйметь; одно жъ, если я умру, або князь Чорторыйскій, то ся все ни во што обернеть, бо князь до сына моего неласкавъ, а сынъ мой ему ся не записывалъ и печатей къ тому запису не прикладалъ,—сынъ мой одъ того воленъ“.

Хотя отвѣтъ получился не безусловно отрицательный, тѣмъ не менѣе князъ Чорторыйскій поѣхалъ къ королю съ просьбою побудить князя Сангушка платить „заруки“ за нарушеніе договора. Король тѣмъ охотнѣе исполнилъ эту просьбу, что по условію о сватовствѣ, князь Сангушко, какъ нарушитель договора, обязанъ былъ и его королевской милости уплатить 10000 коп. грошей литовскихъ. Получивъ „напоминальный листъ“ изъ королевской канцеляріи, князь Чорторыйскій снова выпросилъ у владимирскаго старосты вижемъ того же пана Ела-Букоемскаго, который въ сопровожденіи двухъ шляхтичей отправился въ Горуховскій замокъ и, вручая князю Сангушку королевскій листъ, „мовилъ словне“ ему такъ:

— „Ваша милость, княже Александро Коширскій, учинивши змову и листомъ утвердивши зъ его милостью княземъ Чорторыйскимъ, маючи волю за сына своего Лва дочку его милости княжну Марину въ малженство понять, котораго листу и обовязку своего ваша милость выступилъ, а сына своего князя Лва зъ иною оженилъ“.—То же заключалось и въ напоминальномъ королевскомъ листѣ, съ прибавленіемъ лишь приказа немедленно платить „заруку“ или же, впредь до ея уплаты, уступить князю Чорторыйскому въ пользованіе, въ видѣ залога, мѣсечко Коширъ съ замкомъ и со всѣми принадлежащими къ нему селами и деревнями.

Князь Сангушко съ должнымъ почтеніемъ взялъ королевскій листъ; копію его онъ передалъ своему „дьяку“ (секретарю), а подлинникъ возвратилъ, сдѣлавъ на немъ такую надпись: „не знаюся до того, жебы (чтобы) ся сынъ мой зъ иною жоною оженити мѣлъ“. Посланные требовали, чтобы онъ, согласно королевскому приказу и собственному обязательству, добровольно уступилъ князю Чорторыйскому Коширскій замокъ, на что князь отвѣтилъ:

— „Той замокъ Коширскій, на которомъ промежку насъ заруки описаны, поступилъ есми въ моцъ (во владѣніе) сыну моему князю Лву: онъ будетъ вѣдати, если его князю Чорторыйскому поступитъ, або ни“.

Выслушавъ этотъ уклончивый отвѣтъ, посланные объявили князю, что, „чинячи досытъ листу королевскому,“ они немедленно отправляются отбирать Коширскій замокъ для передачи его князю Чорторыйскому. Сангушко на это ничего не сказалъ.

По пути къ нимъ присоединился сынъ Чорторыйскаго, молодой князь Михаилъ Александровичъ, съ отрядомъ вооруженныхъ людей. Прибывъ въ м. Коширъ, они застали замокъ въ положеніи боевой обороны: ворота были закрыты, мостъ поднятъ, а за стѣнами замка находилось множество людей зъ „ручницами, луками, рогатинами, зо всякими бронями, килка сотъ запущено было кобылинъ.“ [1]) На требованіе уступить замокъ по королевскому приказу, оттуда отвѣчали:

— „Не маючи листу отъ пана своего, никому увязовати себе [2]) не допустимо и на листъ королевскій ничого не дбаемо и слухати не хочемо и копии зъ него не беремо.“

Переговоры не привели ни къ чему: изъ-за стѣнъ раздавались угрозы, что если посланцы тотчасъ не удалятся, то въ нихъ будутъ стрѣлять. Тогда, видячи небезпечность (доносилъ вижъ), мы почали уходити, а они зъ ручницъ, зъ гаковницъ почали на насъ стреляти, бы на якихъ неприятелей. А кгды (когда) пришли есми къ Старому-Коширу (мѣстечку) для увязованя, то великое множество людей почали насъ переймати и во вси звоны на гвалтъ звонили“.

Такъ доносилъ королевскому старостѣ вижъ, п. Ело-Букоемскій, въ данномъ положеніи представитель интересовъ князя Чорторыйскаго. Совсѣмъ иначе изображаетъ эту яко-бы мирную

---

[1]) *Кобылина*—бревно съ набитыми въ немъ острыми рогатками.

[2]) Тогдашній юридическій терминъ *увязованя*—вводъ во владѣніе.

попытку „увязованя“ въ м. Новый и Старый-Коширъ князь Сангушко. Въ жалобѣ своей, занесенной въ судъ 4 іюня 1565 г., онъ пишетъ, что 27 мая, „въ недѣлю“, князь Александръ Чорторыйскій наслалъ сына своего князя Михаила на замокъ Коширскій „зъ многими помочниками, приятелями, зъ сагайдаками, зъ рогатинами, ручницами, гаркабузами, болшей тысячи коней“, и они „моцно, гвалтомъ замку добывали, стрѣляли“, много людей поранили, ворвавшись въ мѣстечко, „у мѣщанъ коморы поотбивали, гроши ихъ, товары, воски, лои, шкуры, сукни, платье бѣлое (бѣлье) побрали, и отступивши отъ мѣста (Новаго-Коширa), наѣхали на Старый-Коширъ, тамъ войта, людей позбивали, поранили, жонокъ, дѣвокъ гвалтовали (насиловали), коморы поотбивали и всю маетность побрали: горшей нижли отъ поганства татаръ все имѣніе Коширское опустошили“.—Такъ дорого обошелся несчастнымъ мѣщанамъ отказъ ихъ владѣльца отъ руки малолѣтней княжны.

Такимъ образомъ одновременно возникли два судебныхъ процесса: одинъ по обвиненію князя Сангушка „за непозволенье сыну князю Льву взяти за себе въ малженство дочку князя Чорторыйского„ и неплатежъ условленной неустойки, а другой—по обвиненію князя Чорторыйскаго въ вооруженномъ наѣздѣ и разореніи Коширскаго имѣнія князя Сангушка. Отразивъ удачно первый наѣздъ и основательно опасаясь повторныхъ нападеній, князь Сангушко поспѣшилъ выхлопотать у короля такъ называемый „заручный листъ о небезпечность здоровья“, т. е. письменный королевскій приказъ князю Чорторыйскому не нападать на кн. Сангушка, его сына, слугъ, бояръ и мѣщанъ, подъ угрозою взысканія „заруки“ въ 10,000 копъ грошей. Интересна сцена врученія этого листа князю Чорторыйскому. Посланцевъ (въ числѣ ихъ былъ и вижъ съ понятыми) долго не пускали во дворъ и не принимали отъ нихъ королевскаго листа. Наконецъ вышелъ къ нимъ за ворота слуга князя Чорторыйскаго и спросилъ: съ чѣмъ они пріѣхали отъ князя Сангушки? Ему былъ показанъ королевскій листъ. Посмотрѣвъ въ него, слуга отдалъ его обратно, не захотѣлъ брать копіи и сказалъ:

— „То плетки (ложь), и хоть вы будете стояти три дня, князь не велѣлъ васъ пускати до себе“.

„Освѣтчивши тое“ (т. е. протестовавшись) передъ вижемъ и понятыми, слуга князя Сангушка „уткнулъ у ворота“ копію королевскаго листа и уѣхалъ домой. Это былъ въ то время обыч-

ный способъ врученія позвовъ и другихъ оффиціальныхъ листовъ, если ихъ не хотѣли брать въ руки.

Весьма естественно, что разъ дѣло приняло такой оборотъ, сватовство окончательно разстроилось, и скоро послѣ того князь Левъ Сангушко женился на дочери землянина Ганнѣ Остиковнѣ, весьма богатой, но хворой дѣвушкѣ, а его бывшая невѣста княжна Марина Чорторыйская впослѣдствіи вышла за сына новгородскаго воеводы Андрея Павловича Сапѣгу, что былъ потомъ воеводой полоцкимъ и смоленскимъ.

Таковъ былъ обычный финалъ сговоровъ малолѣтнихъ въ половинѣ XVI в. Скоро послѣ того этотъ архаическій пережитокъ совсѣмъ исчезаетъ, какъ явно противный духу времени. Дольше всего онъ удержался въ магнатскихъ семьяхъ, гдѣ подобные сговоры всего чаще заключались по соображеніямъ родовымъ, фамильнымъ. Послѣдній по времени такой сговоръ, сколько намъ извѣстно, былъ совершенъ въ 1576 году между волынскимъ воеводой княземъ Богушемъ Корецкимъ и виленскимъ каштеляномъ Яномъ Ходкевичемъ относительно женитьбы сына перваго, князя Якима, на дочери послѣдняго Ганнѣ, впослѣдствіи пріобрѣвшей извѣстность тѣмъ, что она нѣсколько разъ мѣняла религію. Такъ какъ во время сговора „обѣдвѣ парсуны (женихъ и невѣста) зуполныхъ лѣтъ“ далеко еще не достигли, то срокъ свадьбы назначенъ былъ черезъ шесть лѣтъ. Договоръ скрѣпленъ „зарукой“: „на господаря короля“ 15,000 копъ грошей и противной сторонѣ столько же, и подписанъ не только родителями сговоренныхъ, но и малолѣтнимъ женихомъ, уже грамотнымъ въ то время. [1]) Можетъ быть отчасти по этой причинѣ договоръ этотъ-едва ли не въ видѣ единственнаго исключенія изъ общаго правила—не возбудилъ впослѣдствіи никакихъ споровъ и былъ съ точностью приведенъ въ исполненіе.

Ор. Левицкій.

---

1) Актовая Луцкая гр. книга, № 2050. листъ 259.

Весняна повидь.

Повисть.

ЧАСТЫНА ПЕРША.

I.

Колы Трублаевычъ увійшовъ у велыку, зъ высокою стелею й малымы пидслипуватымы викнамы залу, де зибралось надзвычайне губернське земське зибрання, то його насамперед обдало духотою, насыченою парою видъ більше трьохъ сотъ гласныхъ и публикы и тютюнымъ дымомъ. Була саме перерва у засиданни, и гласни повставалы зъ своихъ мисць, стоялы купамы й ходылы въ вузькыхъ проходахъ помижъ обтягнутымы зеленымъ сапьяномъ канапамы, на якыхъ воны сыдилы, а публика, що мистылась тамъ же въ зали биля выходу, на поставленыхъ въ ряды стильцяхъ и въ гори, на хорахъ, тежъ повставала и ворушылась, мовъ комашня въ порушеній кучи.

У зали стоявъ гоминъ, мовъ у велыкому вокзали, колы прыходе пойиздъ. Розибрать окремыхъ сливъ було не можна, — все злылось и переплуталось, и тильки оддавалось покрытою гороризьбою стелею, мовъ клекотання велыкого гирського потоку, або воды въ розирваній повидью гребли: тахъ, тахъ, тахъ, тахъ!..

Протовпывшысь наперед, Трублаевычъ озырнувъ гласныхъ. То все булы стари знайоми — выгодоване, выпещене, вымыте й прылызане панство и ни одной демократычной постати. Мундыры, фракы, смокингы й сюртукы... Блыскучи били комиры, груды й манжеты. Повни, червони облыччя... Солидни, стрымани рухы и те непогасыме занепокоиння въ очахъ, яке завжды бувае у людей,

що не мають и у души спокою. Посередыни залы на спынци канапы яркою плямою вызначався голубо-зеленый картузъ гласного, чыновныка таможни.

Все це було знайоме Трублаевычови и навить картузъ чыновныка таможни, и винъ перевивъ очи вгору на хоры. Тамъ, боячысь упустыты мисця въ переднихъ рядахъ, публика немовъ попырастала до балясивъ, — все бильше паніи й панночкы, наполовыну зъ евреивъ. Воны булы добре зряжени и, задыхаючысь видъ духоты, обвивалы соби червони облыччя газетамы й тымъ, що було у ихъ въ рукахъ. Воны нагадувалы метелыкивъ, що буцимъ обсилы оти балясы й махають рижноколирнымы крыльцямы, щобъ отъ-то заразъ спурхнуть и полетиты.

И Трублаевычови здалось, що въ цій зали, вгори въ пагритому повитри, щось трипоче, напружене й непокійне, и що ось-ось воно выбухне чымсь незвычайнымъ и несподиванымъ. И той неспокійный нервовый настрій вразъ заволодивъ имъ.

Винъ стоявъ и обводывъ поглядомъ публику, шукаючы дебъ йому найты соби мисце биля знайомыхъ.

— Иване Мыхайловычу!.. Иване Мыхайловычу!.. — гукавъ до його жиночый голосъ, але винъ не чувъ.

— Пане Трублаевычу, васъ дамы клычуть, — сказавъ йому хтось зъ його сусидивъ и показавъ праворучъ въ кутокъ залы, видкиля йому давалы знакъ очима й кывкамы молоди панны, щобъ винъ ишовъ до ихъ.

Трублаевычъ посунувся въ той бикъ, пробираючы соби стежку промижъ публику.

Його клыкала вродлыва молода панна; брюнетка, зъ роскишнымъ волоссямъ, заплетенымъ въ модну прычиску. Його, зъ початку трохы насуплене облыччя, зъ якымъ винъ увійшовъ у залу, зразу прояснылось, колы винъ побачывъ, хто його клыче,—то була його заручена, Люба Говорецька. Вона ледви помитно показала очима мисто биля себе, и винъ прывитавшысь зъ другымы паннамы, подругамы Говорецькои, ставъ биля неи, бо сидать було нигде.

— Трублаевычъ ставъ на сторожи биля своеи крали, — стыха, але зъ прытыскомъ, промовыла немолода й дуже нечепурна руда пани своій сусидци. — Боится, мабудь, щобъ не одбывъ іи у його нашъ Зембулатъ, — додала вона, прыжмурюючы кризь дымъ очи и вдывляючысь въ Трублаевыча.

Винъ стоявъ теперъ проты свиту, и ій було добре выдно його молоде прямоносе лыце, зъ тонкымы й ривнымы, трохы по-

шыренымы биля перенисся бровамы, шо надавалы йому выразъ поважности. Тиліки дрибный шидбородокъ зъ маленькою французською боридкою пидъ трохы занадто густымы вусамы шкодывъ йому. Винъ бувъ высокый зростомъ и сухорлявый и держався ривно, трохы выносячы груды наперед. — О, дывиться, винъ мовъ збирается заразъ кукурикнуть, — яхыдно шепотила руда пани сусидци, пускаючы кризь жовти й плыскати, мовъ лопата, зубы, дымъ зъ папыросы.

Та ій на ій слова ничого не одмовыла, а тильки повагомъ, мовъ нехотя, запытала:

— А ваша дочка де? Я ій щось не бачу.

— А онъ, у тимъ кинци, несамохить одминывшысь у облыччи, сказала пани й замовкла.

Вси зналы, що ій дочка, Руда Солоха, якъ ій звалы въ городи, въ останній часъ дуже упадае за Трублаевычемъ, але даремно.

Справди, биля викна червонила на свить руда голова ій дочкы Соломіи зъ пидризанымъ по плечи кучерявымъ волоссямъ.

Саме въ тій хвыли й Трублаевычъ глянувъ туды и побачывъ ій. Вона закывала йому головою. Винъ те-жъ уклонывся ій.

— Зъ кымъ вы витаетесь, — спыталась Говорецька, постеригшы Трублаевычивъ уклинъ и не бачучы зъ стильця, кому винъ кланяется.

— Зъ панною Дубраевською.

Ледви помитна зневажлыва усмишка майнула на облыччи Говорецькои, але вона ничого не сказала.

Въ цю хвылыну почувся дзвонык. Председатель зновъ одкрывавъ засидання. Гласни сидалы по мисцяхъ.

— Тильки що мы заслухалы докладъ управы про ти миры, яки, по ій думци, слидъ прыняты земству на случай, колы до насъ завитае холера, — промовывъ председатель зибрання, обводячы острымы хытрымы очима зибрання й повертаючы туды й сюды свою вытягнуту наперед лысу голову зъ чымалымъ грубымъ горбатымъ носомъ, мовъ вынюхуючы загодя, хто и що буде говорыты. — Чы не вгодно буде кому зъ панивъ гласныхъ сказиты свои думкы по цьому пытанню?

Почалысь звычайни обговорювання пытання, але публика ихъ не слухала. Ще мынуло тильки тры тыжни, якъ японци въ лобъ розбылы наше вийсько пидъ Мукденомъ и по всему простори Россіи понеслысь стогнання й прокльоны... Ще зъ тыхъ, у кого на війни булы ридни, мало хто знавъ, чы жыви воны й непока-

личени, чы ихъ тило валяется де небудь биля императорськихъ могылъ Кытая и собакы по ночахъ грызуть його. Вси булы зтурбовани й роздратовани, мовъ бджолы. Червони телеграмы, шо хлопци розносылы по городу, попсувалы всимъ нервы и де-хто вже не мигъ ихъ бачыты.

Теперъ, колы було склыкане надзвычайне губернське земське зибрання, вси сподивалысь, що на йому щось мусыть счынытысь, якась демонстрація. Вси ждалы ии.

Предсидатель тежъ ждавъ и бувъ на сторожи. Винъ часомъ непомитно, але допытлыво, обводывъ поглядомъ публику на хорахъ. Полиціи на выду тамъ не було, вона прызнала за краще доглядать порядку на вулыци, за спинамы зибрання; булы тильки потайни доглядачи.

Вси ждалы, але не зналы, видкиль и у якый мент почнется. Трублаевычови зновъ здавалось, колы винъ слухавъ промову балакучого, але пустоголового, видомого на всю губерню дытынячымъ повожденнямъ въ зибранни, гласного Шпаченка, що въ гори помалу трипочуть якись крыла и отъ-отъ щось разомъ выбухне.

— Ахъ, отой Шпакъ, колы вже винъ замовчыть! — зъ досадою промовыла Говорецька. — Якъ винъ того не розуміе, ню меле нисенитныцю!..

Але гласный въ сій хвыли несподивано замовкъ.

— Вы до сказаного больше ничого не маете додаты? — запытавъ його предсидатель, граючи, якъ звычайне, очима, й по його голосу неможна було зрозумиты, чы винъ тонко иронизуе надъ ораторомъ, чы, бажаючы проволикты часъ, щобъ одсунуты за бракомъ вильнои годыны чергови гостри пытання, якыхъ винъ не хотивъ становыты на обмиркування зибрання, хоче выклыкаты балаклія поговорыты ще кылька хвылынъ.

— Вынуватъ!.. я ще бажавъ бы додаты... — почавъ той зновъ. — Я хотивъ сказать, що зибрання мае право...

— Я прохаю слова, — почувся въ зали сыплуватый голосъ, и скризь по публици побигло шарудиння:

— Лынськый просыть слова!.. Лынськый просыть слова!..

Невыдыми крылята вгори затремтилы дужче.

Колы пидвывсь Лынськый, невелыкый, але осадкуватый чоловикъ, щобъ казаты свое слово, все въ зали затыхло. Це бувъ найстарійшый гласный зибрання, видомый дiячъ. Винъ почавъ говорыть дуже тыхо, такъ що його не скризь по зали було чуть, але дали старечый його голосъ набырався сылы и черезъ кылька

хвылынъ уже ясно лунавъ въ зибранни, якъ голосъ справжнього проводыря й борця.

Винъ говорывъ, що винъ дуже старый и давній, и що ся його промова въ зибранни може буты останьою и що хотивъ бы винъ, щобъ вона дійшла до серця гласныхъ. Винъ багато де-чого не буде договорюваты, але гласни й безъ пидкреслювання зрозуміють все.

— У цей часъ, у цю важку годыну — розлягався по зали його голосъ — наше зибрання, якъ частына обезславленои, збезчещеноі на ввесь свитъ риднои краины, не може буты глухымъ, щобъ не чуты, що говорыться по всихъ усюдахъ, и не може буты нимымъ, щобъ мовчаты. Наставъ гризный часъ суду надъ нашою прыгниченою й розгвынченою по всихъ суставахъ неможлывымы порядкамы краиною. Той судъ чынится на Далекому Сходи, де мы ще такъ недавно выступалы, якъ нація героивъ, и де теперъ мы бижымо передъ ворогомъ, мовъ отара страхополохивъ!..

Усе прытыхло, занимило й обернулось въ слухъ, а гласный говорывъ, що отакъ жыть неможна, що не дрибнымы текучымы справамы теперъ мусыть займатысь земство, а добыватысь, щобъ булы въ корень зминени головни внутришни порядкы, ненавыстни всимъ чеснымъ людямъ и справжнимъ патріотамъ, щобъ бувъ зруйнованый той непорушный муръ, що виддиляе народъ видъ власти, щобъ булы розбыти кайданы, що сковують народъ. Ораторъ звертався до исторіи и въ ій прослиджувавъ громадськи течіи и змагання окремыхъ одыныць пидняты прапоръ громадськои воли.

Председатель зибрання увесь почервонивъ и сыдивъ мовъ на вугилли. Це говорывъ його злійшый ворогъ. Винъ килька разивъ хотивъ спыныты його, але не наважувався, бо йому, якъ чоловикови розумному й хытрому, не хотилось выявыты себе діячемъ, спочуваючымъ старымъ порядкамъ, и хотилось показаты що винъ зовсимъ лойяльный.

— Ридный край жде видъ насъ чесного, смилого слова, и мы повынни те слово вымовыты. Я певенъ, що у насъ стане сылы души сказаты те слово, яке теперъ у всихъ на устахъ: намъ потрибни не прыстройкы ганкивъ та бань на гнылому будынку нашого устрію, а головна перестройка всіеи будивли. Ось мое, може останне слово въ цьому зибранни, и я певенъ, що зибрання одгукнется на його!..

Выбухъ оплескивъ и крыкивъ стрясъ будынокъ зибрання и довго не змовкавъ. Председатель дзвонывъ и рухамы рукъ и головы прохавъ публику заспокіитысь, але це удалось йому не скоро. Лынськый не сивъ на свое мисце, а стоявъ, а колы можна було початы говорыть, винъ зновъ заговорывъ.

— Отчызна наша теперъ роздырается на часткы, розгорается громадська усобна війна, организуются темнымы сылами такъ звани „чорни сотни“, и ци „діячи“ чынять надсыльство надъ людьмы, терроризують незгодни зъ ихъ переконаннямы части громады. Треба шукаты способивъ супроты цихъ чорныхъ сотень, що зъявляются стыдовыщемъ на весь свитъ!..

Зновъ зъ нестриманою сылою зирвалысь оплескы и крыкы „браво“ и загремивъ помистъ видъ нигъ и стильцивъ. Говорецька, ій подругы, Трублаевычъ и вси округы ихъ плескалы въ долони. Дубраевська скочыла на свій стилець и, червоніючы проты свиту, мовъ кульбаба, демонстратывно ляскала въ долони и щось выгукувала. Уся зала витала оратора. Але колы Трублаевычъ поглянувъ по публыци, то въ однимъ мисци помитывъ щось таке, шо диссонирувало зъ настріемъ зибрання. Якыйся чорный кудлатый чоловикъ, зъ озлобленымъ блидымъ облыччямъ, метався зъ боку въ бикъ зъ якымся крыкомъ. Його здержувалы. Колы оплескы трохы стыхлы, Трублаевычъ почувъ, що той чоловикъ протестувавъ проты промовы оратора й выкрыкувавъ, що терроризуе публыку не чорна, а „червона сотня“ — зъ жыдивъ та студентивъ.

— Дывиться, що то за проява? — спытався Трублаевычъ у своихъ сусидъ.

Ти подывылысь у бикъ протестанта.

— А, це Бабаковъ, юдофобъ, що недавно побывъ студента и за це видбувъ высыдку.

Бабаковъ скоро зныкъ зъ залы, не стрившы соби пиддержкы.

Публика, паелектрызована промовою Лынського, довго не могла заспокоитысь, и председатель зибрання зновъ довго дзвонывъ и прохавъ утыхнуты, щобъ не мишаты роботи зибрання. Скоро все стыхло. Хотилось побачыты, якъ виднесется до промовы зибрання. Але прыйшлось розчаруватысь: ще тильки одынъ ораторъ сказавъ кылька енергичныхъ и красныхъ слывъ и бувъ нагороженый оплескамы публыкы, а дали все увійшло въ свій звычайный порядокъ: гласни сыдилы й мовчалы, пьючы чай та нарзанъ, лепетавъ свои недоладни слова Шпаченко, а председатель усе затыравъ и замитавъ, якъ старанный лакей въ панській елегантній господи писля незвычайныхъ, нечемныхъ гостей. Усе

звелось до того, що порішылы выбрать видъ зибрання повномочного на той случай, що може поклычуть „туды“.

Зибрання почало засыпать. Де-яки земськи начальныкы, що було стурбовалысь, почувшы вильнолюбыви промовы, зновъ почалы дримать на своихъ мисцяхъ, черезъ сылу тоди-не-тоди пидводячы обважнили повикы и поглядаючы обикъ себе червонымы очыма. Дехто зъ ихъ уже збирався тикать до дому, боячысь репрессій видъ свого начальства за те, що бралы участь у такому незвычайному, червоному зибранни. И тутъ саме зъ хоръ почувся голосъ:

— Прошу слова!

— Просымо слова!..

— А я прохаю публику не порушаты порядку зибрання, а не то я буду повыненъ... — сказавъ у одповидь, пидводячысь зъ крисла, председатель зибрання — закрыть засиданя.

Але його не слухалы, и все въ зибранни заворушылось.

Зъ хоръ крычалы: „слухайте! слухайте!.. по мисцяхъ!..“ Председатель, гукнувшы: „я закрываю засиданя!“, ставъ выходыты зъ залы. Гласни повставалы зъ своихъ мисць. Шпаченко, повернувшысь до хоръ, крычавъ туды: „мовчить, мы не хочемо васъ слухать!“ — а тамъ якыйся невидомый ораторъ, окупченый молодью такъ, що його нивидкиля неможна було бачыть, боячысь, щобъ не увійшла полиція и не схопыла його, скоро-скоро тоненькымъ голосомъ чытавъ якусь промову. Зъ неи можна було ухопыты тильки окреми слова. Ця промова закинчылась звычайнымы крыкамы манифестантивъ, тупотиннямъ ногамы объ помистъ и сованнямъ стильцивъ по помосту.

То манифестувала молодижъ.

Билышисть публикы була рада цій манифестаціи, люде билынъ-меншъ солиднійши видносылысь до неи иронично: по ихъ думци, выйшовъ якыйсь жартъ, дитська выходка. Одни зъ публикы весело смиялысь и переклыкалысь зъ знайомымы, други сперечалысь и палко, розмахуючы рукамы, щось доказувалы одни другымъ. Трублаевычъ помитывъ, що це саме робывъ и Билогрудъ, жонатый на сестри Говорецькои, и у нього ворухнулось въ грудяхъ вороже проты його чуття. „Ну, цей буде доказуваты, що ця дытяча выходка е громадськый вчынокъ, и ти, що счынылы отой гармидеръ, герои“, — подумавъ винъ, наперед знаючы, що у Говорецькыхъ доведется говорыть про це и сперечатысь зъ Билогрудомъ и другымы, що малы звязокъ зъ тією купкою молодижи. Це зипсувало йому настрій, тымъ бильше, що винъ не

знавъ, якъ на цю подію подывыться Люба, його заручена. Въ останній часъ винъ почувавъ у ій якусь одмину, йому незрозумилу. Винъ повернувся до неи.

Люба, уся червона видъ роздратування, зъ насупленымы бровамы, немовъ метала искры зъ своихъ очей, сперечаючысь зъ старою Дубраевською, а та роблено-безпечно осмихалась, выставляючы свои шыроки зубы, и кутыкы ій рота дрижалы видъ злости.

— Демонстрація!.. — говорыла вона. — Я-бъ, бувшы на мисци председателя зибрання, прыказала видчыныть уси кватырки, щобъ писля ціеи демонстраціи хочъ трохы зъ залы выйшовъ сморидъ цыбули та часныку, що напустывъ жыдивськый кагалъ.

— Тамъ булы не одни евреи, тамъ руськыхъ було бильше.

— А вы почому знаете? Вы-жъ тамъ не булы, вы-жъ тутъ сыдилы? — яхыдно запытала Дубраевська, и Трублаевычови здалось, шо якась задня потаенна думка майнула у неи въ голови.

— Для того, щобъ це знать, не треба буть на хорахъ: це и звидциль выдно — сказавъ винъ спокійно, и, бажаючы покинчыты прыкру розмову и звесты ій на другый шляхъ, винъ, щобъ сказаты що-небудь, спытався: — А Соломія Францовна тутъ? Що це ій не выдно?

— А хиба вы ій не бачылы? Онъ вона биля викна.

— Ахъ, и справди я ій не бачывъ.

— Сома!.. Сома!.. — гукнула черезъ залу, пидвившысь зъ стильця, Дубраевська. — Ходы сюды.

— Иване Мыхайловычу, — звырнулась до Трублаевыча, встаючы зъ мисця, Говорецька, — вы ще тутъ зистанетесь, чы будете выходыть?

Вона не хотила стритысь зъ молодою Дубраевською, бо трохы ревнувала до неи Трублаевыча. Це винъ зрозумивъ зразу и, не вагаючысь, промовывъ:

— Ни, я думаю, що бильшъ ничого цикавого не буде. Можна йты до дому.

Воны рушылы до выходныхъ дверей, досыть холодно пры зустричи прывитавшысь зъ молодою Дубраевською.

— Уже весь порохъ вытратылы наши либералы и йдуть на покій, — кынула имъ вслидъ стара Дубраевська, образывшысь, що воны не попрощалысь зъ нею. — Щаслывои дорогы!..

— Чого жъ це воны выходять?.. Ще може що цикаве буде,— сказала, сидаючы на стилець, Соломія и оправляючы рукою волосся.

— Сказалы, що ничого не буде, завважыла маты. — Це воны видъ тебе втеклы, бо онъ, бачъ теперъ стоять зъ Зембулатомъ.

Соломія глянула до дверей. Тамъ справди стоялы Говорецька, Трублаевычъ и Зембулатъ, що служывъ въ губернській земській управи зъ не такъ давнього часу. Про його говорылы, якъ про чоловика радикального и смилывого, видъ якого можна багато де-чого сподиватысь. Винъ бувъ розумный и вродлывый зъ себе, мавъ добрый зристъ и гарный голосъ, але найголовна сыла його, здавалось, була въ очахъ — чорныхъ и такыхъ зминлывыхъ, що буцимъ въ йому сыдивъ и дывывся тымы очима не одынъ чоловикъ, а цилый ихъ десятокъ. Винъ полонывъ серця богатьохъ панночокъ и зъ тыхъ, що служылы въ земській управи, и зъ городянокъ, и де-хто зъ ихъ спивавъ видому писню про Казбулата, вставляючы його прызвыще:

Зембулатъ удалой,
Бѣдна сакля твоя...

Винъ справди походывъ родомъ зъ кавказськыхъ горцивъ.

Въ останній часъ винъ помитно звертавъ свою увагу на Говорецьку, и це всихъ цикавыло, бо сподивалысь, що тутъ може щось выйты таке, що буде похоже на романъ, а може й на драму: Трублаевычъ—зарученый зъ Говорецькою, а та почынае щось зъ Зембулатомъ... И нихто не знавъ, чы помичае це Трублаевычъ, чы ни, и нихто йому про це не насмилювався говорыть, бо винъ бувъ самотный и гордый чоловикъ, ни зъ кымъ не водывъ кумпаніи и у його не було прыятеливъ. Його, хочъ винъ николы й никому не зробывъ злого, не любылы и потай усимъ хотилось, щобъ Говорецька зрадыла його и щобъ йому було важко й боляче. Тильки Руда Солоха—молода Дубраевська—не хотила йому зла, бо була справди закохана въ його, хочъ и вона бажала, щобъ Говорецька видкынулась видъ його. И теперъ, колы вона дывылась на Говорецьку, Трублаевыча й Зембулата, ій здавалось, що Говорецька вже блызька до закоханя въ Зембулата. Вона стежыла за кожнымъ ихъ рухомъ, помичала кожну дрибныцю и була дуже незадоволена, колы маты завважыла ій, що не слидъ такъ дывытысь у одне мисце.

— Никому нема до мене дила,—огрызнулась вона, зновъ повертаючы очи до дверей, але Говорецькои и Трублаевыча уже не було тамъ.

Воны выйшлы. Уже пидходывъ вечиръ. Стало видомо, що засидання зибрання одкладается до другого дня.

II.

У вечери, пры свитли, у Говорецькыхъ зибралась невелычка кумпанія знайомыхъ. Самъ господарь, вице-директоръ банку взаемного кредиту, уже тры дни якъ выйихавъ зъ дому по банковыхъ справахъ. Гостей прыймала господыня, Вира Степановна, досыть товста жинка, зъ мищанського роду. Властыво, гости прыйшлы до дочкы, Любови Мыколаевны, але маты почытала, що ій, якъ господыни дому, лычыть сыдиты за столомъ и розлываты чай.

Кумпанія була невелыка: старша дочка Говорецькыхъ Ганна зъ чоловикомъ, Билогрудомъ, Трублаевычъ, Зембулатъ, акушерка Загорянська, студентъ Габрыловычъ и молодый, але дуже кремьязный хлопець зъ селянъ, Балабуха, що готувався въ городи до испыту на сильського вчытеля.

Розмова була про земське зибрання. Говорылы про промову Лынського, и Зембулатъ розбывавъ поклыкання Лынського на исторію въ періоди до Ивана Гризного. По його думци, Лынськый не знавъ исторіи и зъ наукового погляду його промова мало чого варта, але зъ громадянського боку значиння іи досыть велыке.

Билогрудъ авторитетно потакувавъ йому, поглажуючы свою довгу чорну бороду и злегка потягаючы іи внызъ, видъ чого товста його ныжня губа трохы одвысала внызъ. И ця авторитетнисть тону, и та губа, що неначе ажъ плямкала, одвысаючы, и запобигання передъ Зембулатомъ, що здавалось Трублаевычови якимся занадто гыдкымъ, бо було зосноване на розсчоти дистаты черезъ Зембулата кращу посаду въ земстви, де воны обыдва служылы, дратувало Трублаевыча. Зъ де-якого часу йому важко було терпиты биля себе сього чоловика, а стричатысь прыходылось часто, бо Билогруды малы дуже малый достатокъ и постоянно бувалы у старыхъ Говорецькыхъ, куды закохання тягло й Трублаевыча. До того винъ ще недавно дизнався про мынуле Билогруда.

Винъ бувъ родомъ зъ мищанъ, скинчывъ початкову школу, бувъ у москаляхъ и тамъ просвитывся. Звидтиль винъ вернувся чымся подибнымъ до хвершала и служывъ килька часу пры

земськiй больницi. Потимъ того, такъ якъ умивъ гарно писать, то попавъ у земську управу перепысчыкомъ паперивъ. Винъ багато объ соби думавъ и бувъ дуже радикального напрямку думокъ, а колы оженывся на старшiй Говорецькiй, перестарилiй и убогiй и тиломъ, и душею дивчыни, то це йому въ його очахъ надало ще бильшои вагы. Винъ державъ въ рукахъ свою жинку и жывосыломъ начынявъ ii всякою нелегальною литературою. У ихъ була дочка трьохъ литъ, але вона й доси не говорыла. Нихто добре не знавъ, чы вона нима родомъ, чы малорозвынена, а дехто казавъ, що вона у свiй часъ почынала говорыть и була дуже крыклива, та батько ii якось тяжко вдарывъ и покрыкнувъ на неи, и зъ того часу вона онимила. Взагали Трублаевычъ знавъ, що ця людына—одна бувае дома, и друга на людяхъ, и знавъ, що Билогрудъ такожъ ненавыдыть його, але здержуе свою ненавысть, бо баче въ йому будучого зятя Говорецькыхъ и свого родыча.

— Такъ, такъ,—потакувавъ винъ,—але я думаю, що було-бъ корыстнiйше, колыбъ Лынськый не затуманювавъ свою промову, а просто сказавъ, що́ треба робыть. Полiцiи не було, и можна було сказать смило. На жаль, смилывости-то у його й не выстачыло.

— А якъ вы думаете,—спытавъ його Трублаевычъ,—колыбъ вы булы на його мисци, то вы бъ высловылы уси свои думкы до краю, знаючы, що бильшисть зибрання покы-що твердо консерватывна,—земськи начальныкы, а друга частына слабосыла й розризнена, чы може вы тежъ сказалы-бъ тильки на половыну?

— А звычайно, сказавъ бы все, бо це бувъ бы мiй обовъязокъ, якъ гласного й громадянына. Яке-бъ мени було дило до земськыхъ начальныкивъ? Я говорывъ бы до либеральнои частыны зибрання й до публикы.

— И вы думаете, що це було-бъ тактовно й гарно, колыбъ ваше внесення зъ трискомъ провалылы?

— Чому такъ, що провалылы?

— А тому провалылы, що бильшисть зибрання цьому не спочувае, та й либеральна частына злякалась бы поставыты справу ребромъ, або, ще простiйше, предсидатель знявъ бы зъ чергы обговорювання вашого внесення, прямо кажучы, заткнувъ бы вамъ рота.

— Не заткнувъ бы!...—И Билогрудъ, труснувшы, головою погладывъ бороду.—А вы якъ бы зробылы?—запытавъ винъ и, не дожыдаючысь одповиди на свое запытання, самъ почавъ говорыть.

— Вы, певно, зовсимъ не зробылы бъ нiякого внесення, бо вамъ здаеться, що й те, що сказавъ Лынськый, дуже смиле й

небезпечне. Други такъ не думають. Молодижь такъ не думае!... —додавъ винъ, бажаючы, якъ здалось Трублаевычови, ушпыгнуть його видсталистью видъ молоди.

— Це вы натякаете, мабуть, на демонстрацію на хорахъ?... Ну, я таки демонстраціи вважаю за простисенькый нуль.

— Якъ, вильну одверту демонстрацію нашои кращои свидомои молоди?... Ну, це вже занадто! Цього я не сподивався видъ васъ!

Билогрудъ побидоносно повивъ очыма навколо себе и побачывъ, що йому вси спочувають. Балабуха сунувся було всимъ тиломъ, щобъ щось промовыты, але не насмилывся, та студентъ Габрыловычъ и Загорянська не далы йому часу вымовыты й слова.

— Це-жъ треба яки маты переконання, щобъ таке мовыты!...

— Я протестую! Я протестую!—гукала Загорянська.—Вы мусыте свое слово взяты назадъ!... Вы не маете права ображаты молодижь за іи чесни порывання!...

Трублаевычъ здвыгнувъ плечыма. Винъ почувавъ въ соби роздратування, але сылкуючысь буты, якъ можна, спокійнымъ, одмовывъ:

— У васъ, панове, бракъ логикы.

— Якъ такъ?...

— Це ще невидомо, у кого іи бракуе,—образливо кынула, одвертаючы лыце вбикъ, Загорянська.

— У васъ немае логикы. Це я зновъ скажу. Хиба можна змишуваты думкы людей, ихъ порывання зъ тымы вчынкамы, яки воны роблять, зъ тымъ, якъ воны ци думкы проводять въ жыття?

— Цього нихто не каже,—завважывъ Билогрудъ.

— Ни, вы отъ уси на цьому стоите. Вы кажете, що я зне важливо видношусь до порывань и переконань молодижи,—и це неправда. Я тильки кажу те, що сказавъ: таки акціи молодижи, якъ сьогоднишня, я вважаю за нуль, навить бильше того, за мынусъ.

Билогрудъ демонстратывно зитхнувъ.

— Ну посудить сами,—не звертаючы увагы на те зитхання, говорывъ Трублаевычъ,—пидняты крыкъ, зъ якого нихто не розибравъ ни одного слова, нихто не мигъ зрозумиты, чого воны хотять, окримъ окрыка: слухайте! Та ще на кинци воны ясно выгукнулы килька ходячыхъ фразъ...

— Оттутъ то вы, шановный Иване Мыхайловычу, й піймалысь: у тыхъ выгукахъ це-жъ цила программа,—згодьтесь зъ цымъ!—сказавъ Зембулатъ и осмихнувся.—Вы не правы...

— Може!...—перебывъ його Трублаевычъ.—А все-таки ораторъ мигъ, замистъ того, щобъ пробелькотаты сто сливъ, сказаты ихъ за той часъ десять, але такыхъ, щобъ у ихъ умищалась вся суть, вся программа...

— Васъ не спыталы!—чмыхнувъ Билогрудъ.

Це була ризка й груба выходка. Трублаевычъ тильки стыснувъ зубамы й замовкъ.

— Кузя!—зъ докоромъ, але й замылуваннямъ протягла жинка Бѣлогрудова.

— Я сказавъ те, що сказавъ. —

Розмова разомъ увирвалась, тильки Габрыловычъ палко шепотався зъ Балабухою, та стара Говорецька дзвенила посудомъ.

— Господа,—сказала ii дочка Люба:—такъ не можна. На що сварытысь? Коженъ вильный маты свои переконання й нехай ихъ мае!.. Давайте краще говорыть про щось инше.

Вона обвела усихъ прывитною усмишкою господыни дому, и поглядъ ii ни на кому не зупынывся. Винъ не зупыняючысь пройшовъ и по облычи Трублаевыча, и той помитывъ це: „Вона не любыть мене, вона не спочувае моимъ переконаннямъ, я чужый ій“—зробывъ винъ выводъ.

— Валеріанъ Васыльевычъ, якъ вы думаете, чы оце писля Мукдена довго ще тягтымется вiйна, чы скоро скинчытся? — обернулась Люба до Зембулата, щобъ завьязаты нову розмову.

„Вона не любыть мене, вона закохана у Зембулата“—зъ мукою сказавъ соби Трублаевычъ и хотивъ устаты зъ мисця и выйты геть зъ дому, але йому теперъ не хотилось подаваты рукы Билогрудови й другымъ, а питы не прощаючысь було незручно, и винъ зостався.

Почалась размова про справы на Дальнёму Сходи. Зембулатъ, крытыкуючы на основи газетныхъ розвидокъ и телеграммъ дiяльнисть головныхъ генераливъ арміи, доводывъ, що дали тягтысь вiйна не може й не повынна.

— Уявить вы соби, що може буты дали, колы наши нездары зъ вiйськомъ не видступлять за Харбынъ теперъ-же... Ихъ гнатымуть, якъ отару овець, и забиратымуть въ полонъ здеморализованыхъ салдативъ цилымы дивизіямы. Давно вже пора усимъ зрозумиты, що „всесыльна“ наша бюрократія зовсимъ безсыла. Безсыла навить у найдрибнiйшыхъ справахъ и не може вона статы на чоли народу проты такои державы, якъ Японія. Мы зовсимъ не можемо воювать, покы мы таки, якъ мы есть.

Новый порядокъ зробыть насъ новымы людьмы, сыльнымы, смилывымы, запопадливымы...

— Новый порядокъ разомъ зминыть нашу кровъ, перероды нашъ мозокъ!—кынувъ насмишкувато Трублаевычъ.

— Я не кажу цього, але певенъ и думаю, що проты того нихто не буде сперечатысь, що пры новыхъ порядкахъ буде бильше воли прогрессывнымъ сыламъ нашого народу, и це безперечно зробыть насъ, якъ народъ, сыльнишымы, кращымы.

— Проты цього не можна сперечатысь,—вставыла слово Люба, шо ввесь часъ бильше мовчала,—я навить думаю, що й уси верствы, яки теперъ не можна назваты прогрессывнымы, яки, якъ кажуть, ни те, ни се, такъ и ци верствы, колы побачать передъ собою вильный шляхъ, то прилучатся до прогрессывнои частыны.

— Такъ, а може й не такъ,—завважывъ Трублаевычъ.

Сегодни мовъ якый духъ протывенства сыдивъ у йому и не дававъ йому спокою.

— Запевно, що такъ! Щобъ не вирыты у це, треба дуже нызько цинуваты людей. Я надаю имъ выщу цину,—сказала Люба й замовкла.

„Вона не любыть мене,—зновъ подумавъ Трублаевычъ,—„вона закохана въ Зембулата, переняла його погляды!“ — и ревнисть ворухнулась въ його души.—„Колы такъ, колы я тоби не до вподобы, то й ты мени непотрибна,—панькайся зъ своимъ чеченцемъ, а я не хочу на васъ дывытысь!...“

Трублаевычъ пидвився зъ мисця, коротко попрощався зъ усима й выйшовъ видъ Говорецькыхъ. Винъ тямывъ, що робыть негараздъ, що такъ не слидъ робыть, що це образа Говорецькымъ и иншымъ, але якыйся внутришній голосъ роздратовано шепотивъ у ньому: „Ничого... нехай! Плювать мени на ихъ усихъ! Нехай соби либеральныкають. Я имъ на перешкоди. Уявляю соби, якъ воны теперъ тамъ радуются, що я кынувъ позицію! Мовъ гусы, що прогналы ворога... або колы той просто, не помичаючы ихъ, одійшовъ геть.“

Винъ теперъ ненавыдивъ ихъ усихъ и ихъ переконання и вже заразъ смутно почувавъ, що винъ неправый, що винъ въ души подиляе ти сами думкы, гріе въ серци ти сами надіи, тильки якесь невгамовне, жагуче чуття прымушуе його сперечатысь зъ нымы, добачаты въ ихъ словахъ и вчынкахъ хвальшъ.

Те чуття—ревнисть.

Винъ розумивъ, що воны молодшы його литамы й душею, що воны багато де-чого не пережылы зъ того, що пережывъ и

перетерпивъ винъ. У ихъ въ душахъ немае того гиркого осадку, того намулу, якый винъ почуває у себе, а колы й есть, то у ихъ його менше. И воны вирять въ жыття. Воны бачать передъ собою сотворену не имы, а старійшымы поколиннямы, мету й думають, що въ два—тры ступня воны дійдуть до неи. Воны не бачать передъ собою провалливъ и ямъ и не хотять ихъ бачыты; а винъ не може ихъ не бачыты. Воны думають, що воны створылы оту мету, що люде на десять рокивъ старійши видъ ихъ— то якись архывни шпаргалы, що ти люде не болилы тымы-жъ думамы, що ихъ серця не сушыла тажъ журба, що ихъ серце не былось тымъ же гнивомъ...

Найбильше його дратувавъ Билогрудъ, що бувъ старійшый видъ його литамы, але ничого того не пережывъ у свій часъ и теперъ зъ паломъ неофита накынувся на всяки такъ звани передови думкы. Винъ бувъ теперъ фанатикомъ либерализма, навить радикализма, прынаймни уявлявъ зъ себе таку людыну, хочъ Трублаевычъ не вирывъ у його щыристь. Винъ знавъ и памятавъ, и николы не мигъ забуты, якъ цей самый Билогрудъ, уже бувши хвершаломъ, бравъ участь у всенародньому перепысу и диставшы въ нагороду за свою працю мидяный жетонъ, прыпынавъ його соби на груды, немовъ орденъ, колы на святкы робывъ вызиты знайомымъ. Цього Трублаевыча не мигъ забуты, и йому здавалось, що тутъ выявылась уся вдача Билогруда, и що цього радикала можна купыты за коженъ блыскучый цвяшокъ,— теперъ цвяшокъ либеральный, учора бюрократычный, а завтра ще якый небудь. И ця людына ославлюе його!...

Зембулата винъ ненавыдивъ, бо почувавъ, що цей чоловикъ стае йому на дорози. Знаючы, що винъ зарученый зъ Говорецькою, Зембулатъ почынае лыцятысь до неи. Це нечесно.

Зембулатъ энергычна й смилыва людына, людына розумна й освичена, але винъ жонолюбъ. И винъ ненавысный Трублаевычови. И теперъ, колы винъ шовъ по темрявыхъ улыцяхъ, йому здавалось, що зъ Зембулатомъ имъ скоро доведется зустритысь, якъ ворогамъ.

Други ти...—винъ знае имъ цину! То зелена молодь, фанатыкы радикализму. Воны кажуть, що жывуть тильки розумомъ, що зреклысь усякыхъ вирувань, але не помичають того, що слипо вирять въ почути зъ десятыхъ рукъ соціальни догмы, вирять въ кожну утопію, абы та утопія обищала тамъ десь, у тьми викивъ, счастя людьскому родови. Воны видносятся до всього, що навколо ихъ, крытычно, але тутъ у ихъ крытыка не може маты ми-

сця, и колы хто почне крытыкуваты ихъ виру, воны ненавыдять того, бачать у йому свого ворога.

Воны обурюются проты гнету, проты автократызму, а що було-бъ, колы-бъ ци людци завтра почулы власть у своихъ рукахъ? Фанатыкъ не може буты вильнымъ чоловикомъ и не може шануваты воли,—винъ надине на неи колы не ти сами кайданы, яки надивавъ на неи тиранъ, то други, подибни.

Трублаевычъ переходывъ скверъ и сивъ на лаву одпочыты. Стоявъ морозъ, було тыхо, и вгори, мижъ витамы деревъ, мерехтилы зори. У сквери було пусто, и тильки на одній аллеи блукалы взадъ и впередъ якись темни поодыноки жиночи постати. Воны прыпынялысь, колы чулы за собою чыюсь ходу, або колы назустричъ имъ шлы мужчыны. Булы тамъ и мужчыны.

Блымалы блиди лыхтари. За огорожею сквера торохкотилы колеса, бо снигу не було. Десь далеко въ улыци свыснувъ нычный сторожъ.

Трублаевычъ знявъ шапку, щобъ охолодыты голову и провивъ рукою по чоли. Винъ на хвылыну заплющывъ очи, мовъ збираючысь зъ думкамы, и почувъ якыйся, зпершу неясный, шумъ десь биля скверу, биля входу. Винъ подумавъ, було, що це бьются пьяни майстерови, але скоро розбиравъ, що крычать и клычуть рятуваты интелигентни люде. „Мабудь чорна сотня катуе свои жертвы!“—подумавъ винъ и побигъ на гвалтъ.

При входи въ скверъ у свитли лыхтаря метушылась, розмахуючы рукамы, чымала купка людей. Выдно було, що когось былы.

— Караулъ, караулъ!... Городовой!...—крычавъ молодый переляканый голосъ.

— Ой-ой!...—лементувавъ хтось другый. Чувся й жиночый плачъ.

Трублаевычъ подбигъ и побачывъ, що бьють двохъ чы трьохъ студентивъ, бьють ихъ якись людци дуже люто, але мовчкы. Осторонь винъ помитывъ чыюсь постать, дуже подибну на Бабакова.

Що вы, поганци, робыте!..—гукнувъ Трублаевычъ и, не вагаючысь, кынувся въ гущу ватагы.—Полиція, сюды!..—крычавъ винъ, штовхаючы въ спыны й бокы забіякъ и протовплюючысь до тыхъ, кого воны былы.

Винъ самъ ударывъ когось и його заразъ же хтось дуже ударывъ въ облыччя, такъ, що въ його засвитылось въ очахъ и потемнило. Але, почувшы, що въ дило втручается ще хтось невидомый и що нични сторожи засвыстилы поблызу, колотныкы кынулысь врости чъ.

Колы збиглось два городовыхъ и зибралась купа людей, то зъ тыхъ, що счынылы бучу не було никого, стоялы тильки побыти якись два незнайоми Трублаевычови студенты й панночка. Воны булы такъ налякани несподиваною росправою, що ничого не моглы говорыть и тильки безпомично шукалы своихъ картузивъ. Панночка зъ плачемъ говорыла щось скоро-скоро, и ничого неможна було зрозумиты зъ ii сливъ.

Колы вси трохы заспокоилысь, и полиція почала розгоняты „зборыще“, а студенты, боячысь попастысь вдруге въ рукы озвирилыхъ людей, клыкнулы звощыка, Трублаевычъ пишовъ до дому. Далеко десь въ улыци було чуты, що скачуть вершныкы. То булы козакы. „Ось вона громадянська вiйна, выклыкана фанатызмомъ людей“,—думавъ винъ.—„Зъ одного боку фанатыкы либералы й радикалы, може той самый Билогрудъ, а зъ другого фанатыкы „чорнои сотни“ зъ вожакомъ Бабаковымъ.“

И заразъ же у його зрынула друга думка, згадалысь слова апостола про те, що неможна не буть ни холоднымъ, ни гарячымъ. Недавно винъ выпадкомъ прочытавъ ихъ: „знаю твои дила; ты не холодный и не гарячый; о, колыбъ ты есы бувъ холодный або гарячый! А за те, шо ты тилько теплый, а не гарячый и не холодный, то выплюну тебе зъ устъ моихъ“. Такъ сказано въ апокалипсиси Богомъ черезъ апостола одному епыскопови.

И Трублаевычъ почувавъ, що винъ саме й есть такый ни теплый, ни холодный, що винъ не може цилкомъ виддатысь якомусь дилови, що сумлиння точыть його думкы, пидйидае ихъ пидъ коринь, якъ гробакъ рослыну, и зъ того винъ безсылый.

Ще колы скризь було тыхо, въ годыну реакціи, винъ жывъ мовчкы и не почувавъ себе такымъ. А теперъ, колы навколо закыпило нове жыття, винъ чувъ, що зистается якось немовъ на берези, якъ выкынута водою триска. Течія иде мымо неи.

Почуваты себе такъ—було важко, але й зректысь самого себе й питы за течiею винъ не мигъ.

Зъ цымы думкамы винъ прыйшовъ до дому, одимкнувъ двери и увiйшовъ до себе въ кватырю, сумный и самотный, якъ завжде. И йому навить не хотилось запалюваты свитла: упасты бъ такъ на лижко й лежати въ питьмы довго—довго... безъ сливъ, безъ думокъ, безъ руху.

III.

Лежаты безъ руху можна, але безъ думокъ — ни.

Трублаевычъ лигъ на лижко, закынувъ рукы пидъ голову и, дывлючысь въ стелю, замыслывся. Сьогоднишній день выдався йому надзвычайнымъ. Винъ выдилывся зъ ряду другыхъ сирыхъ одынаковыхъ днивъ сылою тыхъ вражинь, яки довелось пережыты Трублаевычови. Выходячы передъ обидомъ зъ банку, винъ зовсимъ не сподивався, що буде такъ себе почуваты оттеперъ у-вечери. И винъ йшовъ у земське зибрання, якъ у театръ на знайому вже пьесу, досыть нудну. Мукденськый розгромъ пророкувавъ, що зибрання може буты не зовсимъ такымъ, якымъ воно бувало десяткы рокивъ, але Трублаевычъ не вирывъ въ сылу земства, не сподивався, що воно, звьязане бюрократычнымъ повывачемъ, якъ дытына, здатне на якись ришучи вчынкы.

Воно такъ и сталось.

Але колы взяты все, що винъ бачывъ и чувъ за день и що самъ пережывъ, то винъ почувавъ, що оце саме теперъ винъ пидійшовъ до якогось небезпечного мисця, и що зъ нымъ щось мусыть трапытысь. Винъ почувавъ себе збытымъ зъ мисця, зрушенымъ. Винъ чувъ, що губыть пидъ собою грунтъ, винъ — не холодный и не гарячый...

Якъ отака не холодна й не гаряча людына, винъ не мае соби спильныкивъ по своихъ политычныхъ переконанняхъ и мусыть буты одынокымъ середъ своихъ знайомыхъ, тикаты видъ ихъ; якъ не холодный и не гарячый, — винъ оце заразъ покынувъ свое мисце биля зарученыци и винъ утерявъ ии. Вона вже не любыть його. Це винъ бачывъ по ии очахъ, це винъ спостеригъ по останньому стысканню рукы, колы такымъ незвычайнымъ робомъ покынувъ ии хату, покынувъ ии саму — своему супротывныкови.

Винъ раптомъ пидвився й сивъ на лижкови.

Иты заразъ туды назадъ... Сказаты, що у його було въ банку спишне дило и того винъ пишовъ...

Але це значыть обманюваты людей, выправдуватысь передъ людьмы, якыхъ винъ не поважае. Це не лычыть порядній людыни. Нехай думають, що хотятъ; нехай и вона робыть, що хоче. Прохаты ии кохання, вымолюваты ии спочуття винъ не буде. Для цього винъ занадто гордый. Жывъ до трыдцяты трохъ литъ одынокымъ, жытыме й дали... Зовсимъ не вартъ звьязуваты себе шлю-

бомъ. Зовсимъ не слидъ обмежуваты свою волю, свои бажання чымысь зовсимъ може невидповиднымы бажаннямы. Коженъ самъ по соби.

Трублаевычъ зновъ упавъ на спыну и, заплющывшы очи, потеръ соби рукою чоло. Тамъ, пидъ тымъ костянымъ черепкомъ, товпылысь думкы, и винъ не мигъ имъ даты ладу. Въ таки хвылыны винъ звычайно бравъ яку-небудь книжку й чытавъ ii. Чытавъ довго, покы не стомлювалысь очи й голова не робылась обважнилою й нечутлывою до того, що винъ чытавъ, и до того, про що ранишъ думавъ и що дратувало його.

И теперъ винъ прысунувъ блыжче свитло й почавъ чытаты. Винъ чытавъ свій улюбленый отдилъ въ журнали — библіографію — и робывъ зусылля, щобъ зрозумиты, про що говорыть рецензентъ, и не мигъ прысылуваты себе до того, бо въ голови його снувалысь други думкы. Винъ чытавъ рецензію на вирши видомого декадента, пробигавъ очыма урывкы виршивъ, наведени въ рецензіи, и не мигъ спыныты на ихъ своеи увагы, и тильки чувъ, якъ неодступно хтось такый говорывъ йому тежъ виршамы:

У трыдцать литъ ты вже банкротъ...
Ты — не холодный, не гарячый...

Трублаевычъ чытавъ довго. Передывывся ввесь отдилъ, перегорнувъ другый и покынувъ книжку. Заснуть бы, але спать ще рано. Винъ уставъ зъ лижка й почавъ ходыть взадъ и впередъ зъ кутка въ кутокъ по своій кимнати.

У передній несмилыво дзенькнувъ дзвоныкъ и замовкъ. Черезъ мыть винъ задзеленчавъ дужче. Хтось прыйшовъ. Трублаевычъ пишовъ одчынять двери.

На порози стояла якась запорошена снигомъ панна. Ишовъ чымалый снигъ, и було темно, и Трублаевычъ зразу не пизнавъ, хто стоить передъ нымъ.

— Можна до васъ на хвылынку зайты? — запытала панна.

Теперъ Трублаевычъ пизнавъ, шо це молода Дубраевська.

— Можна, ввиходьте! — сказавъ винъ, протягаючы ій руку и даючы дорогу.

— Выбачайте, я тильки на едыну хвылынку!.. Тильки сказаты вамъ одне сливце! — червоніючы й жмурячысь проты свиту мовъ выправдувалась Дубраевська.

— Ничого, ничого... Я дуже радый! Може роздягнетесь, бо у мене душно.

— Ни, я такъ.

Вона сила на крисло, дистала зъ муфты хусточку й вытерла соби облыччя.

— Снигъ иде. Чысто всю облипывъ. Ще на Мыхайловськiй вулыци напавъ.

Трублаевычъ почувъ солодкый запахъ талого снигу, и нервы його разомъ пидтяглысь.

— Це гарно, що снигъ иде. Я люблю...

— Я до васъ, Иване Мыхайловычу,—перебыла його Дубраевська, — забигла, щобъ застерегты васъ, що цю ничъ мае буты трусъ. Мени переказано, що въ списку тыхъ, кого мають обшукуваты, стоить и ваше прызвыще.

Трублаевычъ пидвивъ угору бровы.

— Невже?

— Справди!

— Що жъ, нехай идутъ. Спасыби, шо перестереглы.

Дубраевська встала, щобъ иты, и простягла Трублаевычови руку.

— Чому такъ поспишаетесь, посыдьте трохы! Я буду радый, — казавъ той, задержуючы ii теплу, вохку руку въ своiй. — Я васъ проведу.

Винъ почувавъ вдячнисть до цiеi дивчыны, що, не вагаючысь, увiйшла въ його холосту кватырю вночи, шобъ перестерегты його. Дубраевська хвылыну вагалась, мовъ ii не хотилось рушаты зъ мисця, але потимъ крипко стыснула його руку й пишла до дверей.

— Ни, не можна, николы, я сама! Треба ще де-куды забигты.

Вона выйшла зъ темныхъ синей въ темряву ночи, въ якiй вылысь мяхки й легеньки снижани метелыкы, й прудко пишла по тротуару до угла, туды, де жовтою плямою свитывъ лыхтарь. Трублаевычъ выйшовъ на тротуаръ и дывився ii у слидъ, ажъ покы вона не зныкла за угломъ. Снигъ запорошувавъ його и ростававъ видъ його тепла. Винъ пишовъ у хату.

„Такъ отъ якъ, будуть трусыть!.. Щожъ ихъ сыла, ихъ воля... нехай!"—думавъ винъ, ходячы зновъ по хати.

Винъ знавъ, що у його не було въ доми ничого нелегального. Колы що зъ такого доходыло до його рукъ, то винъ тымъ же шляхомъ и збуваръ його, якымъ воно прыходыло. Але булы

лысты, якыхъ винъ не дозволыть никому чытаты. То булы лысты видъ Любы. Перши прызнання... перши мріи про счастя... Ихъ не може нихто чытаты окримъ його, воны йому дороги, якъ частына його души. Ихъ треба кудысь сховать. Але на що воны йому теперъ, колы його кохання пишло мовъ весняна крыга за водою? Знищыты ихъ, шобъ не було й спогаду!

Винъ одимкнувъ ящыкъ въ столи и доставъ звидтиль пачку лыстивъ, перевьязану рожевою шовковою стричечкою.

„Боже, яка сантиментальнисть! Немовъ справди якась панна влаштувала лысты видъ безвусого корнета“—подумавъ винъ и, не розвьязуючы, розирвавъ стричку.

Пачка лыстивъ розсыпалась. Винъ позбиравъ ихъ, поклавъ на стилъ и почавъ перебирать.

Люба розгонysта рука... Урывчасти слова... и той немовымовный, чаривнычый подыхъ молодого, чыстого, назрадженого кохання, що робыть людей безумнымы, що робыть ихъ героямы, творыть зъ ихъ святыхъ.

„Серце мое, любый мій, коханый! Невже ты мигъ думать що колыбъ зъ тобою трапылось несчастя, про яке ты говорывъ, то я-бъ покынула тебе?.. Николы, до кинця вику цього не буде, Вирь мени,—де ты, тамъ и я. Де мій любый, незривняный, тамъ и я зъ нымъ. О, якый ты маловирный! О, якый ты негарный, мій любый, мій коханый! Зацилую тебе за це на смерть и воскресю поцилункамы. Хочешъ?..“

Трублаевычъ дочытавъ лыста до кинця й поклавъ його окремо. Узявъ другый. Пробигъ його очыма й замыслывся.

Десять литъ уже, якъ винъ знае Любу, уперше побачывъ ии. Тоди вона була въ гимназіи. Тонепька, старунка, зъ веселымы блыскучымы очыма й густымъ чорнымъ волоссямъ. Вона завжды червонила, колы зустричалась зъ нымъ, и винъ ій кланявся. Потимъ вона скинчыла гимназію и була на курсахъ въ Москви. Зъ ихъ вона вернулась зовсимъ другою людыною рикъ назадъ. Станъ ии розвывся й выривнявся и хода ии зъ прудкои й рвучкои стала плавкою й непохоплывою, а очы немовъ загубылы свій блыскъ. Але то такъ тильки здавалось. Вона тильки навчылась добре володиты собою: у тихъ очахъ жылы блыскавкы, и Трублаевычъ скоро ихъ побачывъ. Воны опалылы його душу. Але огонь спалахнувъ и въ ии души, и воны скоро прызналысь одне одному въ своему коханни.

Трублаевычови здалось наймылійшымъ и найдорожшымъ те, що колы винъ прызнався ій, що кохае іи, вона просто, смило й ришуче, одмовыла йому:

— И я тебе, кохаю!

И засміялась.

И ихъ кохання було палке й щыре. Въ маю мисяци воны збиралысь одружытысь. Але въ останній часъ щось нибы пробигло промижъ ихъ. Одмина вызначалась ледви помитнымы дрибныцямы, але вона була; Трублаевычъ чувъ іи, але не мигъ пидшукаты ій прычыны. „Огонь горыть и згарае,“—говорывъ винъ соби, —„такъ и наше кохання: нищо жыве, що не застыгло въ холодни формы, не може не одминятысь. Вона стала менше мене любыть.—Але за що? Де тому прычына?“

Винъ не почувавъ себе ни въ чому вынуватымъ проты неи. И винъ поришывъ спытаты іи про це. Свій зимиръ винъ здійснывъ зъ тыждень назадъ.

Воны сковзалысь на конькахъ на ричци. Льодъ бувъ чыстый и склызькый по всьому простори ричкы одъ берега до берега. Пидъ берегомъ стоялы обрубани ополонкамы пароходы й плескати, мовъ черепахы, баржи, за нымы на гори стоявъ городъ, весь злипленый зъ каменю, выбиленый вапномъ и залытый рожевымъ одблыскомъ холоднои вечировіи загравы. Зъ другого боку выднылысь острова у вечировой мли. По льоду снувалы туды й сюды люде: пишкы, на фургонахъ, на саняхъ и на конькахъ. Тяглы на санчатахъ очеретъ, сыдилы биля ополонокъ зъ вудкамы и веселымы зграямы, якъ мошкара на зори, кружлялысь на конькахъ на улюбленыхъ мисцяхъ ричкы.

— Пойидьмо туды, внызъ до островивъ—сказавъ Трублаевычъ Люби.

Вона, зъ червонымы щокамы, глянула блыскучымы очыма туды, де показавъ Трублаевычъ, у сызувату млу, й одмовыла:

— Пойидемо.

И воны, взявшысь за рукы, рушылы въ далечинь. Йихалы мовчкы и тилькы конькы дружно ризалы льодъ и мовъ вымовлялы:

— Тръ—тръ!..

— Тръ—тръ!..

Витеръ злегенька посвыстувавъ въ ушахъ и щипавъ за щокы, а воны летилы й летилы туды, до тыхъ тумануватыхъ берегивъ, де у мли манячылы вербы та будивли й дымари лисопылокъ.

Мовчалы.

— Люба!

— Що?

— Гарно?

— Гарно...

И знову замовчалы. И обохъ ихъ обгортавъ якыйсь чудный настрій, мовъ хотилось пиднятысь и полетиты, а въ серци мовъ що лоскотало. И здавалось, що имъ усе по сыли, що воны все можуть зробыты, и немае имъ препонъ.

Прынаймни такъ почувавъ себе Трублаевычъ.

— Люба!..

— Що?

— Ты любышъ мене?

— Люблю...

— Такъ, якъ и ранишъ?

— Такъ, якъ и ранишъ...

— И бильшъ никого не любышъ?

— И бильшъ не люблю никого...

Вона одмовляла його словамы, мовъ кризь сонъ. Трублаевычъ крипше стыснувъ ій руку и почувъ ледви помитне одповидне ій стыскання. Йихалы дали.

— Я, й колы умиратыму, то не забуду цього вечера,—сказавъ перегодя Трублаевычъ.

Люба ничого не одповила. Загувъ десь на берези вечировый гудокъ на якомусь заводи, и сыплуватый згукъ його розитнувся далеко-далеко на простори ричкы и одизвався десь за островамы.

— Чотыри годыны.

Вона мовчала.

— Люба!

— Що?—спытала вона, якъ и ранишъ, не повертаючы до його головы и не одрываючы очей видъ далыны.

— Глянь на мене.

Вона слухняно перевела очи на його й осмихнулась, и мовъ яке проминня упало на струны його души, и воны здригнулысь.

Трублаевычъ засміявся.

— Чого ты сміешся?

— Такъ. Того, що въ цю мыть счаслывый.

Вона одвела очи видъ його и воны мовъ потемнилы.

— Не пытай мене николы объ тимъ.

— Объ чимъ?—спытавъ винъ, и тинь прокынулась въ його погасаючій усмишци.

— Объ тимъ... объ коханни!

— Чому такъ?

— Не треба.

— Ты цього хочешъ?

— Хочу.

Воны замовклы. Остривъ уже бувъ блызько. Воны пидйихалы до його й силы пидъ вербамы на пни. Заграва погасала и зъ червоно-рожевои робылась сызо-червоною. Городъ бувъ далеко и стоявъ немовъ пидъ якоюсь хмарою. То топылы на ничъ грубы. Десь блызько несподивано триснувъ у берези льодъ, и Трублаевычъ и Люба здригнулысь, але не сказалы ни слова. Сывувата ворона, важко махаючы крыламы, перелетила зъ дальнього дерева на те, пидъ якымъ воны сыдилы, подывылась, переступаючы зъ лапы на лапу, на ихъ, крыкнула: кра! й почала чыстыты объ витку свій дзюбъ.

— Пойидемо назадъ.

Воны всталы й пойихалы. Мовчалы. И Трублаевычови здавалось, колы воны пидйихалы до города, шо якъ погасъ вечиръ, такъ погасло и въ його души щось дороге й любе.

Винъ теперь згадувавъ цей вечиръ, а пальци його перебиралы дороги йому лысткы, дороги й таки знайоми, бо коженъ зъ ихъ винъ перечытувавъ по десятку разивъ. Ось одынъ рожевенькый, винъ знае його змистъ одъ слова до слова. И Трублаевычъ розгорнувъ його й перечытавъ:

„Любый мій! Ты вчора мене дуже насмишывъ своимы спогадамы, и я оце згадую й заразъ сміюсь: „А-ну, господа демократы, идить сюды!..“ Охъ, оти наши педагогы! А ты знаешъ, яку штуку выкынувъ колысь нашъ святый та божый Трубайло? Я тобі не розсказувала? Ось слухай.

Колы я кинчала курсъ гимназіи, то на масныцю у насъ бувъ „вечиръ“ — литературно-музыкальный — и я чытала Лермонтовське Мцыри. Не хвалюсь, а кажуть, що чытала дуже гарно. Ну, писля апплодисментивъ и чытання на bis, выхожу въ коридоръ, а тутъ шкандыба Трубайло. Пидхопывъ мене пидъ руку, потягъ на кинець корыдору и таки мени комплименты сыпле, що я й ушамъ не вирю. Накинець каже: „знаете що, давайте кынемо отутъ все, й пойидемо на Кавказъ!“ Чого? — „Я буду у лезгынивъ княземъ, а вы княгынею!“ Глянула на його, а у його на кинци носа жовта капля высыть, а уши стремлять выше лысыны, мовъ у осла. Ще, здается, й у руци понюшку тютюну мижъ пальцямы затыснувъ. Я якъ зарегочусь, та видъ його. Оттакый князь!“

Трублаевычъ усмихнувся. Вси до неи прыстаютъ. И отъ теперъ Зембулатъ. И усмишка разомъ зныкла зъ його лыця. Винъ згадавъ перестереження Дубраевськои. Зибравъ лысты до купы. Спалыть ихъ!.. Але йому було жаль це зробыты. А що, якъ винъ помыляется и Люба любыть його, якъ и любыла. И кому яке дило до його прыватнои, интимнои перепыскы? Хто мае право лизты въ його душу? Винъ никого не пустыть въ свою хату.

И Трублаевычъ поклавъ зовсимъ не пускаты, колы прыйдуть, трусівъ до себе въ хату.

Було уже дуже пизно и винъ чувъ, що може заснуты. Винъ роздягся й лигъ спать, погасывшы лампу. Въ хати було тыхо, и тильки було чуть, якъ на двори иноди стучыть витамы стара акація объ зализну крышу.

Винъ уже ставъ забуватысь, колы почувъ, що стыха задзеленчавъ дзвонык и хтось застукотивъ у парадни двери.

Трублаевычъ схопывся. Трусіи!.. Але винъ ихъ не пустыть.

Винъ прыслухався. Було тыхо. Але хтось пидійшовъ до викна й постукавъ у виконныцю.

— Хто тамъ? — гукнувъ Трублаевычъ, пидходячы до викна.

— Одчынить! Вамъ телеграма! — гукнувъ хтось зъ надвору.

Видъ кого це може буты? И Трублаевычъ подумавъ, що це видъ сестры про матирь, що въ останній часъ нездужала. Телеграма могла буты и видъ брата зъ Манджуріи, якый бувъ пидъ Мукденомъ на передовыхъ позиціяхъ и покы що було невидомо, чы жывый винъ.

— Заразъ! — гукнувъ Трублаевычъ и, накынувшы на себе ковдру, пишовъ одмыкаты двери.

Винъ повернувъ ключъ у замку и трохы одчынивъ двери, але въ цю хвылыну щось навалылось на двери, брязнуло чымся зализнымъ, и въ сины ввалылось килька чоловикъ.

Вси воны булы въ шынеляхъ и зазброени...

IV.

Другого дня Трублаевычъ прыйшовъ у банкъ не рано. Нични незвани гости не далы йому выспатысь, та винъ и не мигъ заснуты писля того, якъ выпроводывъ ихъ.

— Выбачте, що дарма потурбувалы васъ, — сказавъ на прощання офицеръ, але лыстивъ Любыныхъ не вернувъ йому, якъ винъ не прохавъ.

Розбытый и тиломъ и душею, увиходывъ Трублаевычъ въ банкъ, непохаплыво сходывъ по схидцяхъ, давъ швейцарови шапку й пальто, и колы прычесавъ передъ дзеркаломъ волосся и вступывъ у темнуватый, зеленый коридоръ зъ высокою стелею, оздобленою гороризьбою, и побачывъ у йому банкивськыхъ кліентивъ, то у його разомъ промайнула думка повернуты назадъ и пійты геть зъ банку,—пійты свитъ за очи.

Але винъ не повернувъ назадъ, а пишовъ дали и зъ коридору увійшовъ у круглу, освитлену згоры, зелену залу, де сыдилы й ходылы кліенты, и пишовъ за перегородку, що була зроблена зъ матового непрозирного скла и пидковою попидъ викнамы обгортала залу. У ій булы пороблени кватыркы, и надъ нымы чорнилы надпысы, въ якій зъ ихъ и що можна зробыть. За перегородкою сыдилы служащи.

— А, Иванъ Мыхайловычъ!.. Вы ще жыви й на воли, а мы вже думалы, що вы й не прыйдете сьогодня! — гукнувъ йому назустричъ сывый прысадкуватый чоловикъ, зъ велыкою нызько выстрыженою головою, голеною бородою и довгымы вусамы.

То бувъ бухгалтеръ банку Донда, або якъ його звалы въ банку—„наша Бульба“, бо фигура його дуже нагадувала малюнкы гоголивського Тараса Бульбы. Але це бувъ зовсимъ не вояка и вславывся винъ тымъ, що вже на шестыдесятимъ роци, спершу перочыннымъ ножыкомъ, а потимъ видповиднымъ струментомъ, почавъ робыты скрыпкы и теперъ робывъ дуже гарни скрыпкы, на якыхъ мытци не разъ давалы концерты.

— А мы думалы, що васъ не буде... ха-ха-ха!..—сміявся Донда, дывлячысь черезъ окуляры на Трублаевыча, и очи його наповнылысь сльозамы й почервонилы, мовъ винъ збирався заплакать, а вусы тилипалысь, мовъ пасма прядива, по його грудяхъ.

— А ось бачыте, прыйшовъ.

— А знаете, цю ничъ половыну города перетрусылы! У Говорецькыхъ бувъ трусъ.

— Невже?—спытавъ, стрепенувшысь, Трублаевычъ.

— Найшлы тамъ якись книжечкы и Любовъ Мыколаевну забралы. Ха-ха-ха!..

Донда зновъ зареготався. Але Трублаевычъ на його за це не образывся, бо знавъ, що цей чоловикъ сміется, навить колы плаче.

— Взялы! Ха-ха-ха!.. А Мыколы Петровыча немае дома.

— Негарно зробылы.. Роботы заразъ багато?..

— Та есть трохы. Карпо Степановычъ, що тамъ у васъ есть?—гукнувъ Донда.

— Ну, добре, я самъ усе пороблю. Идить.

Донда безъ натякивъ догадався, що Трублаевычъ пиде до Говорецькыхъ, и той мовчкы стыснувъ йому пухку руку и пишовъ зъ банку.

Кватыря Говорецькыхъ була недалеко, и скоро винъ подзвонывъ у дзвонокъ. Одчынылы не зразу. На запытання, чы дома стара пани, служныця сказала, що дома, але нездужае. Винъ пишовъ у залу.

Тамъ бувъ скризь непорядокъ. Валялысь на викнахъ и на помости книжкы й ноты, у двохъ мисцяхъ булы обидрани обои, у крислахъ пидпорота оббывка...

Трублаевычъ стыснувъ зубы. Хотивъ систы, бо почувавъ себе розбытымъ, але було гыдко сидаты и винъ ставъ до викна. Йому здавалось, неначе въ цій кватыри трапылось велыке несчастя,—хтось умеръ наглою смертю.

Згодомъ выйшла, обтыраючы очи хустыною, Говорецька. Трублаевычъ мовчкы поцилувавъ ій вохку видъ слизъ руку и вона важко сила на обидране крисло.

— Пропала Люба!.. Забралы.

Трублаевычъ почавъ ій уговорюваты, що якъ забралы, то ще не велыка бида,—выпустять. Теперъ багато забирають, бо такый часъ небезпечный. Отъ и його трусылы, и другыхъ, и де-кого забралы.

Але Говорецька не хотила й слухать тыхъ умовлянь. Вона говорыла про дочку такъ, мовъ уже неможна було ій й вернуть.

— Боже, а соромъ якый!.. У тюрми, зъ ворамы, злодіямы!.. А що скаже батько, якъ прыйиде й дизнается про все?.. Що скаже весь городъ? Та у насъ же и въ роду того не було, шобъ по тюрмахъ сыдиты!.. А то—дивчына и мижъ розбійныкывъ!..

Вона залылась ревнымы сльозамы, и тило ій здрыгалось видъ рыдання.

— И за що? Знайшлы тамъ якусь книжку, та не схотила имъ отдать своихъ лыстивъ!..

— Якыхъ?—спытавъ Трублаевычъ.

— Тамъ пачка була у неи якыхся зеленуватыхъ...

То булы лысты видъ його.

— Такъ вона не дала ихъ?

— Не дала. Каже, краще я пиду въ тюрму, нижъ вы будете въ мою душу залазыты. Такъ зъ лыстамы й забралы ій.

Серце Трублаевыча облылось кровью: горда дивчына згодылась иты краще въ тюрму, нижъ выдаты тайну свого серця. И зовсимъ марно. Бо винъ выдавъ ій тайну тымъ же нечыстымъ людямъ. Воны знають ій. Може теперъ саме воны чытають ти нижни, ти святи прызнання. „О, проклятый, чомъ ты не попалывъ ихъ!.. Чомъ ты не проковтнувъ и не подавывся имы!“—зъ видчаяннямъ крычавъ винъ соби въ души и, запустывшы рукы въ выскы, рвонувъ себе за волосся.

— И нема батька и никого немае, хто бъ заступывся, хто бъ поклопотався! Може бъ ій вернулы... може-бъ кому треба щонебудь дать, або пообищать...

И маты зновъ залылась сльозамы.

Трублаевычъ пидійшовъ до неи.

— Вира Степановно, я заразъ пиду туды и доложу всього, щобъ побачытысь зъ Любою.

Винъ попрощався й выйшовъ.

Иты туды, побачыты ій, утишыты и домагатысь, щобъ ій ослобонылы. Винъ повернувъ за уголъ и пишовъ вгору, туды, де край города стояла тюрма. Хотивъ узяты звощыка, але роздумавъ: йому треба зибратысь зъ думкамы, надуматы, якъ здійсныты свій замиръ. И винъ пишовъ пишкы.

Николы винъ не бувъ у тюрми и бачывъ ій тильки здалека. Бачывъ вартовыхъ биля неи зъ рушныцямы, и його лякала ій камьяна громада зъ невелычкымы викнамы й высокымы мурамы. Здавалось, що тамъ немае жывыхъ людей, а тильки мертви. И били камьяни башты по углахъ здавалысь за вартовыхъ, що стереглы той мертвый, камьяный спокій.

Якъ доступытысь туды?

Теперъ винъ всіею истотою своею чувъ, що тамъ, у тій камьяній труни, сыдять жыви люде, тамъ сыдыть найдорожша йому людына, и тому винъ повыненъ иты туды й добыватысь, шобъ його пустылы туды. Що винъ буде робыть, що говорытыме, винъ не думавъ про те.

Въ тюрми йому сказалы, що для того, щобъ побачытысь зъ кымъ зъ узныкивъ, треба маты дозвилъ видъ прокурора. И винъ зновъ пишовъ у городъ. Взявъ звощыка й довго йиздывъ по городу, шукаючы прокурора, бо дома його не заставъ.

Винъ його стривъ на улыци и прохавъ, и умолявъ килька часу, покы той давъ йому дозвилъ пройты въ тюрму. Видъ його винъ дизнався, шо цю ничъ арештовано й Зембулата й ще декого.

Зъ пропускомъ одъ прокурора винъ вильно пройшовъ у тюрму. Його перевелы черезъ чымалый двиръ и ввелы въ саму тюрму. Тамъ, по побытыхъ, вымощеныхъ каминемъ схидцяхъ, нызькымы переходамы, мовъ у печеряхъ кыивськыхъ, винъ пиднявся на другый поверхъ и його ввелы въ невелыку кимнату. Тутъ винъ мусывъ ждаты.

Ждавъ довго. Въ тюрми було тыхо, мовъ у склепу. Винъ встыгъ уже й посыдиты, й попрочытуваты розвишани по стинахъ „правыла“, и стоявъ биля викна спыною до дверей, якъ увійшла Люба.

Вона була така сама, якъ и завше, тильки очи ій немовъ поблыскувалы бильше й пидъ нымы злехка вызначылысь жовти кругы.

Воны прывиталысь мовчкы. Стражныкъ ставъ биля дверей. Обое не моглы почать розмовы и почувалы себе ніяково.

— Вира Степановна,—нарешти сказавъ Трублаевычъ—послала мене... Властыво не послала, а я самъ вызвався побачыть васъ, бо вона дуже побывается...

— Ничого ій дуже побыватысь!..—холодно завважыла Люба.

Розмова увирвалась, не завьязавшысь. Люба дывылась въ кутокъ. Стражныкъ стоявъ биля дверей и дывывся на ихъ.

— Може вамъ чого треба?

Люба не зразу видповила.

— Подушку треба, та билья,—знехотя сказала вона.

Зновъ мовчанка.

— А васъ не тронулы?

— Ни, булы.

— Ничого не взялы?

Трублаевычъ насупывъ бровы.

— Лысты... ваши взялы.

— Якъ?—скрыкнула Люба.—Вы ихъ далы?...

— Давъ.

Сльозы затремтилы на ій віяхъ, и легки корчи побиглы побиля вустъ. Але вона скоро оправылась и, зъ завзяттямъ крутнувшы головою, вымовыла твердо:

— Добре!

Въ тому слови Трублаевычъ почувъ для себе щось вороже й непохытне.

— У кого ще булы?

— Булы у багатьохъ, але у кого саме,—не знаю. Зембулата взялы...

Люба тильки зморгнула повикамы. И зновъ обое замовклы. Стражныкъ переступывъ зъ ногы на ногу. Се нагадало Трублаевычови, що часъ, данный на розмову, може скоро скинчытысь, и винъ заговорывъ першый.

— Мы будемо добываться, щобъ васъ пустылы на порукы. Черезъ два дни прыйиде Мыкола Петровычъ и мы його направымо до губернатора.

— Не треба. Теперъ и такъ скоро выпустять,—ришуче видповила Люба, мовъ зважывшысь на щось.—Теперъ ничого крытысь. Все одно прочыталы...

Трублаевычъ догадався, що вона говорыть про лысты и йому стало тяжко й соромно за себе, за свій вчынокъ. Винъ хотивъ оправдатысь, але Люба, мовъ чытаючы його думкы, махнула рукою:

— Ничого не треба!.. Скажить мами, нехай не турбуется.

Вона пидвелась зъ лавы.

— Прощайте. Спасыби, що не забулы,—холодно сказала вона й пишла до дверей.

Трублаевычъ хотивъ остановыть ии, розсказать ий все, все, але не наважывся. И що винъ мигъ сказать ий, колы чувъ, що безодня, яка въ останни часы почала показуватысь межи нымы, разомъ раздалась въ бокы и винъ опынывся на однимъ ии берези, а вона на другому. Винъ почувавъ, що останни ныткы, яки звязувалы ихъ, роспадаются, мовъ перепалени огнемъ... И винъ выйшовъ зъ тюрмы знесыленый и невтишный.

Зъ степу, видъ кладовыща, дувъ холодный витеръ и гнавъ снигъ у городъ. Винъ повернувъ и пишовъ за витромъ. И колы винъ дывывся на сири помишани зъ пыломъ снижани хвылькы, що биглы попередъ його, то йому здавалось, що то доля заносе кудысь геть все, шо винъ мавъ дорогого, все, що винъ знавъ любого,—заносыть його недавне, мынуле. И йому було жалко його, але, на вдывовыжу самому соби, винъ бувъ спокійный, мабуть того, що не почувавъ себе въ тимъ, що сталось, вынуватымъ, и знавъ, що того, що сталось, вернуты неможна. Тильки въ души була пустота.

— Ну, що-жъ, якъ такъ, то й такъ!. — сказавъ винъ у голосъ, протыснувшы палыцею мерзлу землю, и те протыснення озвалось болемъ на його серци.

Винъ шовъ знайомымы вулыцямы, зустричався съ знайомымы людьмы, прывитався зъ нымы, але ничого того не помичавъ. Йому здавалось, що неначе скризь було пусто й пустише всього въ його души.

— Перва телеграма одъ генерала Линевыча!.. Тысяча японцивъ взято въ полóнъ! — гукалы телеграмщыкы, навязуючы телеграмы прохожымъ.

Винъ прыйшовъ до Говорецькыхъ, розсказавъ матери все, тильки ничого не сказавъ про лысты, и вона попрохала добуты ій на завра дозвилъ побачытысь зъ дочкою, щобъ передаты ій де-яки речи. Винъ обищавъ.

Дизнавшы, що винъ не йивъ ничого зъ ранку, Говорецька запрохала його пойисты чого небудь, але винъ одмовывся, бо йому здавалось, що въ цьому доми не пиде въ його горло ніякый шматокъ хлиба.

Выйшовшы зъ дому, винъ повернувъ бувъ, щобъ иты на свою кватырю, але потимъ пишовъ назадъ, дали внызъ, туды де була ричка. Йому хотилось простору, бажалось безлюддя, щобъ зостатысь самому зъ собою, зъ своею пустотою въ души, зъ своимъ горемъ.

Винъ не обманювавъ себе. Хочъ не було сказано останнього слова, винъ чувъ, що зъ Любою у ихъ усе покинчене. Серце ій дано другому, тому, хто вкупи зъ нею сыдыть тамъ. Це винъ зрозумивъ по тому, якъ вона зморгнула повикамы, колы почула, що й Зембулата забрано... Що жъ, теперъ и йому зостается тильки вырваты зъ коринемъ зъ свого серця всяки почуття до неи, выгнать зъ думкы всяки спогады про неи, забуть ій. Але хиба це можна зробыть?.. Колы вона стоить передъ його очыма, колы вона мовчкы докоряе його!

За що? Винъ ни въ чому невыненъ передъ нею. Вона выннa, вона зрадныця! Вона обманыла його. Вона николы не любыла його, николы, то все була тильки омана!..

Омана? Ни. Винъ знае, що то була не омана. Винъ знае, що то була правда, вона кохала його, його одынокого, самитного, що не мавъ друзивъ, не мавъ спильныкивъ въ своихъ думкахъ и переконанняхъ, його—не холодного, не гарячого!..

Пры цій думци вся жовчъ прокынулась въ серци Трублаевыча. „За те, що ты не холодный и не гарячый—вона й выкынула тебе зъ свого серця!..“—подумавъ винъ,—„бо вона гаряча, бо ій треба гарячого.“

Винъ засміявся. И непрыстойни думкы мымохить вырынулы зъ темныхъ закуткивъ його души и сталы передъ його уявою, и дратувалы його. И видъ ихъ було боляче Трублаевычови и гыдко, й соромно, але винъ не гнавъ ихъ. Йому хотилось прынызыты себе до краю, зробыть якусь гыдотнисть. Бо винъ ненавы-

дивъ себе. Винъ уявлявъ Любу й Зембулата у неможлывыхъ соромлывыхъ позахъ, прымушувавъ ихъ своею думкою робыты гыдотни вчынкы, винъ глузувавъ надъ нымы и въ той же часъ почувавъ, що глузуе надъ собою...

Винъ уже бувъ на ричци, на льоду. Витеръ переганявъ по склызькій крызи снижани хвыли, розпорошувавъ ихъ и зновъ збиравъ. Трублаевычъ шовъ по набытій колесамы й киньмы дорози, бо безъ дорогы иты було склызько. По дорози стугонилы хургоны, самотужкы люде тяглы зъ островивъ на санчатахъ очеретъ. Винъ розмынався зъ нымы и йшовъ дали. Перейшовъ ричку, дорога пишла по протоку мижъ островамы. По берегахъ, и зъ одного боку, и зъ другого, стоялы вербы й очереты и шумилы на витри. Але Трублаевычъ не вслухався въ той шумъ. Винъ шукавъ самоты, шукавъ забуття... Помитывъ ливоручъ невелычкый протокъ и повернувъ туды. Йшовъ довго уже безъ думокъ, безъ бажань, тильки зъ тягаремъ въ серци, й сивъ на берегъ.

Теперъ винъ почувъ, якъ шумлять плавни, хочъ и не вслухався въ ихъ гоминъ. Його думка мовъ застыгла, затужавила въ його голови, а винъ застыгъ на цьому мисци. А навколо йшовъ шелестъ и гоминъ, и свыстъ, и шарудиння, и тонки ноткы самитного плачу. Витеръ ожывывъ мертви плавни, и воны жылы мрійнымъ, ефемернымъ жыттямъ, и въ тому жытти було багато такого, що наводыло на глыбоки й невеселі думкы й надавало настрію.

Трублаевычъ сыдывъ и ничого не думавъ, и спершу ничого не чувъ. Потимъ несамохить винъ почавъ слухаты, почавъ въ безмежному мори згукивъ помичаты окреми згукы й прыслухатысь до ихъ.

Все жыве, все шумыть, кожному въ свити е свое мисце й своя доля, и кожне мае право на свою долю... на свою, яка-бъ вона не була. Нихто не выненъ въ тимъ, якымъ винъ есть, бо не самъ винъ зробывъ себе такымъ, а жыття. Хиба выння ота зламана очеретына, що такъ ревно стогне, такъ зъ прытыскомъ плаче, колы дужче подуе витеръ? Хиба вона выпувата въ тимъ, що вона тужыть, а не шепоче весело, не шамкае задоволено, якъ стара беззуба бабуся? Ии зламано, ии змнято, скаличено. Але вона хоче жыть и мае право на те, и есть ій мисце въ оцихъ плавняхъ и мусыть буты.

Такъ и чоловикъ, хто бъ винъ не бувъ, яки-бъ не мавъ душу и тило, яки-бъ не мавъ розумъ и переконання, винъ мае право на ихъ, и нихто не властенъ ихъ у його вырываты, и нихто

немае права катуваты його за ихъ, навьязуваты йому свои думкы, свои бажання, свои законы. Нихто немае. Коженъ самъ по соби и вси вкупи. Якъ оци плавни. Скильки въ ныхъ диссонансивъ, скильки, здается, зайвого, непотрибного въ окремыхъ згукахъ, а зъ усього вкупи складается гармонія шырока й велычня, якъ сама прырода. Якъ маты прырода. Есть у неи для всихъ мисце, для всихъ есть теплый проминь—и въ земли, й надъ землею, и въ води, й тамъ, у тій блакыти.

Трублаевычъ глянувъ вгору. Тамъ проты його хмары розійшлысь на хвылыну, и на його глянуло сыне безодне небо. „То око вичности"—подумавъ винъ. Посыдивъ ще и вставъ.

Винъ хотивъ иты, але почувъ, що зъ того краю протока, куды винъ не проходывъ, до його доносятся голосы. Винъ пождавъ. То чоловикъ и жинка тяглы кожне соби санкы, горою накладени очеретомъ. Тягты по склызькому льоду було важко. Воны поривнялысь зъ Трублаевычемъ и прывиталысь.

— Давайте, я пидсоблю вамъ, — сказавъ Трублаевычъ и взявся за мотузокъ.

— Не треба, не треба!.. Я сама.

— Ничого. Мени все одно туды-жъ иты.

Воны везлы саны вдвохъ. Баба була стара и тяжко дыхала зъ натугы.

— Чого-жъ це вы сами возыте очеретъ? хиба у васъ немае никого молодшаго? — спытавъ Трублаевычъ.

— Есть сынъ, та дома немае.

— А де-жъ винъ?

— На вийни. Осталысь сами. Може й убыто давно... Кажуть, богато людей побыто, сыла!.. У-осены ще якъ напысавъ, та й доси ничого не чуть.

— Кажуть, що скоро замырення буде,—сказавъ, спыняючысь, дидъ и почавъ розмахуваты рукамы й быты имы себе по грудяхъ и пидплеччяхъ, якъ роблять въ холода рыбалкы. — А морозець такы добрячый!

— Вы рыбалка? — спытавъ Трублаевычъ.

— И рыбалка й швець, и на лисопыльци колы роблю. Требажъ хлибъ добуваты! Та отъ сылы немае. А диты не помогають. Кожне поровыть соби... Колы-бъ земелька хочъ була, може въ аренду або зъ копы оддавъ, то бувъ-бы хлибъ, а то ничого немае. Оце нарубаешъ очерету, та хату протопышъ, а то чысто хочъ сядь та й замерзай голодный!

— Кажуть, що Портъ-Артуръ жыды японцямъ оддалы, чы правда цьому? — запытався, трохы помовчавшы, дидъ. — Вредне зилля, каторжни. Ихъ бы зъ половыны вывишать!

— За що?

— Э!.. у ихъ уся прычына. Черезъ ихъ и у насъ хлиба нема!

Дидъ бувъ балакучый и мавъ темну голову. Винъ уси биды прызводывъ видъ жыдивъ. Колы Трублаевычъ хотивъ переконаты його въ цимъ, то винъ тильки махнувъ рукою.

— Знаемо ихъ!.. Отъ и архырей на Воздвыженя казавъ, що у ихъ уся штука, що воны й Сына Божого розпьялы.

Трублаевычъ вывизъ зъ бабою сани на шырший протокъ и повернувъ по йому въ городъ, покынувшы старыхъ.

„Ось вона темнота, що бьется зъ-за шматка хлиба ввесь викъ! Ось ти поламани сухи очеретыны, що отамъ шарудилы въ плавняхъ.... Пошарудять и зныкнуть зъ своимы диламы, зъ своимы думкамы й турботамы. На мисто ихъ выростутъ весною нови очеретыны и загудуть свои писни. А ци нехай дожывають свій часъ, покы не згорять въ огни, або не занесе ихъ весняна повидь,“— думавъ Трублаевычъ, идучы по льоду.

До його доносылысь зъ очеретивъ людськи голосы, а попереду було чуты гукы й веселый смихъ. То назустричъ йому йихала на конькахъ купа молодижи-хлопцивъ и панночокъ. Мижъ ихъ винъ помитывъ и Дубраевську. Воны прывиталысь.

— Повертаймо назадъ! — гукала вона. — Проводымо Ивана Мыхайловыча, щобъ його вовкы не зъйилы!..

— Де тутъ визьмутся вовкы, тутъ и зайцивъ немае, — засміявся винъ.

— Зайци есть. Колы бъ вы зналы, якъ учора жандармы декого поперелякалы!

Вона засміялась, дывлячысь на Трублаевыча, й теперь на витри, на морози, червона й свижа, вона здалась йому не поганою зъ себе. Русяве волосся іи маяло по витру, коротка тепла кохта туго облыпала коло іи струнког стану, а невелыки ногы въ гетрахъ моторно рушалысь туды й сюды, и вона вылась коло Трублаевыча, якъ метелыкъ. Винъ знавъ, що вона давно закохана въ його, и теперъ це знатя прыемно зигрило його серце; есть же така людына, що любыть його, любыть, не дывлячысь на те, що винъ николы не звертавъ на неи своеи увагы.

Винъ хотивъ сказаты іи щось гарне, любязне и не мигъ. Спомынъ про Любу раптомъ пронызавъ його мозокъ и болемъ одизвався въ серци. Винъ прыпынывся.

— Чого-жъ вы стаете? — спытала Дубраевська, вьючысь биля його й выробляючы кругы й дугы. — Ходимте дали, тамъ кращый льодъ.

— Соломіе Францовно, скажить мени по щырости: вамъ жалко Любовъ Мыколаевну?

Дубраевська спынылась, здывовано пидвела бровы, мовъ не розуміючы того, про що винъ пытае, потимъ разомъ труснула волоссямъ и зареготалась, повернувшысь, мовъ дзыга на однимъ мисци.

— Дуже жалко!—сказала вона, сміючысь.—А про те... не дуже.

— Чому такъ?

— Вона... вона не одна!...

— Якъ?

— А такъ! Йдемо дали.

И вона пойихала впередъ, оглядаючысь на його и мовъ манячи за собою.

Хочъ Трублаевычъ и знавъ, на що вона натякнула, але якесь болюче почуття намагало, щобъ вона сказала просто те, що думае вона, те що думае винъ. Здавалось, що колы вона колупне болючу рану, то вона менше буде щемиты.

Винъ зновъ перепытавъ ii, але вона не сказала й тикала видъ його, а потимъ зновъ прылитала, мовъ бджола, и вылась навколо його.

До дому Трублаевычъ вернувся, колы вже смеркалось, и почувавъ винъ себе розбытымъ, знесыленнымъ, але спокійнымъ. Довга прогулка, свиже повитря, люде — утыхомырылы його нервы, угамувалы думкы. Тильки десь глыбоко, пидъ сердцемъ, винъ немовъ почувавъ невелыку, але глыбоку рану, и зъ неи слызылась кровъ потыху, помалу....

Потыху, помалу, якъ иде часъ.

V.

На другый день Трублаевычъ пишовъ у банкъ дуже рано. Винъ заставъ тамъ тильки Донду. Донда ходывъ по всихъ кимнатахъ банку безъ пиджака, въ одній жилетци и щось соби мугыкавъ, веселый и задоволенный. Побачывшы Трублаевыча, винъ скорою ходою зъ щаслывою усмишкою пидійшовъ до його:

— А вы знаете, ха-ха-ха... учора я закинчивъ шистьдесятъ четверту скрыпку! Отъ скрыпочка, скажу вамъ!.. Ге, такои тутъ ниде й блызько немае!

Винъ бувъ дуже счаслывый своею роботою.

Трублаевычъ глянувъ на його и соби усмихнувся: якъ мало иноди треба людыни, щобъ вона почувала себе счаслывою. Ця стара сытенька дытына мае добру кватырю одъ банку, видбирае уже може литъ сорокъ добру плату, ніякыхъ прыгодъ у його не було въ симьи, ніяки громадськи справы николы не змарнувалы и капли його спокійнои крови, винъ завжды ривный, прывитный, а ще колы въ його жыття вирвався зовсимъ выпадково зайвый проминь сонця, колы винъ побачывъ самъ и други прызналы, що винъ майстеръ що до скырыпокъ, то чаша жыття його наповнылась вщерть. Теперъ кожна капелька, що падала туды—кожна нова скрыпка — прымушувала радисно здригатысь увесь поверхъ тіи повнои чаши.

Трублаевычъ усмихнувся и, щобъ ще побильшыты задоволення Донды, сказавъ:

— А ну. покажить шистьдесятъ четверту!

— Ха-ха-ха!..—засміявся Донда, пидморгнувъ и прудко побигъ въ нижчый поверхъ, де була його кватыря, по скрыпку.

Черезъ хвылыну винъ вертався уже зъ скрыпкою й лучкомъ. Винъ нисъ ихъ, отставывшы видъ себе, мовъ яку святыню.

— Отъ попробуйте, якый тонъ!—гукавъ винъ ще зъ корыдора.—На що вамъ... ха-ха-ха... Страдиваріусъ.

— Ну, це я давно знаю, що вы за поясъ заткнулы Страдиваріуса,—въ тонъ йому видмовывъ Трублаевычъ и взявъ и выпробувавъ скрыпку.

Скрыпка була гарна, и радости Донды не було кинця.

Трублаевычъ подякувавъ йому за те, що винъ учора робывъ за його, але Донда тильки махавъ рукамы: винъ ладенъ бувъ-бы що дня робыть його роботу, абы йому задавалысь таки скрыпкы.

— Эхъ, яку я теперъ скрыпочку зроблю—зъ загрянышного дерева. Тамъ така у мене ялынка есть, якъ золото: жылка до жылкы! И теперъ якъ скло звеныть.

Винъ зъ замылуваннямъ пидвивъ очи, мовъ бачивъ передъ собою яку чаривныцю, коханку свою.

Въ серци Трублаевыча ворухнулась заздристь: якый счаслывый чоловикъ, цей Донда!

— А чулы,. ха-ха-ха..., що вчора сталось у земському зибранни? — раптомъ обернувся до його Донда.

— А що?

— Не чулы? Ха-ха-ха!...

Донда увесь ажъ затрусывся видъ реготу й прысивъ.

— Чудасія!.. Мій Шура вернувся увечери й розсказувавъ: гласныхъ былы!.. Ха-ха-ха!...

Донда засміявся ще дужче, мовъ розсказувавъ про щось надзвычайно смишне й веселе.

— Що вы кажете? Цього не може буты!

— Правда! Правда, голубчыку!.. Окинчылось зибрання, пойихалы земци за губернаторомъ, щобъ закрывъ засидання, а мы ждемо: „Потривайте, щось та буде,—такъ не обійдется!..“ Ну, прыйихавъ губернаторъ, закрывъ зибрання й пойихавъ. Гласни шу. шу-шу-шу—почалы выходыть... Сталы, каже, й мы выходыть.- Спускаемось съ хоривъ, колы бижыть назадъ зъ-надвору одынъ гласный, безъ шапкы й кровъ зъ носа дзюрчыть—„Тамъ“—крычыть—бьють!

Трублаевычъ хотивъ спыныть Донду и сказать, що все це выгадкы, але згадавъ, якъ позавчора въ сквери былы студентивъ, и подумавъ, що й справди така нечувана подія може статысь пидъ цей часъ.

— Гласни поодягалысь и гуртомъ сунулысь на двиръ. Попереду Жыгмонтъ... Знаете, тамъ такый здоровый, вусатый панюга. Ну, ха-ха-ха-ха .. якъ выйшлы воны, а тамъ на двори, биля выходу, стоять золоторотци, та якъ кынутся зразу на Жыгмонта та другыхъ!.. Ти крычать: полиція! полиція!.. А ін, ха-ха, немае! Кажуть полиціймейстеръ сказавъ: „не пустылы полыціи въ залу зибрання, то не буде ін й биля залы.“ Молодчына!..

— Ни, це гыдотный вчынокъ.

— Чого? Пхе!.. теперъ таки часы, що ничого не розберешъ. Ну, а тутъ де не визьмысь козакы, та якъ почалы шмагать и праворучъ и ливоручъ,—разомъ усихъ розигналы. Кажуть и золоторотцямъ всыпалы, й де кому зъ гласныхъ вскочыло, та й нашимъ хлопцямъ те-жъ. Бурдзынкевычови губу розсиклы. А Шурка якось проскочывъ!.. Онъ якъ! Кажуть, що це все Бабаковъ орудуе. Якъ вамъ подобается, га?...

— Зовсимъ мени не подобается, Захаре Мыкытовычу. На що це похоже? Тамъ на сходи, війна, насъ бьють японци, а тутъ мы сами заводымо усобыцю!

— Я, по совисти, такъ и не розумію, зъ-за чого все це творытся,—сказавъ Донда и здвыгнувъ плечыма.—Жылы соби тыхо, сумырно, й жылы бъ такъ. А то ни, давай тамъ всяки сходы

збирать, спилки заводыть, зйизды склыкать!.. Отъ мене заклыкалы на зйиздъ бухгалтеривъ. Ну, звычайно, я не пойихавъ. Не бачывъ я зйиздивъ!..

И справди винъ ничого не розумивъ зъ того, що творылось навкругы. Трублаевычъ почытавъ зайвымъ розтовкмачуваты йому: все одно ничого не зрозуміе.

Уже почалы сходытысь служачи. Появылысь и кліенты. Донда одягъ пиджакъ. Почынався робочый день. Хтось стыха постукавъ въ одну зъ кватырокъ перегородкы:

— Секретаря можна бачыты?

То пыталы Трублаевыча, и винъ пишовъ туды, на свое мисце, и взявся за свою звычайну роботу.

Усе було знайоме йому и все чуже, и теперъ занадто здавалось дрибнымъ и непотрибнымъ. Якись тамъ дисконты, инкасирования, дебитования, кредитования въ той часъ, колы коженъ нервъ жыття здригается, и воно хвылюется й кидается, якъ розлючене море. Грошови крамарськи справы въ той часъ, колы въ степахъ и горахъ Манчжуріи й скризь по городахъ и селахъ ше недавно соннои Россіи ришается іи доля. Але винъ знавъ, шо и безъ цихъ дисконтивъ, инкассировань, дебитовань и кредитованъ и всякыхъ другыхъ акцій не можна обійтысь, и пысавъ, и пидпысувавъ били и росквитчани фарбами папирци й передававъ ихъ другымъ.

Розносылы чай. Прынеслы почту й далы лыста Трублаевычови. Винъ глянувъ и опизнавъ руку сестры. Це вже на симъ тыждни другый лыстъ. Острахъ ворухнувся въ його серци, але винъ взявъ и зразу розирвавъ конвертъ: щобъ тамъ не було, все одно треба знать.

Винъ боявся, що въ лысти буде звистка, що брата убыто, або покаличено пидъ Мукденомъ, чы що маты пры смерти, и йому треба йихать до неи. И мало въ чому помылывся.

Сестра пысала, щобъ винъ йихавъ до дому. Звистокъ видъ брата нема. Маты прыказуе ій шо дня перебираты свои газеты й сусидськи й перечытуваты звистки про забытыхъ и раненыхъ офицеривъ. Вона певна, що його забыто, баче його въ снахъ и сама звелась ни на що. Вже сама не ходе и тильки сыдыть у крисли. А навколо бунтуютъ мужыкы. Рубаютъ въ паньскихъ лисахъ дерева, беруть изъ клунь немолоченный хлибъ и солому. Вчора и въ ихъ саду зрубалы дви груши и яблуню. Наймытъ нахваляется, що пусте хутиръ за витромъ.

Трублаевычъ прочытавъ лыста, згорнувъ його, якъ винъ бувъ, и поклавъ у боковый карманъ. Йихать треба неодминно. Винъ уже чотыры роки не бачывъ матери, и тоди вона була слаба, а теперъ и подавну. И колы винъ уявывъ соби, якъ вона сыдыть у крисли, слуха спыскы убытыхъ и плаче, то йому до болю стало жаль ій; винъ, черствый и эгоистычный, въ остатни роки немовъ навить забувъ про неи: жыве десь на хутори матиръ, грошей одъ його не вымагае, значыть ни въ чимъ не нуждается. Винъ почувавъ себе одынокымъ и ни видъ кого незалежнымъ, а теперъ побачывъ и почувъ, що у його есть ридни, котрымъ винъ повыненъ допомогты.

Але якъ, чымъ саме?

Пойихаты туды не важко, а тамъ що винъ буде робыть? Чимъ винъ утише матиръ, що винъ скаже тому парубкови-наймытови, що нахваляется спалыты хутиръ, тымъ мужыкамъ, що порубалы дерева въ саду?

Але думкы його перебывалы банкивськи кліенты. И винъ розмовлявъ зъ нымы, пысавъ и пидпысувавъ паперы, а самъ думавъ усе про те, що йому робыть. Зъ досадою винъ призналъся теперъ, що и винъ самъ, и вси його знайоми, такъ звани либеральни люде, легко поришалы на словахъ, сыдячы у теплыхъ кватыряхъ, усяки пытаныя и соціальни, й политычни. Спорылы, змагалысь зъ-за головныхъ думокъ, и николы имъ не доводылось ставаты на справжній, реальный грунтъ. И люде въ ихъ уяви дилылысь на два неривни станы: одынъ—то народъ, демократія, пролетаріатъ, и другый—бюрократія. Перши вси булы чысти й непорочни ангелы, а други уявлялысь, якъ гыдотни гадыны, безъ усякого просвитку въ души, достойни тильки того, щобъ усихъ выныщыты. И отъ теперъ ангелы бьють земцивъ, грабують полупанкивъ и панивъ, выныщують лиса й сады и збираются палыть никчемный хуторець, зъ старою людыною, що ступыла вже, може, на божу путь.

Де-жъ правда, якъ розибратысь у цій плутаныни?

Трублаевычъ думавъ про це и не мигъ розибратысь въ своихъ думкахъ, и тильки почувавъ, шо тутъ есть якесь тяжке непорозуминня, якась хвальшъ.

Але винъ поришывъ прохаты одпуску й йихать до матери. Винъ уставъ, щобъ пидійты до Донды й порадытысь зъ нымъ, якъ буты зъ одпускомъ, якъ почувъ скрыпучый жиночый голосъ, мовъ сорока заскреготала:

— Иванъ Мыхайловычъ!.. Иванъ Мыхайловычъ!!. На хвылынку!.. Ось идить сюды.

Трублаевычъ нехотя вернувся назадъ. Його клыкала пани Валерьянова. Якъ тильки винь зобачывъ ii, йому здалось, що винъ чуе запахъ аптеки, бо видъ цiеи пани завжды пахнуло всякымы аптечнымы препаратамы: й саме прызвыще ii нагадувало про ликы. Вона глытала ихъ безъ всякои миры, уся пропахалася имы и була нервова, мовъ нервы у неи булы не прыкрыти ничымъ, и все ихъ дратувало. Говорыла вона прудко, мовъ горохъ сыпала, зъ усякымы кивамы й моргамы, и зважала себе дуже вродлывою. Ii здавалось, що вси мужчыны повынни буты зачаровани нею. Вона пидпрыскувала соби пидъ шкуру морфiй.

— Я до васъ зъ петиціею... чы то-зъ протестомъ! Сподиваюсь, що вы допоможете мени зибраты пидпысы въ банку. Вы сами побачыте, я уже зибрала зъ сотню пидпысивъ, хочу зибраты тысячу, и пошлемо протестъ губернаторови, а копію зъ його въ „Сынъ Отечества.“ Рады Бога, хиба такъ дали можна жыть? Чернь бье интеллигенцію, бьють земскихъ гласныхъ, а полиція дывыться на це кризь пальци! Колы такъ, то мы згвалтуемо усю Россію!

Вона говорыла багато й палко, а Трублаевычъ узявъ протестъ и чытавъ його. Продывывся пидпысы. Тамъ було багато знайомыхъ.

— Вы хочете мого пидпысу? Ну, ось винъ.

Винъ узявъ перо й пидпысався.

— Не тильки вашъ пидпысъ мени потрибенъ, але й другыхъ вашыхъ... Але ось ще одынъ... адресъ...—Вона закопалась у своiй велычезнiй торби.—Сподиваюсь, що пидпышете! Це вже ни на що не похоже! Вы знаете, що роблять Дубраевськи—маты й дочка?..

И, не давшы Трублаевычови сказаты слова, вона затараторыла дали.

— Вы тильки подумайте, яка гыдота: стара Дубраевська служе въ тайнiй полиціи и повыдавала ii усихъ нашыхъ!

Валерьянова, шыроко роскрывшы очи и пидвывшы вгору бровы, понызыла голосъ и пошепкы забалакала дали:

— Вы жъ знаете, скризь булы трусы!.. Любочку Говорецьку, Зембулата, Палыводу, Чабаненка й другыхъ позабиралы. Усихъ трусылы по ii списку. И знаете, ii учора за це въ-ночи выбылы у-си до одни-исинького викна! А хто?..

Валерьянова ажъ голову всунула въ кватырку, щобъ казаты тыхше, щобъ нихто ии не почувъ, и вся розцвила въ задоволену усмишку.

— Наши, молодижъ ій оту штуку вчыныла!.. Нехай знае! А отъ мы теперъ хочемо пиднесты ій „сочувственный адресъ“! Билогрудъ скомпанувавъ. Чытайте, та пидпысуйте.

— Цього я не буду чытать и не пидпышу,—сухо видповивъ ій Трублаевычъ.

— Чому?

— Того, що це недостойно порядныхъ людей.

Валерьянова видскочыла видъ виконця, мовъ опечена.

— Якъ такъ?..

— Насамперед—де доказы, що Дубраевська шпыгъ. Це сплитка. Потимъ, хочъ бы й справди вона була така, якъ вы кажете, то не слидъ було робыты надсыльства надъ нею. Вы тильки що давалы мечи пидпысуваты протестъ проты надсыльства черни надъ земцямы, а тутъ сами його робыте, та ще лыцемирно прыкрываетесь, складаете якыйсь „сочувственный адресъ!...“

— Вы не пидпышете?—коротко спытала, стемнивши въ лыци, Валерьянова.

— Ни!

— Други пидпышуть!

— Шкода буде.

Вона похоплыво забрала паперы, свою торбу й пишла до другыхъ банкивськыхъ служачыхъ. Де-хто пидпысувавъ и той, и другый папиръ—бильшисть ледви пробигшы очыма, други не пидпысувалы ни того, ни другого.

Донда, колы пидійшла Валерьянова до його, замахавъ рукамы:

— Богъ зъ нымы, зъ протестамы та петыціямы!.. Я зроду ихъ не пидпысувавъ и пидпысуваты не буду.

— Чому такъ?

Донда тильки крякнувъ: а!.. й махнувъ рукою.

— Тутъ и банковськи паперы надобрыдло пидпысувать!.

Остання звистка, що Дубраевськiй побылы викна, дуже стурбовала Трублаевыча. Тутъ, по його думци, було якесь непорозуминня. Стара Дубраевська дуже зла на языкъ, и у неи половына города ворогивъ, але щобъ вона робыла те, що про неи кажуть, цього винъ допустыты не мигъ. Винъ роспытався помижъ своихъ банковцивъ и дизнався, що це сталось зъ того, що молода Дубраевська въ вечиръ передъ трусомъ перестерегала де-кого зъ знайомыхъ. Казалы, що вона ще мае серце и, довидавшись про

матерынъ замиръ и прочытавшы ій списокъ, потай видъ неи сказала про трусъ де-кому.

Выслухавшы таке, Трублаевычъ поришывъ, що тутъ „своя своихъ не познаша“. Винъ добре знавъ, якыхъ переконань держалысь Дубраевськи и догадувався, якымы шляхамы до ихъ дійшла звистка про замиръ трусівъ. Тамъ, видкиля выйиздять въ ночи на роботу, бувъ одынъ чоловикъ, якый мигъ ихъ перестерегты и раніше перестерегавъ. И замистъ подякы, имъ свои-жъ бьють викна и складають гыдотный „адресъ“.

Трублаевычъ зъ банку пишовъ до Дубраевськыхъ и заставъ дома тильки матиръ. Вона була розлючена, мовъ оса, и злисть ій не мала впыну. Вона лютувала й на тихъ, хто наробывъ ій сорому, й на дочку, що по своій мягкосердости пишла по городу робыть перестереженя, не сказавшы ій про те.

— Нехай-бы ихъ всихъ позабиралы, жалю було бъ мало!..— говорыла вона и такъ перебирала всихъ знайомыхъ, яки малы звязокъ зъ ій прыгодою, що Трублаевычови стало моторошно. И винъ подумавъ, що колы ще ій прышлють „адресъ“, то вона зъ злости може перейты гряницю и справди наробыть багато де чого негарного.

Запевнывшы ій, що тутъ якесь непорозуминня и що якось усе налагодыться й выясныться, винъ одъ неи пишовъ до Билогруда, довго розмовлявъ и змагався зъ нымъ и на решти такы умовывъ знищыты той адресъ, що носыла по городу Валерьянова, и оставыть справу такъ, якъ вона есть, сподиваючысь, що помалу все выяснится само собою.

Смеркомъ, якъ Трублаевычъ ще спавъ писля обидъ, його збудылы. Хотивъ бачыть його Мыкола Петровычъ, Любынъ батько. Винъ тильки що вернувся до дому и дизнався про прыгоду зъ Любою.

Винъ бувъ до краю зтурбованый и такый, неначе десь въ подорожи розгубывъ усі свои думкы, усю свою снагу, и зисталась пры ньому тильки звычка згорда и поважно держаты себе. У цій формы винъ зъ давнихъ-давенъ затужавывъ и зразу вывесты зъ неи його, було неможна.

— Що жъ це таке?.. Скажить мени, щожъ жъ це таке, колы уже не тильки тамъ по жыдивськыхъ закапелкахъ хапають всяку тамъ... ну, всяке казна-що, а отъ забирають... и мою дочку!.. — кынувся винъ до Трублаевыча.

Той утыхомырювавъ його, додававъ багато зусылля, щобъ выясныты йому станъ ричей, але Мыкола Петровычъ ніякъ не

мигъ зрозумиты, що въ тюрму попадають не тильки за злодійства, що туды може попасты людына не тильки зъ „жыдивськыхъ закапелкивъ," але и зъ хаты вице-директора банка... Винъ сперечався й доказувавъ, що колы „жыдова" и „всяка тамъ голота" може буты незадоволена сучаснымъ станомъ, то яке дило до цього його дочци?.. Хиба винъ шкодувавъ що для неи, хиба у неи чого-небудь не выстачало?

Чого ій треба було?.. Птычого молока хиба!.. И не подумала, що якого то вона сорому може наробыты батькови, матери. О, диты, диты!

Колы Мыкола Петровычъ трохы заспокоився, то винъ пояснывъ, що прыйшовъ до його, щобъ завтра вкупи пойихать до Любы. Маты сама не зъумила побачытысь зъ нею и доси ій нычого не передалы, ни билья, ни подушкы, ни чаю й сахару.

Трублаевычъ розсказавъ йому, що и якъ треба зробыть и хотивъ ухылытысь, щобъ не йихаты въ тюрму въ друге. Йому важко було зновъ стритысь зъ Любою и сылы не було усе заразъ сказаты Мыколи Пытровычу, кынуты на його голову ще одну цеглыну. Важко було сказаты, що у ихъ зъ Любою все порвано, бо десь у глыбыни души його ще таилась надія, що винъ помыляется, що все може зновъ налагодытысь на попередній ладъ.

И винъ згодывся йихать зъ Мыколою Петровычемъ.

Якъ тильки той почувъ про це, заразъ же одмынывся и зробывся далеко спокійнишымъ. „Винъ, сердега, боявся самъ пійты въ той замокъ, не знавъ, якъ доступытысь туды" — подумавъ Трублаевычъ и гирке почуття опанувало нымъ: яки ци угодовани добродіи велычни та пышни, колы сыдять у своихъ дыректорськыхъ кыслахъ и пидпысують напысани рукою служачого й обмырковани його мозкомъ паперы и яки воны мизерни, колы доведется имъ статы вичъ-на-вичъ зъ незнайомымъ выпадкомъ десь за стинамы банку, за стинамы власнои осели.

Выпроводывшы гостя, Трублаевычъ задумався, якъ йому буть.

Останнього слова ще не сказано, але воно мусыть буты сказане. Колы вона його не любыть, винъ повыненъ це знать, винъ повыненъ про це почуты зъ ій вустъ прямо, а не догадуватысь зъ натякивъ. Въ души винъ уже на половыну помырывся зъ тымъ, що сталось. Винъ любывъ Любу дуже, але въ його коханни не було заслиплення, и розумъ завжды стоявъ на сторожи и, якъ прыставъ на аукціони, выстукувавъ молоткомъ свидомости: „це ты повыненъ зробыть, цього робыть не повыненъ"... Люба була

зовсимъ другои вдачи. Вона була гаряча й загоныста. У неи часто чуття збывало зъ кону розумъ и становылось на його мисце власнымъ диктаторомъ. Вона не вагаючысь, зшывала, и, мало задумаючысь, порола й ризала... И, дывна ричъ, це бильшъ усього й подобалось у ній ривноважному Трублаевычови.

Винъ теперъ поришывъ напысаты ій лыста, щобъ просто поставыты пытання: чы нехай буде все у ихъ, якъ було попередъ, чы розійтысь имъ свидомо, спокійно, безъ ворожнечи. И винъ напысавъ такого лыста, щобъ передаты ій до рукъ. Походывъ по кимнати, перечытавъ його и порвавъ. Лыстъ выйшовъ сухый и холодный, якъ канцелярське „отношеніе“.

Винъ взявся пысать вдруге. Пысавъ довго. Згадавъ исторію ихъ кохання. Звернувся до сучасныхъ обставынъ, розгорнувъ ій свою душу, розповивъ про свое маловирря и прохавъ ій чыныты судъ надъ нымъ: може вона, по теперешнихъ часахъ, зъеднаты свою долю зъ долею такого чоловика, чи не може? Колы ни, то такъ тому й буть: „якъ сходятся течіи и зновъ росходятся, такъ зійшлысь и розійдемось и мы“ — пысавъ винъ напрыкинци. — „Я тильки буду згадувать про васъ, якъ про кращу женщыну, яку довелось мени стриты за часы моеи молодости, и буду благословлять долю за цю стричу.“

Винъ повидомлявъ, що йиде въ одпускъ, и подававъ ій свою адресу.

Було уже пизно, колы винъ погасывъ свитло.

VI.

Сьогодни Трублаевычъ уставъ рано и довго плескавсь у холодній води, умываючысь. Винъ змочывъ нею всю голову, и ставывъ тимья пидъ кранъ и зъ прыемнистю здригався всимъ тиломъ, чуючы, якъ холодна течія добырается по-мижъ волоссямъ до тила, тече на чоло, протикае по-за ухамы и, злывшысь въ одынъ струмокъ, стикае въ тазъ черезъ вусы. Голова посвижила писля такого купання, и винъ почувавъ себе бадьорымъ и жвавымъ, здатнымъ до роботы, хочъ десь глыбоко въ ньому, мовъ тинь, перебигало сумлиння и неначе пидтынало чымсь паросты тіеи бадьорости. То булы останкы важкыхъ снивъ ночи. Винъ цю ничъ тяжко мучывся у сни и килька разивъ прокыдався, почуваючы, що серце його замирае.

Та винъ и теперъ почувавъ себе неспокійно и бувъ у якомусь пидвышеному нервовому настрою. Винъ боявся зустричи зъ Любою. Боявся тому, що не сподивався видъ неи добра для себе. Вчорашнього листа не захотивъ перечытуваты, щобъ не знищыты його знову, на свижу голову. Якъ написався, такъ нехай и буде.

У банку Трублаевычъ довго дожыдавсь, покы зійдутся директоры, щобъ прохаты одпуску. Робыть не хотилось, и Донда сьогодни бувъ чомусь сердытый и прысикувався до дрибныхъ служачыхъ. А колы винъ бувъ такый, то важко було буты зъ нымъ въ одній кимнати. Винъ лаявся, бувъ вередлывый несправедлывый до другыхъ и мигъ зъ-опалу пійты и наговорыты директорамъ про кого-небудь зъ товарышивъ багато гыдкого, багато неправды. Въ таки хвылыны въ банку вси його ненавыдилы.

— Скильки рокивъ служыте въ банку, а й доси й абы-якого балансу пидвесты не можете! — гримавъ Донда на свого помишныка й швыргонувъ йому паперы. — Отъ и пропавъ цилый день роботы.

Аркуши паперу розсыпалысь по кимнати. Помишныкъ мовчкы, але стыснувшы зубы такъ, що на його щокахъ выступылы пругы, пидбиравъ паперы. Донда служывъ у банку сорокъ литъ и весь банкъ держався на йому, и тому винъ почувавъ себе тутъ господаремъ. Директоры слухалы його, а служачи боялысь.

„Колы-бъ уже скорише вырватысь звидсиль,“—думавъ Трублаевычъ: — „пойихаты въ ридни мисця, одпочыты видъ отыхъ телеграмъ, видъ розмовъ, сварокъ, сплитокъ; одпочыты видъ газетъ, видъ политыкы, видъ протестивъ и заявъ. Остогыдло все. Остогыдъ оцей банкъ, оця канцелярщына, отой Донда!“

И ту-жъ саму мыть, колы снувалысь у його въ голови ци думкы, рядомъ зъ нымы, мовъ задня пара колисъ у вози, выступылы други думкы: „А тамъ якъ? А тамъ умирае маты, тамъ середъ дня грабують одне одного, тамъ плачуть жинкы й матери за забранымы на войну, за побытымы. Скризь однаково!“

Колы зійшлысь директоры, Трублаевычъ попросывъ ихъ и воны далы йому одпускъ. Донда залютувавъ ще бильше: йому пидбильшувалось роботы, а його не спыталы, чы можна даты отпускъ Трублаевычови.

— И мени треба одпускъ, и въ мене нервы пошматованы! — бурчавъ винъ, сопучы и що-хвылыны налагоджуючы пенсне на счервонилому носи. Пенсне все спадало.

Трублаевычъ збирався иты зъ банку.

— Вы-жъ ще зайдете сюды? — буркнувъ Донда, повернувшы тильки сами очи до його пидъ сывымы навыслымы бровамы.

— Прыйду. Всьому дамъ ладъ.

— То-то.

Трублаевыча цикавыло, що це такъ роздратувало Донду, але винъ не наважывся його роспытуваты, та й николы було: Микола Петровычъ прохавъ його дистаты соби й йому пропускъ до Любы.

Винъ пойихавъ до прокурора.

Тамъ його прохалы пождаты въ зали, бо прокуроръ бувъ зъ кымсь занятый. Въ зали сыдивъ офицеръ. Трублаевычови здавалось, що — жандармськый, але певенъ винъ въ тимъ не бувъ, бо той сыдивъ до його спыною. Колы винъ повернувся, Трублаевычъ упизнавъ його: винъ бувъ у його въ ночи и видибравъ лысты Любыни.

Воны глянулы одынъ на одного и ледви помитно поклонылысь. Имъ обомъ було ніяково. Килька хвылынъ воны сыдилы мовчкы, мовъ не помичаючы одынъ одного. Воны сподивалысь, що скоро выйде прокуроръ и скинчыть ихъ непрыемне становыще. Але десь зъ третьои кимнаты чуты було два голосы, и розмова тамъ не вгавала. Говорылы палко, але про що саме, дочуты було неможна.

Офицеръ пидвився зъ мисця и мовъ хотивъ пройтысь по кимнати, але несподивано повернувсь и пидійшовъ до Трублаевыча, протягаючы йому руку.

— Мы зъ вамы знайоми... Выбачте мени: я почуваю себе передъ вамы вынуватымъ! Ти лысты... вы малы право ихъ не даваты, и я жалую, що взявъ ихъ. Але служба... прыказъ.

Трублаевычъ глянувъ на його и не знавъ, що йому видповисты.

— Що-жъ, уже зроблено... мынулого не вернешъ! Вы не повирылы мени на слово.

— Не мавъ права по уставу.

А по совисти? — спытавъ Трублаевычъ.

Офицеръ мовчкы глянувъ на його, и въ його очахъ Трублаевычъ побачывъ благання помылування.

— Знаете, въ жытти доводытся...

Винъ не договорывъ и тильки махнувъ рукою.

— Служба каторжна!.. — зъ жовчю вымовывъ винъ.

— А чому вы пишлы на неи?

Офицеръ болизно усмихнувся.

— Бувае такъ, що життя зажене чоловика въ таки суточкы, що йому зостается, або кулю въ лобъ соби пустыты, або робыть те, що може гирше смерти. Вы думаете, мы, жандармы, не люде, у насъ немае ни серця, ни души? Вы думаете легко знаты, що кожне бачыть у тоби ворога? Вы думаете—легко чытаты таки лысты, якъ ти, що взято у васъ, або ти, що взято у вашои суженои?... Вы думаете, що вси зъ насъ не розумiють того, що творыться навколо, що нашыхъ бративъ кровъ не льется въ Манчжурiи, що ихъ немае по тюрмахъ?... Колыбъ такъ!..

Ця несподивана сповидь ще молодои людыны зъ зовсимъ иншого стану, ця темна безодня въ души чоловика, що разомъ росчынылась передъ нымъ, здывувала и навить злякала Трублаевыча. Винъ хотивъ скрыкнуть: „та чого-жъ вы не кынете службы?“ — але здержався.

— Вы знаете, — говорывъ офицеръ дали, — мы отъ уже тыждень не спымо и колы заснемо, не знаемо. Мы начынылы тюрмы людьмы и певни, що мы а-ничогисенько не зробылы, щобъ пидсикты те, проты чого боремось. Ось теперъ полковныкъ добывается, щобъ прокуроръ згодывся перетрусыты ще зъ сотню домивъ. Я, кажучы про це вамъ, роблю провынчисть передъ службою, ламаю прысягу, але... все одно! Життя назадъ повернуть не можна, и тильки полковныкъ въ це вире. А може... хто його знае!

Трублаевычъ знавъ цього полковныка. Винъ бувъ старый, товстый и лысый. У його була довга руда зъ сывыною борода, завжде розчышеный беззубый и трохы крывый ротъ съ товстымы, якъ у коропа, губамы, и кари, мовъ скляни, очи. Винъ бувъ дуже богомольный и у його булы тры дорослыхъ дочкы, гарныхъ и смыренныхъ, якъ молоди манастырськи послушныци. Трублаевычъ не почытавъ його злымъ чоловикомъ. Може пидъ вражиннямъ, яке робылы на його дочкы полковныкови.

— Сподиваюсь, що вы зрозумiете мене и не осудыте вже безъ усякого мылосердiя...

Трублаевычъ мовчкы стыснувъ йому руку.

Ще одна зламана несчасна людына... и тамъ, де винъ стриты iи не сподивався.

Въ цю хвылыну въ дверяхъ черезъ кимнату показалысь полковныкъ и прокуроръ. Полковныкъ стурбовано поводывъ навколо своимы склянымы очыма и вытеравъ хусткою лысыну. Винъ бувъ червоный, якъ велыка перчына.

— Такъ я складаю зъ себе одвичальнисть!.. — говорывъ винъ.

Трублаевычъ подумавъ, що й це тежъ несчасна людына, скута прыказамы и инструкціямы, рутыною гнылого складу жыття.

— Не турбуйтесь, все гараздъ буде,—казавъ, прощаючысь, прокуроръ.

Черезъ килька хвылынъ и Трублаевычъ выходывъ одъ прокурора зъ дозволомъ побачытысь зъ Любою. Винъ зайихавъ за Мыколою Петровычемъ въ банкъ, потимъ зайихалы до дому до Говорецькыхъ и забралы тамъ усе, що наготувала Вира Степановна для дочкы, й пойихалы до тюрмы. Вира Степановна плакала.

Йихалы мовчкы. Колеса фаетона стрыбалы по выбоинахъ вымощенои каминемъ дорогы, и ихъ торохтиння стояло въ ушахъ обохъ ихъ. Передъ тюрмою стрилась купа арестантивъ. Ихъ велы въ городъ.

Говорецькый глянувъ и одвернувся. Винъ уявывъ соби, що й Любу отакъ можуть повесты по городу на глумъ усимъ знайомымъ. Колы пидйиздылы до тюрмы, винъ оглянувся навколо: чы нихто не бачыть, що винъ йиде въ тюрму? Але тутъ уже було поле, й тильки геть дали йшла процессія на кладовыще и звидтиль доносылысь урывкы спиву: „святый... безсмертный...“ Процессія увиходыла въ камяннy браму кладовыща и на выду зоставалысь тильки килька фаетонивъ, що йихалы за процессіею.

Визныкъ повернувъ зъ дорогы прямо до тюрмы. Серце батька стыслось, и колы винъ почувъ пидъ колесамы замисто твердои камянои дорогы мняку грунтову, йому здалось щось подибне до того, що земля може провалытысь пидъ колесамы. И винъ цупко ухопывся рукою за фаетонъ.

Писля уже знайомыхъ Трублаевычови ходивъ и переходивъ, воны опынылысь въ тій самій кимнати, де винъ бувъ у першый разъ. Це була тюремна „прыйомна“. И зновъ воны дожыдалысь Любы досыть довго. Вона увійшла спокійна й стрымана, и тильки щось нибы подибне на усмишку майнуло на ій блидому, теперъ пожовклому облыччи, колы вона одповила на батькове прывитання словамы:

— Здрастуйте, тату!

Зъ Трублаевычемъ вона прывиталась мовчкы, и винъ одійшовъ геть въ кутокъ кимнаты, щобъ даты волю перемовытысь батькови й дочци. Теперъ стражныка въ кимнати не було. Винъ стоявъ за дверыма.

— Любочко, що-жъ це зъ тобою? Чого це ты натворыла?— звернувся до дочкы Мыкола Петровычъ, и въ голоси його Трублаевычъ уперше почувъ справжню щыристь.

— Ничого, тату,—одмовыла Люба.

— Якъ же ничого?... За що-жъ тебе взялы... сюды?

Говорецькый узявъ дочку за руку. Вона не вытручала рукы, але й не одвичала на батькове стыскання.

— За те, за що й другыхъ теперъ беруть. Вы думаете, тутъ мало сыдыть?—запытала вона батька.

— Яке мени дило до другыхъ!... Я-бъ може самъ половыну перевишавъ отыхъ жыдкивъ та лодыривъ, але ты... ты... дочка моя?... Ты задумала бунтовать, ты держала у мене въ доми якись тамъ гыдотни книжкы?... На що жъ це похоже? Чого тоби не выстачало?... Чы прыгадаешъ ты хочъ одынъ разъ, що-бъ ты прохала чого, и тоби було одмовлено?...

— У тимъ то й сыла, що одни мають все, а други ничого. Одни утопають въ роскошахъ, а други пухнуть зъ голоду!...— ризко промовыла Люба, и кинцы устъ ій затремтилы.

— Що жъ зъ того? Не можна-жъ усимъ буты богатымы. Треба комусь буты й биднымъ. Уже такъ ведется на свити.

— И такый порядокъ треба зминыты.

— Э, серденько, николы цього не буде!

— Буде!

Мыкола Петровычъ покрутывъ головою.

— Памъятаешъ ты покійну Парасковью Панкратовну, памъятаешъ, якъ вона, бувало, каже: „Николы не може буты ривности мижъ людьмы. Колы-бъ зибраты до купы все багатство и роздилыты сьогодни поривну мижъ всимы людьмы, то уже-бъ завтра зновъ булы багати й бидни. Бо одынъ працює, заробляе, а другый пьянствуе, ледарствуе.

Говорецькый сподивався, що цей аргументъ переконае Любу, але вона тильки осмихнулась.

— Це говорыла людына, що сама за свій викъ пальцемъ объ палець не вдарыла, а тильки гроши на проценты виддавала. Це философія сытыхъ, забезпеченныхъ людей. Колы такои ривности немае, то ій треба утворыты, бо такъ жыть, якъ теперъ жывуть люде, не можна.

— Ну, й нехай ціеи ривности добываются ти, що ій бажають, а тоби то що?

— И я ій бажаю.

— На що вона тоби?

— Бо безъ неи мени шматъ хлиба становытся впоперекъ горла!

Говорецькый замовкъ. Винъ почувавъ, що говорыть не те, що було-бъ слидъ говорыть, и що не часъ теперъ и тутъ уговорюваты Любу, и що винъ николы цього не зможе зробыть. Бо його Люба це зовсимъ не та людына, за яку винъ ii мавъ. И жаль, змишаный зъ досадою й образою, вдарывъ йому въ серце.

— Онъ маты прыслала тоби... чого нужно,—сказавъ винъ суворо.

— Спасыби,—одмовыла, не глянувшы навить на пакунокъ, Люба.

И зновъ розмова увирвалась.

— Тоби погано тутъ... Я буду клопотатысь, щобъ узяты тебе на порукы.

— Не треба.

— Якъ такъ?...

— А такъ—не треба.

— Чому-жъ це тоби тутъ такъ подобается?—уже зъ легкымъ роздратуваннямъ запытався Говорецькый.

— Тому не треба, що я не хочу видризняты своеи доли видъ доли тихъ, що тутъ сыдять. Внесты залогу за всихъ вы не зможете, то й за мене не треба.

— Та що тоби воны?—скрыкнувъ Говорецькый.—Що воны тоби,—браты, сестры, батько, матиръ, ота вся по.... погань!

— Браты й сестры,—твердо одповила Люба.

— Колы такъ, то... Колы...—Говорецькый запнувся. Винъ хотивъ сказать гостре й жорстоке слово, але спынывся и тильки увесь почервонивъ.

— Такъ чого жъ тоби треба?—спытавъ винъ, трохы оправывшысь.

— Мени ничого не треба,—сказала Люба, выдиляючы слово „мени“.—Спасыби, що навидалысь.

Вона повела очыма й на Трублаевыча, Той стоявъ биля викна и дывывся весь часъ на неи. Теперъ погляды ихъ зустрилысь вперше.

— Правда, Иване Мыхайловычу, що золоторотци бьютъ земцивъ и Дубраевськiй побылы викна? Тутъ чуть...

— Правда,—одповивъ той.—Тильки Дубраевськiй былы не золоторотци. Ii прыйнялы за шпыга.

— То неправда,—сказала, подумавшы, Люба.—Передайте видъ мене уклинъ Соломiи Францовни.

— Добре.

Говорецькый пидвивсь зъ мисця. Люба тежъ встала.

— Що-жъ, такъ ты не хочешъ... до дому?

— Ни, хочу. Тильки теперъ, заразъ—не можна. Цилуйте маму й Ганусю. Нехай не журятся.

Батько й дочка мовчкы поцилувалысь.

Трублаевычъ затыснувъ лыста въ руку и пидійшовъ тежъ попрощатысь. Винъ мицно зтысъ Любыну руку въ своій и на хвылыну задержавъ въ своій. Рука Любына, почувшы лыста, затремтила и ворухнулась, щобъ вытручатысь, але Трублаевычъ стыснувъ свою руку ще крипше и сказавъ зъ выразнистю:

— Прощайте! Я йиду въ одпускъ.

Вона пидняла на його очи. Погляды ихъ зустрилысь и якись знайоми обомъ люби искры перебиглы въ ихъ. И имъ здалось, що воны безъ сливъ зрозумилы одне одного...

Трублаевычъ одвернувся...

Люба взяла пакунокъ и пишла зъ кимнаты. Говорецькый пишовъ у слидъ за нею.

Йихалы назадъ мовчкы. Говорецькый бувъ холодный, якъ лидъ. Винъ тильки важко дыхавъ. Трублаевычъ тежъ бувъ сумный и мовъ задеревенилый.

Воны такъ пройихалы килька вулыць. На перехрести до ихъ кынулысь телеграмщыкы зъ новымы телеграмамы.

— Высочайшій манифестъ!.. Высочайшій манифестъ!..

— Мобилизація!.. интересная!.. Отъ генерала Лыневыча!..

Одынъ хлопець трохы не вскочывъ зъ телеграмою въ фаетонъ, тычучы ій Говорецькому. Той злисно одштовхнувъ ій:

— Геть!.. Якъ собакы, лизете зъ своимы мобилизаціямы!...

— Купуйте, интересная!..

Говорецькый намирывся на його палыцею.

— Ха, ха-ха! А що нарвавсь на покупця? — дратувалы хлопця товарыши.

— А йдить вы!.. Телеграма интересная, кынувся винъ черезъ дорогу, забачывшы якогось вусатого панка

— Иване Мыхайловычу! Иване Мыхайловычу!.. — гукавъ вусачъ на Трублаевыча й махавъ рукою.

То бувъ Донда. Трублаевычъ злизъ зъ фаетона, попрощався зъ Говорецькымъ и пишовъ зъ Дондою. Винъ бувъ дуже чымсь зтурбованый, але злисть уже утыхомырылась у йому.

— Вы знаете, що зо мною трапылось? — спытавъ винъ.

— А що?

— Шурку мого арештувалы!..

— Колы?

— Цю ничъ.

Теперъ Трублаевычъ догадався, чого лютувавъ зранку Донда.

— Я не знаю, що це таке робыться... Бьють людей, бьють викна, забирають кого попало!.. Що-жъ це таке?.. Це й мене заберуть!..

Донда розводывъ рукамы й прудко блымавъ очыма.

— Ну, васъ не визьмуть!

— Хто знае! Теперъ часъ такый. Тамъ онъ що-ночи роскыдають лысткы, щобъ быть жыдивъ, та жыдивъ, бачъ не бьють, а бьють земцивъ та студентивъ. Уже былы-бъ жыдову, або-що, зирвалы-бъ уже злисть на ій!..

Трублаевычъ стрепенувся.

— Що це вы кажете? А жыды хиба не люде?

— А, одынъ грець!.. Колы вже быть кого, такъ жыдивъ. У нхъ уся прычына.

Донда понызывъ голосъ.

— Вы подывиться, якъ жыды вертять у насъ у банку. За нымы наши руськи вси задню пасуть!..

— А хто-жъ тому выненъ, колы туды зъ жыдивъ попалысь розумни люде, а зъ нашыхъ дурни, мовчуны, що усе-бъ на печи лежалы.

— Такъ то такъ, а все такы... Онъ воны якусь самооборону выгадалы. Кажуть, у доктора Зельмана найшлы складъ бомбъ, револьверивъ та нагаивъ:

— А що жъ робыть колы нхъ скризь, по всій Украини, то тутъ, то тамъ мордують наши хрещени люде?

— Ни, диждутся воны своего и въ насъ!..

Донда навить забувъ и про свою прыгоду, колы розмова зайшла про евреивъ. Винъ ихъ ненавыдивъ всіею своею душею и въ той-же самый часъ нихто въ банку такъ не запобигавъ передъ евреямы, якъ винъ. Трублаевычъ згадавъ про це, и йому стало гыдко слухаты Донду. Винъ выгадавъ якусь прычыну и попрощався на перехрести зъ нымъ. У банкъ пообищавъ зайты ще завтра.

— А я йду до Вернышапкы, порадытысь за Шуру, — сказавъ на прощанни Донда.

Вернышапка бувъ дрибный базарный облакатъ.

Трублаевычъ усмихнувся самъ соби; скильки питьмы й непорозуминь сыдыть у цій сывій круглякуватій голови, и скильки ій сыдыть въ головахъ усихъ, усихъ кого винъ знае въ цьому городи!

VII.

Трублаевычъ йихавъ до дому. Спершу пятьдесятъ верстъ стуготилы колеса дилижанса по мерзлій земли, теперъ прытакувалы колеса вагона по рельсахъ и пидъ те прытакування снувалысь його думкы. Усе, що чувъ и що бачывъ за останни дни й часы, часткамы, мовъ вырынаючы зъ якоись темрявы, зновъ ставало передъ нымъ и потимъ зныкало невидомо куды. Мовъ бурхлывый витеръ выкыдавъ зъ якогось темного провалля шмаття туману и зновъ новымъ и новымъ подыхомъ розбывавъ, розрывавъ и гнавъ кудысь геть те хвылювате, непостійне шмаття.

Колеса гуркотилы, а серце стукало й соби ривно-ривно: такъ-такъ... Усе й повынно буты такъ. Ота безпрымирна по жорстокости несчасна война — война на Далекому Сходи, и ця война дома на два фронты, вси непорозуминня, вси зайви, зовсимъ непотрибни жертвы, — все воно й повынно було буты такъ, якъ есть. Життя не може стояты нерухомо, а його прымушувалы топтатысь на тимъ самимъ мисци сорокъ литъ... якъ слона въ зоологычному саду въ Москви. Його прысыплялы, його сковувалы, але рано чы пизно воно повынно було розирваты вси пута. И ось воно ихъ рве. И вже теперъ не такъ, якъ сорокъ литъ назадъ, що

... рабства цѣпь великая
Порвалась и ударила
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику...

Сотни кайданивъ трищать и лопаются що-дня, и бьють кого попадя, бьють правого, бьють и вынуватого, бьють слипо. Збурылось життя и встало хвылямы, якъ счорниле роздратоване море, и встають по йому то тутъ, то тамъ гризни буруны. Встають, и йдуть, и ревуть. И зныкають, щобъ зновъ десь прокынутысь. Кышиневъ... Житомыръ... Петербургъ... Катерынославъ... Баку... Курскъ... и ще й ще, безъ кинця. Скризь прохоплюется гнивъ життя... И крычать и стогнуть буревисныкы, вищуючы щось страшне...

Крычать буревисныкы и вищуютъ гнивъ жыття, и на чорному сходи ще не выдно а ни крапли свиту, ни одного проминя.

Гей, чы прорвешся ты, свите, кризь оту темряву, чы пролешъ ты цилющый бальзамъ и въ душы тихъ, кого убывають, и въ душы тихъ, котри убывають?

А серце каже свое: такъ-такъ.

— Чы такъ?

И Трублаевычъ прокыдается, щобъ зновъ потонуты въ думахъ, якъ Эльборусъ увечери заволикается хмарамы.

Крычать буревисныкы, а за нымы й друге дрибне птаство. Каркнула ворона, гыдко порснула шулика и жваво закрычалы-зацокотилы горобци, навить смыренна курка—й та роздратовано заквоктала й ладна вчепытысь пазурамы у кожного, хто зачепе іи.

Буде буря!

Ти сотни кайданивъ, що рвутся й тамъ и сямъ, усихъ бьють, усимъ роблять раны. И немае кинця краю тымъ, кого воны бьють. И скризь раны, и всюды кровъ и сльозы. И винъ самъ раненый йиде оце туды, де умырае його пидбыта матиръ, де мучыться сестра, де...

— Ахъ, немае кинця тымъ мукамъ!—скрыкуе Трублаевычъ и прокыдается видъ думъ.

Въ вагони темряво. Все сире: и стины, й люде, и навить самый свитъ лыхтаря. Тютюнный дымъ хмарою навысае надъ людьмы. А люде, мовъ пидбыти, посклякалы якъ попадя, и ти сплять, ти дрымають. Онъ тильки, недалеко, загорается хвылына одъ хвылыны червоный огныкъ видъ цыгаркы. Тамъ у затинку сыдять двое якыхся людей и стыха балакають.

„Объ чимъ воны розмовляють?“—думае Трублаевычъ, и зновъ думкы, свои власни думкы, оповывають його.

Винъ не буревиснык, винъ не боець, винъ—обмирковапый чесный робитныкъ. Винъ вире, що поступъ людського жыття роблять не войовнычи поклыкы буревысникивъ, а рукы й мозокъ робитныкивъ, уперта нескинченна ихъ праця, а колы треба й кровъ. Поступъ роблять людськи массы, яки еволюціонирують дуже нескоро, дуже поважно, але певно, безъ повороту назадъ.

„Людськи массы... А ото що?“

Викно биля його почервонило. Десь була пожежа. Винъ вдывлявся кризь скло и бачывъ тильки, що десь недалеко видъ зализныци въ сели пожежа. Винъ выйшовъ на кганокъ.

Пойиздъ бигъ по-надъ селомъ, що сыдило десь въ балци, и тильки крайни хаты та верхъ церквы було выдно Трублаевычови. Горилы край села велыки довги скырты. Ихъ було килька и горилы ще тилькы дви ти, що булы перши проты витру. Згорять уси. Людей не було выдно, и тильки собакы на сели пиднялы гвалтъ.

— Це пидпалъ,—сказавъ хтось зъ тыхъ, що тежъ выйшлы зъ вагона.

— Панське добро горыть...

— Туды й дорога!

— Колы не намъ, то й не тоби!

Трублаевычъ оглянувся и побачывъ залыти червонымъ сяевомъ облыччя мужыкивъ. Воны сміялысь.

— А хиба не можна було зробыты такъ, щобъ було и йому й вамъ?—спытавъ винъ.

— Мабуть, що не можна!

— Эге, побалакай зъ нымъ!.. Отака розмова краща. Нехай почухается!..

— А колы-бъ вамъ зробывъ оттаке хто-небудь, биднишый за васъ, щобъ вы сказалы?—спытавъ Трублаевычъ.

— Биднише насъ немае.

— А може й есть... Подумайте.

— Э, що тамъ казать: теперъ такый часъ наставъ, що нычого не розберешъ!—озвався хтось зъ гурта и вси замовклы.

Пойиздъ лынувъ дали. Трублаевычъ увійшовъ у вагонъ. У його въ очахъ ще стоялы червони жеручы языкы полумья и винъ ще не збувся вражиння блыскучыхъ видъ пожежи очей отихъ людей, що стоялы зъ нымъ на кганку вагона.

Непорозуминня й непорозуминня...

Тяжки непорозумиппя.

Винъ зновъ сыдивъ и думавъ свои думкы, а колеса вагона выбывалы:

— Непо—розу—минпя!

— Непо—розу—минпя!

И такъ безъ кинця.

— Колы-жъ мы вси порозуміемось?—спытавъ Трублаевычъ.

Одповиди не було.

„Некультурный, темный народе, темный одъ верху до нызу, ты звыкъ до тіеи темрявы, звыкъ до тіеи нечысти, що опосила тебе, и ты не почувавъ ихъ. Хто тебе знае, чы ты й теперъ почуваешъ ихъ, колы тебе збужено громамы гарматъ, збужепо

тимъ, що выпущено кровъ зъ сотень тысячъ сынивъ твоихъ! Ты тильки почынаешъ ворушытысь и хапаешся за що попало, и бьешъ, и топчешъ ворогивъ и друзивъ своихъ. Ты онъ справляешъ Нероновськи огненни бенкеты и пускаешъ за витромъ добро, скоплене твоимъ же потомъ. А весною у тебе выдохне зъ голоду твоя худоба, и ничымъ буде тоби борозны вывесты на убогій, черезъ твій недоглядъ, ныви! Колы наука просвитыть твій розумъ, бидный народе мій, колы ты навчышся цинуваты прыдбання культуры и власну свою працю?“

И на ци запытання нѣ найшовъ одповиди Трублаєвычъ.

М. Чернявськый.

(Кинець буде).

На святъ вечиръ.

(Риздвяне оповидання).

Тыхо блымала передъ иконою лампадка. Въ ній догорялы останни крапли олывы, купленои на останни шагы Олександры. Тыхъ крапель не могло постачыты и до першыхъ пивнивъ, и молодыця, спершысь рукою объ лутку свого маленького, вымережаного морозомъ виконця, дывылася зъ тяжкымъ смуткомъ, якъ все тоньшае та тоньшае тонечьке темне кружалко олывы въ лампадци, все ныжче та ныжче спускается гнитъ до воды. На души ій було тяжко, на серци — неспокійно, въ голови — немовъ ти бджолы, гулы—рижни думкы, все невесели.

Скильки памьятала себе Олександра — це була перша Меланка, колы на столи ій лежалы, замисць высокыхъ пшенышныхъ паляныць на опари та варенykивъ, яшни пырогы зъ немащеною картоплею; першый святый вечиръ, колы въ скрыни не було шага на свичку — першый щедрый вечиръ такый убогый на ій вику.

Що сталося? Якъ могло такъ статыся, що божныця ій буде у таке велыке свято у питьми? Якъ допустыла вона себе до того? Чы справди не було снагы розстараться на якый грывенykъ про свято, чы то тильки вона, ледача, не схотила розстаратыся?

Молодыця перекынула въ памяти вси дни одъ самого Спаса. Воны булы вси заповнени спишною, негайною працею, клопотамы. Прыгадала вси зароблени копійкы — воны пишлы вси до центу то на хлибъ, то на платкы... Вона допытувала свою совисть щыро, безъ мылосердія, и не знайшла ніякои провыны за собою. И все-жъ такы ця самосповидь не заспокоила ій: порожня лампадка такъ докирлыво мыготила, святи лыкы иконъ такъ сумно чорнилы у куточ-

ку—чы не покарае ще Господь ій та чоловика на диточкахъ ихнихъ за такый грихъ превелыкый? О! чомъ вона хочъ не выпрохала, не выплакала, не позычыла шкляночкы олывы? Чому, дурна, не прырозумила хочъ продать свою зелену хустку, добрячу зелену хустку зъ довгымы жовтымы кытыцямы, ще покійной матери? Такъ, такъ: вона мала ту хустку продаты, натомисть соби паганьшеньку купыты та ще олывы прыдбаты. Чомъ же вона такъ не зробыла? Чы ій не однаково, якою хусткою вывьязатыся? Чы ій та хустка мылиша за спасеніе души? Хиба збудыть чоловика та послать заразъ зъ хусткою до Мотри? Вона колысь зазырала на ту хустку — хай выминяе теперъ на чорну або карткату, або яку тамъ хоче, а на додачу дасть пляшку олывы. У Мотри йе олыва—у неи все йе: и кинь, и вивци, и сало, и молоко, и... У неи йе все, чого душа забажае. Тай не тилько въ неи... Йе у людей всякого добра такого, щой онукамъ не пожыты... У Мотри нова хата,... велыкый городъ,... у неи повна пляшка олывы... Послаты чоловика — хай понесе зелену хустку... хай несе швыдче... На, несы... Заминяй на абы яку... покажы кытыци... яки довги... Гнитъ въ лампадци затрищавъ.

Маты Божа! — кынулася молодыця — це я закуняла мабуть: прыверзлося щось. Авже-жъ такъ, що заснула... Треба посыдиты, поки чысто догорыть. А диточкы, хвалыты Бога, мицно сплять. И Матвій спыть... Хай спыть — хай не бачыть, якъ наша лампадка погасне. Хай спыть — хай сонъ гарный бачыть: сонъ проты Меланкы, неодминно кажуть, справдыться... Хай снятся йому диточкы наши у доброму здоровьячку; хай бачыться йому наша хата зъ свитлымы та велыкымы виконцямы, хай ввыжается нывка зъ высокымъ, густымъ жытомъ, колосыста пшеныця. Ни, пакъ, пшеныця хай не снытся: пшеныця, кажуть, навмирущому... Хай снытся йому зеленый степъ, густый перій, шыроки ланы, якъ кылымомъ вкрыти... Ни, и квиты хай не снятся: квиты—на сльозы,— хай найкраще снытся йому сонце, мисяць та ясни зорі, хай щебечуть йому птахы рижни, хай лунають писни — то все проты гарного гостя, проты гарныхъ звистокъ... Звистокъ! Ой Боже мій. Якыхъ то звистокъ ще й на цей рикъ сподиватыся? Чы бажать ихъ, чы хотиты ще й на дали тыхъ звистокъ? Чы не годи? Чы не досытъ ихъ? чы то не ти звисткы помутылы мою голову? Чы то не воны лежать на души моій важкымъ каминемъ? Чы то не воны мій спокій збентежылы? Не нашылася, не напрялася — все немовъ весны сподивалася, якъ осинь, якъ пивъ-зимы перейшло не счулася— до святого Вечора не выготовылася. За тымы чуткамы-звисткамы не дойпдала, ночей не досыпляла... Чы то-жъ ще не вси

переслухала? А гостя... Якого гостя намъ сподиватыся? Батькы давно въ сырій земли лежать; далека родына не схоче забыватыся, сусида не схоче до порожньои чаркы частуватыся, а божый странныкъ не схоче у святый вечиръ проты темнои халупы нашои зупынятыся. Въ хати заразъ стемніе. Лампадка ледве-ледве блыма... Все неспокійнише, все частише мыготыть вогонь — не постачыть и до пивнивъ... Колы-бъ хочъ трохы... ще трошечыки... хоть чарочку олывы...

И, бачытъ вона, увиходе въ хату чудовый юнака. Винъ въ самій сорочци, але вызброенъ увесь, якъ до бою. Темно-русяви кучери закынути назадъ: ясне высоке чоло безъ жодного зморщечка сяе; горлыный, якъ выточеный, нисъ; блиди, склеплени, тонки уста опущени зверху темнымъ вусомъ. Блакытни, велыки, ясни очи дывлятся такъ прыязно, такъ любо..... Винъ увійшовъ певнымъ крокомъ людыны, що прынесла добру звистку; увійшовъ такъ тыхо, якъ увиходе хиба маты въ кимнату, де сыдять іи диточкы; винъ увійшовъ такъ смилыво — немовъ бы у свою власну оселю.

Въ одній руци винъ трымавъ велыку сулію; въ другій — блескучу хрущталеву шкляпку.

— Я прынисъ тоби олывы — мовывъ красунь такъ прыязно та любо, немовь то самъ янголъ зъ неба обизвався.

— Спасеть тебе Господь, добрый чоловиче,—зрадила молодыця.—Налый-же мени повну лампадку, колы твоя ласка, щобъ постачыло и на завтра на весь день свитыты.

— Я всимъ одмиряю одніею миркою — стыха видмовывъ юнака.

— Дай скильки можешъ, скильки хочешъ, и хай Богъ благословыть тебе за те, що не помынувъ ты моеи хаты.

По блидимъ устамъ красуня промайнула гирка ухмилка, въ очахъ видбывся невымовный смутокъ. Винъ сумно похытавъ головою.

— Я чымсь розгнивыла тебе? — злякалася молодыця. Пробачъ, мій жаданный госте! Пробачъ, не гнивайся! Зведы свои ясни очи, обизвыся словомъ, стань такымъ прывитнымъ, якымъ увійшовъ до мене. Юнака тяжко зитхнувъ.

Ты пробачышъ мени? Ты гниваешся! Такъ скажы-жъ хочъ, за вищо? Дай мени спокутуваты мою тяжку провыну передъ тобою.

Навищо ты подякувала мени, необачно сестро? — мовывъ сумно та докирлыво красунь. Завишо ты такъ тяжко образыла мене? Ты подякувала мене за те, що я не мынувъ твоеи хаты

але-жъ хыба ты десь не чула ничого? Не знаешъ? хыба я можу помынуты чыю небудь хату? Чы то я не за кожну однаково душу носывъ довги рокы кайданы? Чы то я не однаково всимъ вамъ, кревнымъ, виддавъ на офиру серце свое?

И красунь розирвавъ тенетку и оголывъ передъ молодыцею груды, а заразомъ и серце свое.

Все покраене, поколоте, покрыте выразкамы, зъ якыхъ ще капотила кривъ, воно, знесылене, тильки-тильки тьопалося, тильки-тильки що жыло.

— Братику ридный! Мученыку безталанный!.. Молодыця прыпала до найглыбшои выразкы, и дыво! серце раптомъ швыдко забылося, кривъ перестала капотиты.

— Я поверну до жыття твое серце, я згою вси твои выразкы, мій братику ридный! — мовыла безъ миры осчаслывлена такымъ дывомъ молодыця и, ухопывшы свою зелену — чудову зелену, зъ довгымы кытыцямы, хустку, замирылася вже розирваты іи на двое, щобъ перевьязаты покривавлени груды юнакы.

— Не треба, не треба! — спынывъ іи красунь. Твое едыне слово: „братъ“ найцилющиши ликы всихъ знахаривъ земли. Те слово, дорогше мени за волю, за жыття; за те слово я здатенъ знову закуты свои рукы въ кайданы, здатенъ вси мукы перетерпиты наново вдруге. Дэй-же мени куды одмиряты тоби масла. Я загаявся у тебе, а мени треба всихъ надилыты.

Молодыця подала лампадку. Юнака пиднявъ вгору сулію, пиднявъ свою крышталеву чарку, ставъ налываты.

Дывысь, дывысь: якась темна краплына ныкае по денцю въ пляшци — показала молодыця на сулію, де справди насподи чорнило якесь пьятенце.

— Це кривъ, — видповивъ юнака.

Кривъ?.. Скризь кривъ — стильки крови. Скризь твоя неповынна кривъ, мій мученыку!

Красунь похытавъ головою:

— Ни, то не моя кривъ. Моя кривъ — блида, свитла, чыста, а це — темна, важка кривъ тихъ, що жывотилы весь викъ вашымъ кривавымъ потомъ, годувалы дитей своихъ вашою працею, свитылы зъ вашого воску свичкы по святыхъ храмахъ. Це йихня олыва — вона ваша. Я взявъ іи у йихъ за-для васъ, — але взявъ зъ бою, и ця краплына крови ихньои.

— Геть! геть... одійды! я не хочу твоеи олывы! — крыкнула молодыця. Геть! я бачу кривъ на твоихъ рукахъ, я чую, якъ кривъ душыть зъ твоеи блескучои чаркы.

— Я прыйшовъ за тымъ, щобъ всихъ надилыты, и я налью тоби...

— Не треба, не треба — хай краще гасне моя лампадка.

— Ты не бачыла, не знаешъ, якъ ясно моя олыва горыть, а колы я налью та запалю...,—ставъ щыро умовляты юнака.

Не треба, не треба! — перехопыла ричъ гостя молодыця и простягла свою руку, щобъ не допустыты його до своеи лампадкы.

Чоло красуня насупылося, вздовжъ його лягла глыбока зморшка, въ очахъ блыснула гризна искра, зъ усихъ выразокъ серця потекла кривъ...

— Божевильна! Чы на те я виддавъ серце свое на мукы, щобъ ты сыдила у святый вечиръ безъ свитла? Чы на те поспишався до тебе, щобъ покынуты тебе у питьми? Я сылою налью тоби олывы, — мовывъ юнака и, одпихнувшы геть молодыцю, заповнывъ до верху лампадку.

Вона спалахнула, немовъ сотня гнотивъ вразъ занялася, и вся хатына до останнього куточка у пидпиччи освитылася, якъ у день.

— Загасы, о загасы ii — це кривъ горыть передъ святою ыконою!—кынулася навколишкы передъ красунемъ молодыця и... прокынулася.

Лампадка давно погасла. Въ хати було темно.

До смерти перелякана Олександра кынулася до чоловика розсказуваты йому свій сонъ.

— Не бійсь, дурненька, — то нечыста сыла наши злыдни спокушае.

Гаразд, що ты не поласылася: диждемо, допоможе Господь, олывы и безъ крови, — мовывъ зъ певнистью Матвій и, осинывшы велыкымъ хрестомъ вси куткы своеи темноi хаты, додавъ жинци: лягай та спы безпешно: мени снылося—наче свитова зирка зійшла.

Л. Яновська.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку, въ 1762 году. Въ одной изъ указныхъ книгъ Роменской протопопіи XVIII вѣка мы нашли интересный указъ Кіевской дух. консисторіи, отъ 17 декабря 1762 года, священникамъ Роменской протопопіи, послѣдовавшій вслѣдствіе жалобы на священниковъ Лубенскаго полка со стороны Лубенскаго полковника Ив. Кулябки. Этотъ полковникъ писалъ Кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому, что въ полку Лубенскомъ опредѣлено имъ полковникомъ и утверждено гетманомъ Разумовскимъ, чтобы дѣти выборныхъ и подпомощниковъ козаковъ,—„а ихъ (дѣтей?) де выбрано и нынѣ выбирается до трехъ тысящъ“,—обучались чтенію и письму у приходскихъ дьячковъ. Такимъ учительнымъ дьячкамъ обѣщана особая, по договору съ прихожанами плата, кромѣ ручнаго дохода. А между тѣмъ нѣкоторые сельскіе и городскіе священники Лубенскаго полка, какъ жаловался на нихъ полковникъ Кулябка, препятствуютъ этому благому начинанію: одни изъ нихъ употребляютъ дьячковъ на свои частныя работы и распоряжаются ими, какъ своими подданными, отвлекая отъ занятій въ приходскихъ школахъ; другіе умышленно, по своимъ прихотямъ, смѣняютъ своихъ дьячковъ, безъ вѣдома и согласія прихожанъ, назначая на дьячковскія мѣста своихъ сыновей, неспособныхъ къ церковному пѣнію и школьному обученію дѣтей. По резолюціи митрополита, Кіевская дух. консисторія сдѣлала соотвѣтственное предписаніе священникамъ Лубенскаго полка, чтобы они не употребляли дьячковъ въ свои частныя работы и не смѣняли ихъ безъ вѣдома и согласія прихожанъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о благопріятныхъ результатахъ просвѣтительныхъ стремленій Лубенскаго полковника. Да едва ли и были такіе результаты.

Нужно замѣтить, что въ первой половинѣ XVIII вѣка причетники въ Малороссіи не принадлежали къ духовному сословію, а были какъ бы вольнонаемными, опредѣлявшимися изъ сословій козацкаго, мѣщанскаго и крестьянскаго. Но этотъ порядокъ опредѣленія малорусскихъ причетниковъ имѣлъ свои значительныя невыгоды. Дьячки, пономари и ктиторы, избираемые изъ низшихъ сословій, всегда могли быть отняты у приходской церкви и возвращены въ первобытное состояніе. Такъ и бывало на самомъ дѣлѣ. Въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Переяславской епархіи былъ такой случай, что въ одно прекрасное утро всѣ церкви Переяславскаго полка остались безъ причетниковъ и ктиторовъ, которые, будучи изъ козаковъ, всѣ потребованы были Переяславскимъ полковникомъ, по его капризу, къ дѣйствительному выполненію козацкой службы. Въ виду подобныхъ случаевъ, малорусскіе преосвященные стали назначать въ причетники и ктиторы, неиначе, какъ съ дозволенія и по увольнительнымъ свидѣтельствамъ отъ козацкой старшины, мѣщанскихъ обществъ и помѣщиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали заботиться объ образованіи обособленнаго духовнаго сословія, изъ котораго можно было бы получать причетниковъ, независимыхъ отъ козацкой старшины, городскихъ и сельскихъ обществъ и помощниковъ. Этого они достигли путемъ прикрѣпленія дѣтей духовенства къ духовному сословію и обязательнаго привлеченія ихъ къ священно и церковно-служительскимъ должностямъ. Дѣти духовенства, обязанные учиться въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, обыкновенно опредѣлялись въ причетники и могли достигать впослѣдствіи священническаго и діаконскаго сана.

На этой стадіи развитія духовнаго сословія въ Малороссіи и застаетъ его жалоба Лубенскаго полковника Кулябки на священниковъ его полка, что они устраняютъ выборныхъ прихожанами причетниковъ и назначаютъ въ дьячки своихъ сыновей, т. е. замыкаютъ церковный причтъ въ тѣсныя рамки духовнаго сословія. Поэтому, нельзя вполнѣ довѣрять и свидѣтельству полковника Кулябки, будто бы нѣкоторые священники назначали дьячками такихъ сыновей своихъ, которые оказывались недостойными этого званія, вели неправственную жизнь и не способны были къ церковному пѣнію и школьному обученію. Вѣдь сыновья священниковъ, поступившіе въ дьячки, большею частію были изъ школьниковъ, получившихъ болѣе высокое образованіе, чѣмъ начетчики изъ простого народа. Жалоба полковника Кулябки была лишь проявленіемъ сословной борьбы козачества съ формировавшимся духовнымъ сословіемъ.

Но духовное сословіе въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка настолько уже расплодилось, что при Екатеринѣ II оказалось

нужнымъ сдѣлать разборъ и малорусскому духовенству и очистить его отъ излишнихъ и ненужныхъ ему силъ. Слѣдовательно, усилія полковника Кулябки и вообще козаковъ остановить ростъ духовнаго сословія остались безплодными и не могли имѣть тѣхъ благихъ послѣдствій для общенароднаго образованія, какихъ онъ ожидалъ или какими прикрывался въ своихъ жалобахъ на мѣстное духовенство Кіевскому митрополиту.

Приводимъ самый указъ, къ сожалѣнію въ копіи, не чуждой описокъ и ошибокъ.

Н. П.

„Того декабря 15 писменно заручная Преосвященного Арсенія, архіепископа митрополита Кіевского, Галицкого Малия Россіи на мнѣніе духовной консисторіи состоялась резолюція такова: понеже въ писмахъ господина полковника Лубенскаго Іоана Кулябки, къ его преосвященству присланыхъ, объявляется, что въ полку Лубенскомъ, въ наблюденіе православного закона и къ способнѣйшему впредъ указнихъ велѣній исполненію, виборнихъ и подпомощниковъ козаковъ дѣти,—а нихъ де вибрано и нинѣ вибирается до трехъ тысящъ,—книжного чтенія и писанія, по учрежденію его господина полковника и по високой его сіятельства графа, ясновелможного господина гетмана, сенатора, генерала фелтмаршала и многихъ ординовъ кавалера, апробаціи, обучаться; находящіись же де въ полку Лубенскомъ нѣкоторіе мѣскіе и сельскіе священики, какъ съ представленій сотскихъ старшинъ дойшло ему полковнику вѣдать, дячковъ во всѣ свои привати, поиздки и посилки употребляютъ, работая оными какъ би своими поданими безпрестанно, и тѣмъ въ обученіи козачихъ дѣтей причиняютъ немалую остановку и помѣшателство, а болше де того ежечастими тѣхъ дячковъ безъ вѣдома и согласія парохіянъ, по однимъ своимъ прихотямъ, умишленно перемѣнами пересѣкаютъ и вовся козачихъ дѣтей ученіе; и при томъ по представленію сотника Курѣнского Івана Стефановича въ полковую Лубенскую канцелярію показано, что протопопіи Пирятинской намѣстникъ Курѣнскій Павелъ и братъ его Андрей Петрановскіе со обществомъ прихожанами наставленного дяка Григорія Губаровского, которій де къ пѣнію церковному и къ пильности ученія дѣтей дѣйствително годится и содержалъ себе всегда постоятелно, завзявъ гнѣвъ и злобу, чтоби какъ синовъ своихъ въ то званіе вомѣстить, потоль на него гонили гоненіе, пока онъ принужденъ отъ того званія устороніться, и такимъ де средствомъ оние священники къ тому дяковскому званію каждий синовъ своихъ, якіе къ пѣнію нескусни, якъ и обученію дѣтей, за безпрестаннимъ пянствомъ, а къ

тому неприлѣжаніемъ, крайне не годятся, учредили, которіе де, не помѣстясь во двоихъ въ единой школѣ и завзявъ между собою ссоръ, оставя школу въ пустѣ, живутъ по своимъ домамъ; вибрание же ради обученія книжного малчики когда къ нимъ дякамъ поповичамъ прійдутъ на обученіе, то они и не обучая книжного чтенія употребляютъ въ домашнія послуги; за какимъ де непорядкомъ священниковъ оние козачие дѣти принуждени оставаться безъ ученія; и для того просилъ онъ господинъ полковникъ во всѣ протопопіи полку Лубенского сроґия притверженія учинить, чтобъ мескіе и сѣлскіе священники дячковъ ни въ какие свои посилки и поездки з собою ни з домашними ихъ отнюдь не употребляли и онихъ по однимъ своимъ прихотямъ, безъ вѣдома и согласія парахіанъ, ни подъ какимъ видомъ не перемѣняли, да и въ обученіи козачихъ дѣтей писменой грамоти, даби они того напрасно лишаться не могли, и малѣйшаго препятствія и помѣшателства имъ не чинили, якожъ де они дячки за таково обученіе имѣютъ получать себѣ настоящую по договору, сверхъ ручного приходу, отъ прихожанъ постановленого, заплату.

Духовного же Регламента въ правилномъ прибавленіи о презвитерахъ, подъ числомъ 21, что касается до прописаного обявленихъ намѣстника Павла и брата его Андрея поступкахъ, запрещено при церквахъ попамъ, не припуская во церковники чужихъ, своими синами или сродниками мѣстъ того служенія зачислять, кромѣ инихъ, благословнихъ винъ, для того найпаче, что тако удобнѣе попу неистовствовать, о служеніи и порядкѣ нерадѣть и расколниковъ покривать, и того ради повелѣно епископамъ весма зло сіе пресѣкать, а противное творящихъ поповъ жестоко наказивать; почему буди означеніе намѣстникъ Павелъ и братъ его Андрей Петрановскіе гоненіемъ своимъ на дячка Григорія Губаровскаго его дячка принудили устраниться, а къ тому дяковскому званію синовъ своихъ учредили, то тое ими священниками въ противность духовному Регляменту учинено, и тому, буди оное по изслѣдованіи точно такъ явится, пресѣкти должно. Для того его преосвященства консисторіи велено де по усмотренію своему кому изъ духовнихъ о томъ онихъ намѣстника Павла и брата его Андрея дѣйствіи надлежащее слѣдствіе произвесть, и потомъ духовной консисторіи разсмотря съ мнѣніемъ его преосвященству представить.

Что же касается прошенія полковника о притвержденіи, даби мескіе и селскіе священники дячковъ по однимъ своимъ прихотямъ, безъ вѣдома и согласія парохіянъ, ни подъ коимъ видомъ не перемѣняли, толко оние представляются для доброго дѣла, означенного въ

обоихъ его полковника писмахъ, и въ разсужденіи сего, что кромѣ того предъ симъ и отъ нѣкоторихъ епархіи его преосвященства дячковъ, и по слѣдствію явилось, что нѣкоторые священники сами собою безъ общаго прихожанского на то соизволенія и безъ всякой вини дячковъ отставляли и на мѣсто ихъ сродниковъ своихъ опредѣляли, для того духовной консисторіи нинѣ въ предосторожность въ полку Лубенскомъ находящимся священникамъ учинити подтвержденіе, чтобъ они безъ вѣдома и согласія парохіянъ дяковъ не перемѣняли. Тако жъ что надлежитъ и до употребленія священниками дячковъ во свои привати и поѣздки и посилки, о томъ хотя его преосвященству отъ дячковъ никакихъ прозбъ, слѣдственно никакого извѣстія нѣтъ, однако жъ и о томъ во предосторожность же священникамъ потвердить, даби то, если гдѣ оказалось, всесовершенно пресѣчено было, и впредь того происходить не имѣло. А даби школьники по школамъ безъ пашпортовъ священническихъ, при коихъ они въ школахъ были, принимании не были, о томъ въ пресѣченіе, по требованію его полковника, указами Ея Императорскаго Величества протопопамъ съ правленіями изъ духовной консисторіи для распубликованія вѣдомства ихъ священникамъ притвердить же.

Во исполненіе которой его преосвященства писменной заручной резолюціи, по опредѣленію духовной консисторіи, оной Ея Императорскаго Величества указъ изъ духовной консисторіи въ духовное Роменское Правленіе для вѣдома и дѣйствителного исполненія и честностямъ вашимъ распубликованія и присланъ.

О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губерніи. Всѣмъ извѣстно, въ какой сильной степени отражались измѣненія общественнаго строя малорусскаго народа на его пѣсняхъ. Всѣ главнѣйшія событія изъ жизни народа порождали новыя пѣсни и думы, начиная по крайней мѣрѣ отъ отдаленнаго IX вѣка и оканчивая событіями новѣйшаго времени, какъ напримѣръ—войной съ Китаемъ, о чемъ пѣсня въ свое время была приведена на страницахъ „Волыни“. Историческія пѣсни малорусскаго народа—это „поэтическая исторія общественныхъ явленій въ Южной Руси“, какъ свидѣтельствуетъ М. Драгомановъ. Въ нашихъ селахъ и хуторахъ молодежь и понынѣ распѣваетъ тѣ пѣсни (б. ч. щедривки и колядки), въ которыхъ разсказывается о событіяхъ вѣка дружиннаго и княжескаго. Въ извѣстномъ сборникѣ Вл. Антоновича и М. Драгоманова приводится множество пѣсенъ вѣка дружиннаго и княжескаго. Въ настоящей замѣткѣ мнѣ хочется остановиться на одной изъ такихъ пѣсенъ, помѣщенной на страницѣ 22 названнаго

сборника подъ заглавіемъ „*Князь и сыновья его на удѣлахъ*“, и присоединить сюда нѣсколько новыхъ пѣсенъ того-же характера, слышанныхъ мною въ м-чкѣ *Воронежѣ*, *Черниговской губерніи*, *Глуховского уѣзда*, отъ моей матушки, бывшей крѣпостной крестьянки г. Чуйкевича, друга знаменитаго писателя П. А. Кулиша. Въ „Зап. о Ю. Руси“ (т. I. 196) П. А. Кулишъ приводитъ такую щедривку о *князѣ и сыновьяхъ его на удѣлахъ*..

Славенъ, славенъ да панъ NN.
Щедрый вечиръ!
Ой чымъ же винъ славенъ?—Трома городамы.
Щедрый вечиръ!
Трома городами, *своимы сынамы*
Щедрый вечиръ!

Потомъ, говоритъ г. Кулишъ, слѣдуетъ исчисленіе городовъ, которыми обыкновенно бываютъ: Кіевъ, Черниговъ и тотъ городъ, который ближе къ селу. Сыновья сидятъ въ городахъ и каждый имѣетъ свою заботу: одинъ собирается на войну, другой на охоту, третій на свадьбу; къ сожалѣнію *я не помню словъ этой щедривки*, слышанной мною въ дѣтствѣ подъ окнами родительскаго дома (въ Черниговской губ., въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Воронежѣ), но каждый согласится, что она *изображаетъ князя и его сыновей на удѣлахъ*“.

Родившись въ томъ же м-чкѣ Воронежѣ, Черниговской, губ. и проведя въ немъ, такъ же какъ и Кулишъ, свое дѣтство, я тоже неоднократно слышалъ эту щедривку подъ окнами родительскаго дома и даже самъ распѣвалъ ее въ компаніи своихъ сверстниковъ подъ окнами сосѣдскихъ домовъ, но я никогда не слышалъ, чтобы въ этой щедривкѣ говорилось что-нибудь о сыновьяхъ удѣльнаго князя.

Чтобы не быть голословнымъ, привожу цѣликомъ самую щедривку такъ, какъ поется она у насъ въ м-чкѣ, и можетъ услышать ее всякій интересующійся даннымъ вопросомъ:

Славенъ, славенъ молодецъ NN
Щедрый вечоръ, щедрый вечоръ!
Ой чимъ же винъ славенъ?—Трома городами.
Трома городами, *своимы слугамы*
Щедрый вечоръ (2 раза)
Слугы мои молодыи (щ. в.)

Запрягайте кони вороныи (щ в.)
Пойидемо у Міръ-городъ (щ. в.)
У Міръ-городъ у Міръ землю (щ. в.)
Визьмемъ соби помиряночку (щ. в.)
Помиряночку, короливнычку (щ. в.)
Отцу, матери на послужечку (щ. в.)
Мени молодому на подружечку (щ. в.)
Отцу матери слуга буде (щ. в.)
Мени молодому пара буде (щ. в.)
Отцу, матери дило робыты (щ. в.)
Мени молодому въ гости ходыты (щ. в.)
Ой бувай здоровъ славный козаче! (щ. в.)
Славный козаче молодець NN
Не самъ съ собою, съ отцомъ съ матерью (щ. в.)
Съ мылымъ Богомъ, съ усимъ родомъ
Щедрый вечоръ, щедрый вечоръ!...

Такъ поется эта пѣсня у насъ въ м-чкѣ, на родинѣ Кулиша. Другой какой-нибудь подобной у насъ теперь не знаютъ. Какъ видитъ читатель, здѣсь рѣшительно ничего не говорится ни о князѣ на удѣлахъ, ни о его сыновьяхъ.

Приведу кстати и другія щедривки и колядки, которыя поются молодежью у насъ въ м-чкѣ Воронежѣ и по настоящее время.

Наканунѣ Новаго года дивчата гурьбами отправляются щедровать. Подошедши къ окну сосѣдской избы, одна изъ дѣвушекъ стучитъ пальцемъ въ обмерзшее стекло и спрашиваетъ:

— Хозяинъ дома?
— Дома!—доносится отвѣтъ.
— Благословить щедровать!
— Щедруйте!

Впрочемъ иногда хозяева соглашаются не сразу и на предложенія: „благословить щедровать!“ отвѣчаютъ:

— Ничимъ дарувать!
— Якъ це ничимъ?
— Грошей нема.
— Чому-жъ це у васъ грошей нема?
— Не заробылы!
— Чомъ-це вы не заробылы?
— Да щедруйте вже, — що зъ вамы робыть!

— Кому?
— „Нашій дивчыни!“

Дѣвушки поютъ:

Ой въ сàду, въ сàду
Сàду выноградy (щедрый вечоръ 2 раз.)
Тамъ стояла
Билая береза,
Билая береза,
Тонка высока,
Тонка высока
Лыстямъ шырока.
Що на тій берези
Кора золотая
Кора золотая
Жемчужная роса.
Де не узялыся райськіи пташкы
Обдзьовбалы золотую кору
Золотую кору.
Жемчужную росу
Крылечкамы обтрепалы.
Де не узялася дивка Пронечка
Позбирала тую
Золотую кору,
Золотую кору
Жемчужную росу
Понесла вона къ золотарыкамъ.
Золотарыкы мои братикы!
Искуйте мени тры кубочка,
Тры кубочка, тры нарядочка.
Первый кубокъ — отцу-матери,
А другой кубокъ брату та сестри,
А третій кубокъ мылому та мени.
Отцу-матери — шумное пыво,
Братику та сестри зеленое выно,
Мылому та мени
Солодокъ да медокъ.
Да бувай здорова, красная пани,
Красная пани

Дивка Пронечка!
Добрый вечоръ!..

Подъ другимъ окошкомъ поютъ другую щедривку:

Що въ Кыиви да на рыночку (Щедрый вечоръ)
Тамъ Маруся садъ садыла
Садъ садыла, говорыла: (щ. в.)
Росты саду выше мене,
Выше мене, краще себе (щедр. вечоръ)
Щобъ яблучка—буйнесеньки,
А оришкы—дрибнесеньки (щ. в.),
А ягодкы—краснесеньки (щ. в.)
Яблочкамы—пидкыдатыся,
Оришкамы—забавлятыся (щ. в.),
Ягодкамы—красоватыся (щ. в.),
Да бувай здорова, красная пани!
Красная пани, дивка Маруся!

Приведу еще одну щедривку, въ которой черезвычайно сильно подчеркивается грѣховность нелюбовнаго и непочтительнаго отношенія къ родителямъ:

Сивъ Исусъ вечеряты (щедрый вечоръ, 2 раза)
Прышла къ ему Божая маты (щ. в.)
Покынь, сынку, вечеряты (щ. в.)
Возьмы, сынку, райськи ключы (щ. в.)
Одомкны, сынку, рай и пекло (щ. в.)
Повыпускай, сынку, гришніи душы (щ. в.)
А одной душы не выпускай, сынку (щ. в.)
Одна душа согришыла: (щ. в.)
Отця матеръ полаяла (щ. в.)
Не полаяла—подумала... (щ. в.)
Ой бувай здоровъ,
Пане господаре
Не самъ съ собою
Съ своею женою...
Вечоръ добрый!..

Вечеромъ наканунѣ Рождества у насъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Украйны, молодежь распѣваетъ подъ окнами хатъ колядки. Однѣ изъ

нихъ позднѣйшаго характера и носятъ шутливый характеръ, другія же несомнѣнно являются памятниками сѣдой старины,—вѣка дружиннаго и княжескаго.

Вотъ варіантъ колядки, „Боярське святанье“, помѣщенный въ сборникѣ Антоновича и Драгоманова:

Ой рано, рано куры запилы
Святый вечоръ!
Ще ранійшъ того Иванко уставъ,
Лучкомъ позвонывъ,
Бративъ побудывъ.
Ой вставайте, братци, коней сидлайте!
Коней сидлайте, хортивъ склыкайте!
Мы пойидемъ на ловы
Въ зелени дубровы
Ой тамъ навидавъ куну въ дереви,
Куну въ дереви, дивку въ теремі,
Хай же вамъ, братци, всимъ по куныци,
А мени молодому дивка въ теремци.
Вечоръ добрый!

Въ слѣдующей колядкѣ сюжетъ тотъ-же самый.

А въ пана въ пана—хазяина
Святый вечоръ
Передъ дверыма стоить калына,
Пидъ калыною Егорко ходывъ,
Егорко ходывъ рученьки ломывъ,
Рученькы ломывъ, батенька просывъ:
„Ой, тату, тату, ожены мене,
Ожены мене, не бары мене“
„Ой, сынку, сынку, кого-жъ ты любышъ?
„Я тую люблю, що пидъ сонцемъ ходыть
Ой, сынку, сынку, тожъ намъ неровня,
Тожъ намъ неровня, то-жъ короливна.
А сватай, сынку, Кузьмыну дочку,
Кузьмыну дочку, дивку Пронечку.
Ой тожъ намъ ровня—не короливна“.
Да бувай здоровъ, славный козаче!
Славный козаче молодець Егорко!
Святый вечоръ!..
Вечоръ добрый.

Въ заключеніе, еще одна колядка шутливаго характера:

„Колядынъ, колядынъ,
Святый вечоръ
Я въ батька одынъ.
Дайте ковбасу,
Батьку понесу.
Дайте кишечку,
Изйимъ въ затышечку.
Маты казала,
Шобъ прынисъ сала.
Батько сварився,
Щобъ не барився!..
Вечоръ добрый!.,

Населеніе нашего (Глуховскаго) уѣзда, находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ великороссами, живущими за р. Клевенью, и съ бѣлорусссами, живущими за Десной, въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ, пріобрѣло нѣкоторыя новыя особенности языка, нарушившія его первообразную классическую чистоту; забылись даже нѣкоторыя старинныя малорусскія слова, какъ напримѣръ—куна, хортъ и др., но всѣ старыя пѣсни съ не совсѣмъ понятными словами твердо держатся въ народной памяти, и въ настоящій моментъ, какъ и сотни лѣтъ тому назадъ, поются въ торжественныхъ случаяхъ крестьянской трудовой жизни. Въ этомъ отношеніи нашъ уѣздъ, какъ давнишній рубежъ Украйны, можетъ служить блестящимъ примѣромъ того, что жива и крѣпка словесность малорусскаго народа и что всѣ частушки и лакейскія новѣйшія пѣсни, искусственно прививаемыя солдатчиной, теряются, какъ негодная шелуха, исчезаютъ, какъ волны и пѣна, нисколько не затрагивая крѣпкаго народнаго ядра, мощной толщи народной.

Иванъ Абрамовъ.

Къ исторіи взаимныхъ отношеній малороссійскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей въ XVIII вѣкѣ. Данныя, оставшіяся намъ въ наслѣдіе отъ 18 вѣка, съ несомнѣнностью убѣждаютъ въ томъ, что въ то время между свѣтскими властями Малороссіи и духовенствомъ существовали, вообще говоря, отношенія непріязненныя. Вотъ тому лишнее доказательство.

Въ самомъ началѣ 1730 г. архіепископъ черниговскій Иродіонъ Жураковскій (1722—1733 г.г., ум. 1736 г. на покоѣ), и епископъ переяславскій Іоакимъ Струковъ (1727—1730 г.г, ум. 1742 г. на Воро-

нежской каѳедрѣ) сообща подали въ синодъ жалобу на дѣйствія малороссійскихъ свѣтскихъ властей. Пункты жалобы таковы: 1) съ 1729 г. гетманъ Даніилъ Павловичъ Апостолъ (1727—17 Января 1734 г.г.) установилъ съ духовенства „сборы такіе, каких за прежных гетманов не собирано"; къ тому же 2) „зборщики зѣло о дачѣ зборов стужают"; 3) гетманъ „мимо архіереєв" „в разных дѣлах и церковных церемоній отправленіях, яко то молебнов и протчего" „своими указами черезъ полковниковъ и сотниковъ" „духовных управителей турбуетъ". Послѣднее обстоятельство особенно не нравилось архіереямъ, и потому они съ особенною настойчивостью просили: „дабы гетманъ въ пересылкѣ указовъ о чемъ либо насъ и подчиненных наших не вѣдал и указовъ не присылал". Другая жалоба послана была 13 января 1730 г. въ синодъ отъ духовенства Черниговской епархіи, за подписями архіепископа Иродіона, 2 архимандритовъ, 6 игуменовъ, 1 протопопа и 4 священниковъ—намѣстниковъ. Въ этомъ прошеніи синоду черниговское духовенство жаловалось на слѣдующее: „Мимо его преосвященства старшини здешніе мирскіе инимъ намъ делаютъ молебни отправлять, инихъ по дѣламъ своимъ влекутъ к совѣтамъ в канцеляріи по земскимъ дѣламъ, которіе до насъ не надлежат, со всѣхъ же обще требуютъ зборовъ, и інная ісполняти повелѣваютъ на немалое наше затрудненіе, и против прежняго в знатную обиду". Прошеніе заканчивается просьбой оказать „таковую милость": „дабы впредь о молебствіи ль, о подате ли, и о чемъ либо точномъ, до насъ духовенства быти имущемъ" „мірским властем мимо" синода и архіерея „не вѣдатъ". Наконецъ, еще одно прошеніе черниговское духовенство подало на имя императора Петра Второго. Оно всецѣло было посвящено протесту по поводу новыхъ сборовъ, взимаемыхъ съ духовенства—„противъ пунктовъ Богдана Хмельницкого". (Моск. Арх. м-ства юстиціи, дѣла сената по малоросс. экспедиціи, № 78—1805).

Вл. П—ко.

Заговоръ отъ бешыхы записанъ въ д. Ново-Александровкѣ, Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губ. Господи Сусе сине Божий, стань на поміч. Як був собі пустий чоловічище, та заняв собі пусте постановище; та зробив собі пустий чоловічище пусте плужище; та впорав пустий чоловічище пусте постановище [1]); та посіяв пустий чо-

---

[1]) Нива—тобъ-то, як розъяснює шептуха.

ловічище пусте пшеничище; та скосив пустий чоловічище пусте пше, ничище; та повіз пустий чоловічище у пусте млинище; та змолов пустий чоловічище пусте пшеничище; та спік чоловічище пусте коржище. Та розійдись бех і ти бешишище од стрібне од ридне, трудове, рудове тут тобі не стояти, жовтої кости не ломати, червоної крови не розбивати. Іди собі на очерета, та на болота, де вітеръ не віе і собаки не брешуть. Амінь.

Щоб помоглось, то треба пошептать три рази по девять. Шепчуть зорями: у вечорі і до схід сонця. Як у останній раз шепче, то подуе на бешиху і скаже: Ти духни, Спаситель, своім духом.

(Записано 19 студня 1905 року).

Текущія извѣстія.

Некрологъ. 12-го января въ Москвѣ скончался послѣ продолжительнаго недуга извѣстный ученый, профессоръ Московскаго университета, *Николай Ильичъ Стороженко*. Имя покойнаго пользовалось такой громкой славой ученаго не только у насъ, но и заграницей, такой почетной извѣстностью профессора-человѣка, что утрата Н. И. Стороженка болью отзовется въ сердцахъ всѣхъ, кому дороги истинныя блага родины. Нашъ журналъ, связанный духовно съ почившимъ нашимъ сотрудникомъ, съ удвоенной грустью помѣщаетъ эти строки: мы потеряли въ немъ, подобно всѣмъ, не только крупную ученую силу,—мы лишились одного изъ крупнѣйшихъ представителей защиты нашихъ украинскихъ культурно-общественныхъ задачъ, а въ частности изслѣдователя нѣкоторыхъ, наиболѣе трудныхъ, страницъ въ жизни Т. Шевченка и его кружка. За нѣсколько дней до его кончины мы получили отъ покойнаго его новогодній подарокъ журналу--статью подъ заглавіемъ „Кирилло-Меѳодіевскіе заговорщики“. Письмо, сопровождавшее эту статью, свидѣтельствовало о его крайне болѣзненномъ состояніи здоровья, т. к. оно писано не его рукой, а подъ диктовку, и грустными нотами вѣетъ отъ его содержанія. Эта посмертная статья Н. И. Стороженка будетъ нами напечатана въ слѣдующемъ номерѣ; тогда-же мы посвятимъ почетной памяти его особую статью.

Памяти украинскаго дѣятеля Романа Сембратовича. Въ концѣ минувшаго года получена была грустная вѣсть о смерти молодого украинскаго дѣятеля Р. Сембратовича. Памяти его посвящены были

прочувствованныя строки, написанныя И. Стешенкомъ (Кіев. Откл. № 348), выдержки изъ которыхъ мы здѣсь помѣщаемъ.

„Что можно сказать для характеристики Сембратовича, какъ общественнаго дѣятеля? Ничего лучшаго и болѣе характернаго, какъ то, что онъ былъ редакторомъ „Ruthenishe Revue".

Что такое названный журналъ по своимъ цѣлямъ и содержанію? Этотъ органъ, издаваемый въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ, посвященъ защитѣ украинскихъ интересовъ. Онъ имѣлъ, до сихъ поръ, цѣлью показать Европѣ и всему міру, что существуетъ украинскій народъ, что онъ обиженъ въ самыхъ элементарныхъ правахъ.

Какъ высока начертанная задача этого органа и какимъ громаднымъ подспорьемъ являлась его дѣятельность въ борьбѣ за свободу Украины, говорить излишне. И эту важную, эту трудную задачу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выносилъ на своихъ слабыхъ плечахъ одинъ Сембратовичъ. За эти нѣсколько лѣтъ онъ для выполненія своей задачи сдѣлалъ много, слишкомъ много.

Въ рядѣ статей, написанныхъ его немногочисленными сотрудниками, а больше имъ самимъ, Сембратовичъ познакомилъ міръ со всѣми характерностями украинскаго движенія, со всей душой родного народа. Литература, искусство, экономическая и общественная жизнь и всѣ другія проявленія духовной и матеріальной мощи Украины нашли себѣ прекрасное выраженіе въ нѣмецко-украинскомъ органѣ.

Но главной струной, на которой игралъ Сембратовичъ, чтобы затронуть лучшія чувства міровыхъ дѣятелей въ пользу Украины, былъ указъ 1876 г., осуждавшій ея духовную жизнь на гибель.

И произведенное статьями „R. Revue" на умственный міръ Европы, Америки и даже Азіи (Японія) впечатлѣніе было громадное. Момзенъ, Брандесъ и цѣлый рядъ подобныхъ имъ великихъ міровыхъ дѣятелей были потрясены представленнымъ имъ въ органѣ Сембратовича открытіемъ.

„Вы сдѣлали для меня великое открытіе въ лицѣ украинскаго народа" — писалъ ему приблизительно въ такихъ выраженіяхъ одинъ изъ европейскихъ корифеевъ. „Да, стоитъ жить послѣ сдѣланнаго вами открытія великой борьбы Украины за свою національность", писалъ другой корифей.

Цѣлая брошюра составилась изъ такихъ отзывовъ міровыхъ корифеевъ, но она пока еще мало извѣстна россійской да, пожалуй, и украинской публикѣ.

Независимо отъ того, въ пользу украинской націи начато было на западѣ цѣлое движеніе. Докладъ, напримѣръ, объ Украинѣ въ палатѣ французскихъ депутатовъ произвелъ сенсацію, и высказано было даже

мнѣніе о необходимости передать этотъ вопросъ на обсужденіе гаагской конференціи. Словомъ, Сембратовичъ открылъ для міра нашу народность, заинтересовалъ и даже поразилъ ею лучшіе умы Европы, и въ этомъ неоцѣненная его заслуга передъ родиной.

Но какъ вершилъ свое дѣло этотъ неутомимый работникъ?

Слабый и больной чахоткой, отъ которой и умеръ, Сембратовичъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы дать жизнь своему органу. Онъ былъ галицкій украинецъ; идея основанія органа возникла тамъ-же; на деньги русинскаго посольскаго клуба въ Вѣнѣ онъ и содержался. И тѣмъ не менѣе, литературныхъ и матеріальныхъ силъ было мало. И вотъ Сембратовичъ рвется на части, чтобы добыть эти необходимые источники существованія органа.

Съ матеріальными средствами онъ еще кое-какъ слаживаетъ, въ особенности, благодаря помощи лицъ сочувствующихъ; но съ литературнымъ матеріаломъ ему приходилось плохо, несмотря на безконечную бомбардировку съ его стороны письмами, между прочимъ, и россійскихъ украинцевъ. Къ этому присоединилось еще и то, что нѣкоторая часть галицкаго общества отнеслась сначала къ „Ruth. Revue“ не вполнѣ дружелюбно. И вотъ при такихъ условіяхъ приходилось работать Сембратовичу, со дня на день ожидая, что любимое имъ и безусловно великое дѣло должно прекратиться по недостатку то матеріальныхъ средствъ, то литературныхъ работниковъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ успѣлъ совершить многое и умирая, на своемъ посту, какъ воинъ, могъ имѣть — увы, послѣднее утѣшеніе — что онъ прожилъ для своей родины недаромъ.

Пусть же будетъ вѣчная память на страницахъ родной исторіи этому вѣрному сыну украинскаго народа!

———

Премированный словарь украинскаго языка. Въ 1881 году покойнымъ Н. И. Костомаровымъ внесена была въ Императорскую Академію Наукъ сумма въ 4000 руб. съ тѣмъ, чтобы этотъ капиталъ вмѣстѣ съ процентами былъ выданъ за лучшій изъ представленныхъ на разсмотрѣніе Академіи словарей украинскаго языка. Съ того времени назначалось Академіей Наукъ нѣсколько сроковъ для представленія словарей на преміи, но ни къ одному изъ нихъ не было представлено труда, который былъ-бы удостоенъ этой преміи. Такъ-какъ за 20 съ лишнимъ лѣтъ капиталъ значительно увеличился приростомъ процентовъ, то въ общемъ собраніи Академіи Наукъ 4 мая 1902 года постановлено было объявить двѣ преміи, ихъ которыхъ *первая* составляется изъ 4000 руб. съ процентами до 1891 года, когда былъ назначенъ первый срокъ для представленія словаря; проценты-же, накопившіеся на капиталъ съ

1891 года, образуютъ *вторую премію*. Срокъ представленія словаря былъ назначенъ 1 января 1905 года.

Къ этому сроку былъ представленъ, между прочимъ, словарь, составленный редакціей „Кіевской Старины“ и окончательно средактированный Б. Д. Гринченкомъ. Въ видѣ дополненія къ этому словарю, представленъ былъ также редакціей „Кіевской Старины“ особый томъ матеріаловъ для словаря письменной южно-русской рѣчи XV—XVIII ст., составленный по порученію редакціи Е. К. Тимченкомъ. Словарь этотъ, имѣющій свою довольно обширную исторію, съ которой мы въ ближайшемъ будущемъ познакомимъ нашихъ читателей, удостоенъ Академіей Наукъ 29 декабря 1905 г. *второй преміи* Н. И. Костомарова. На соисканіе преміи было представлено всего три словаря, разсмотрѣнные особой комиссіей Академіи Наукъ при участіи А. І. Лященка, уроженца Украины. Первая премія осталась неприсужденной никому. Отзывъ объ этихъ словаряхъ данъ былъ академикомъ А. А. Шахматовымъ.

По полученіи изъ Академіи Наукъ рукописи этого словаря, редакція „Кіевской Старины“ сейчасъ-же приступитъ къ печатанію его.

Къ изданію народной украинской газеты. Предсѣдатель петербургскаго „Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“ А. А. Русовъ напечаталъ въ нѣкоторыхъ газетахъ слѣдующее письмо:

Въ № 321 газеты „Наша Жизнь“ за прошлый годъ была помѣщена слѣдующая телеграмма:

Шанхай, 24 октября. Щірим серцем зпочуваючи кожному поспіху рідного краю, дякуемо шановну редакцію і всіх діячів і прихильників українськойі справи і просимо доручити предсідателеві Мордовцеву на запомогу першім українськім виданням евангелія 200 рублів и часописі народнёйі—200 р.

Українська громада Шанхая.

Деньги, переведенныя по телеграфу въ редакцію газеты нашими земляками изъ далекаго края, переданы были мнѣ, какъ предсѣдателю правленія „Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“, замѣстившему покойнаго Даніила Лукича Мордовцева, и сданы въ сберегательную кассу правленіемъ Общества. Тогда-же я черезъ посредство газеты „Наша Жизнь“ обратился ко всѣмъ сочувствующимъ развитію украинской письменности съ просьбою послѣдовать примѣру шанхайцевъ и присылать пожертвованія на изданіе народной украинской газеты по моему адресу (СПБ., Офицерская, 36, Александру Александровичу Русову). При этомъ я высказалъ мысль, что нелишне было-бы, кромѣ такой газеты на малорусскомъ языкѣ, издавать въ

С.-Петербургѣ газету на русскомъ языкѣ, посвященную интересамъ Украины, и просилъ жертвователей (если они будутъ)—обозначать, какого рода газету они предпочтутъ.

Изъ сдѣланныхъ до настоящаго времени пожертвованій, кромѣ назначенныхъ мною 500 рублей на украинскую народную газету только одинъ жертвователь предназначилъ свой рубль на изданіе русской газеты въ С.-Петербургѣ; другіе согласились свои взносы раздѣлить поровну на изданіе русской и украинской газеты, если денегъ соберется много; въ противномъ случаѣ взносы свои предназначали на народную украинскую газету (такія лица пожертвовали вмѣстѣ 50 рублей). Всего поступило 1389 р.

Съ 24 декабря 1905 года въ Полтавѣ начала выходить подъ редакціею М. Дмитріева и Гр. Коваленка въ типографіи г. Маркевича еженедѣльная газета „Рідний Край“, которая по стилю и языку можетъ быть названа вполнѣ народною газетою.

До тѣхъ поръ, пока Государственная Дума не издастъ незыблемыхъ законовъ о свободѣ печати, всѣмъ желающимъ служить словомъ родной Украинѣ, остается только продолжать дѣло, начатое шанхайскими земляками нашими, и собирать деньги на изданіе или существующей уже газеты „Рідний Край“, или той украинской народной газеты, существованіе которой не будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія мѣстныхъ администраторовъ. Поэтому я еще разъ обращаюсь ко всѣмъ, сочувствующимъ шанхайцамъ, продолжать пожертвованія, отчетъ о полученіи которыхъ обязуюсь публиковать до тѣхъ поръ, пока они не будутъ переданы въ редакцію будущей народной украинской газеты. Пожертвованія же на изданіе въ С.-Петербургѣ русской газеты я отказываюсь принимать въ виду незначительности суммы, поступившей до настоящаго времени. и лицамъ, не желающимъ измѣнить назначенія своихъ пожетвованій, возвращу ихъ взносы.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *А. Русовъ.*

— —

Украинскія періодическія изданія. Благодаря измѣнившимся законамъ о періодической прессѣ, въ послѣднее время явилась возможность изцавать украинскіе журналы и газеты. За короткій срокъ появился цѣлый рядъ публикацій о такихъ изданіяхъ, изъ которыхъ иныя уже осуществились и продолжаютъ выходить, иныя вышли въ свѣтъ, но вскорѣ, не по своей волѣ, пріостановились, и наконецъ нѣкоторыя остаются пока только опубликованными.

Первой ласточкой появилась небольшая народная еженедѣльная газета „Хліборобъ“, издававшаяся въ г. Лубнахъ (полтав. губ.), но

послѣ нѣсколькихъ номеровъ пріостановленная. Вслѣдъ затѣмъ въ Полтавѣ начала издаваться еженедѣльная газета „Рідний край“; пробный номеръ ея вышелъ 24 декабря 1904 г., а затѣмъ съ 5 января 1906 г. началось правильное изданіе ея, и до сихъ поръ вышло четыре номера, послѣдній изъ которыхъ былъ у насъ въ рукахъ отъ 27 января. Съ 1 января начала выходить въ Кіевѣ ежедневная газета „Громадська Думка“, пріостановленная послѣ 21 номера. Съ 6 января въ Кіевѣ-же появился и первый номеръ еженедѣльнаго сатирическаго изданія съ каррикатурами „Шершень“, который продолжается и до сего дня (вышелъ 4-й номеръ 27 янв.). Кромѣ того, были объявлены изданія: 1) въ Петербургѣ — „Вільна Україна“, ежемѣсячный журналъ; 2) въ Одессѣ — „Народня Справа“, еженедѣльная газета; послѣ перваго номера была пріостановлена; „Вісті“, ежедневная газета, и „Нова Україна“, ежедневная газета; 3) въ Кіевѣ — „Нова громада“, ежемѣсячный журналъ (еще не выходилъ); „Рада“ — ежедневная газета; 4) въ Москвѣ — „Україна“, ежедневная газета, „Зоря“, иллюстрированная еженедѣльная газета, и „Хата“, ежемѣсячный журналъ; изъ нихъ на первыхъ парахъ выйдетъ только „Зоря“.

Малорусскій языкъ въ народной школѣ. Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія отъ 10-го сего января, согласно полученнымъ нами свѣдѣніямъ изъ Петербурга, допущена въ библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ юго-западнаго края книжка на малорусскомъ языкѣ „Лира и ii мотивы“, авторомъ которой является извѣстный въ нашемъ краѣ организаторъ малорусскаго хора въ с. Охматовѣ, докторъ Демуцкій. Названная книжка представляетъ собою сборникъ хорошо обработанныхъ малорусскихъ пѣсенъ, колядокъ, псалмовъ и пр. Такимъ образомъ долговѣчный запретъ, тяготѣвшій до самого послѣдняго времени надъ народной рѣчью и мѣшавшій ея проникновенію въ школу, отходитъ въ область исторіи. Пожелаемъ, чтобы первая ласточка въ лицѣ книжки д-ра Демуцкаго явилась началомъ весны и расцвѣта для малорусской культуры. („Свобода и Право“ № 25).

Справа з українським перекладом евангелії Останні три місяці не було ніякої чутки про те, що діється з українським перекладом євангелії Морачевського, чи його таки друкують, чи ні. Носилась навіть так чутка, либонь се діло зовсім залишено, яко річ „преждевременную“. Тепер маємо певну звістку, що остання чутка поки-що неправдива. Перекладъ євангелії таки друкується, хоч і занадто поволі: за яких чотирі місяці досі надруковано аж повних 11 глав Матвія, а гла-

ва 13—18 ще тільки в корректурі. Кого треба винуватити в такім нечуванім гаянні — чи московську синодальну друкарню, чи каменецьких справщиків, які виправляють переклад Морачевського — про те докладно не зуміємо сказати. В усякім разі не годилось би так занадто баритися з таким важним ділом. („Громадська думка“ № 16.)

Гроші на пам'ятник Шевченкові. Чернігівське губернське земське зібрання постановило дати на пам'ятник Шевченкові тисячу карбованців. Даватимуть п'ять років по двісті карбованців. Постановлено прохати повітові семства, щоб і вони дали на це грошей, опріче того збиратимуть на це гроші повсій Чернігівщині. Зібрання хоіли б, щоб пам'ятник поставлено не пізніше 1914 року, бо тоді виходе сто років з дня нарождення Шевченкового. (Гром. Думка)

— **Министерство внутреннихъ дѣлъ** разрѣшило Прилукскому уѣздному земству открыть въ предѣлахъ уѣзда сборъ пожертвованій на сооруженіе памятника Т. Шевченко въ г. Кіевѣ. (Полт. Вѣст № 953).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

(Двадцать седьмой годъ)

на ежемѣсячное-литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Условія подписки:

	годъ	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
съ доставкой и перес.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
за границу:	14 р.	10. 50.	7 р.	3. 50.	1. р. 25

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Адресъ редакціи: Москва, Ваганьков. пер. домъ Куманина. Отдѣленіе конторы. СПБ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

Редакторъ *В. М. Лавровъ.*

Редакторъ-издатель *В. А. Гольцевъ.*

Изданія годъ III.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1906** ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЯ НОВОСТИ.

Въ 1906 г. „Елисаветградскія Новости" будутъ выходить въ увеличенномъ форматѣ по образцу столичныхъ изданій.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное ближайшее участіе:

Князь В. В. Барятинскій, Маркъ Волоховъ, Вертеръ, Л. Григоровъ, Гарке, Голосъ (псевдонимъ), В. В. Деменитру (Иренъ), В. Т. Жукъ, Зео, А. С. Изгоевъ, З. П. Карево, Кравченко, В. С. Лапидусъ (Lapis), Е. Н. Любичъ, Н. В. Левитскій, Н. Ѳ. Марковъ, С. В. Мірской, Молчаливый, Nemo (псевдонимъ), Г. С. Орловъ, Ю. Е. Писарева, В. Т. Пономаревъ, Михаилъ Павловичъ, И. Б. Тенеромо, В. фонъ-Мореншильдтъ, Шейхъ-Гассанъ (псев.), Я. К. Яковлевъ.

Кромѣ телеграммъ собственныхъ корреспондентовъ, будутъ печататься также телеграммы „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства".

Иллюстрированныя приложенія будутъ выходить по мѣрѣ надобности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Елисаветградѣ.		Для иногороднихъ.	
На годъ	7 р. 20 к.	На годъ	8 р. — к.
„ ½ года . . .	4 р. — к.	„ ½ года . . .	4 р. 50 к.
„ 3 мѣсяца. . .	2 р. 10 к.	„ 3 мѣсяца. . .	2 р. 50 к.
„ 1 „ . .	— р. 70 к.	„ 1 „ . .	— р. 85 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ 3 срока:

1) Въ Елисаветградѣ: при подпискѣ 3 р. 20 к., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 р.

Для иногороднихъ: при подпискѣ 4 р., 1-го апрѣля 2 руб. и 1-го августа 2 руб.

За пересылку за-границу доплачивается 1 р. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ и во всѣхъ ея отдѣленіяхъ Главная контора и Редакція, въ Елисаветградѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1906** годъ

на политическую, общественную, литературную и экономическую газету

„ПОЛТАВЩИНА"

Газета **„Полтавщина"**, съ переходомъ къ новому издателю, выходитъ при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Будаговскій, Н. В. Бѣльскій, Н. А. Виташевскій, В. И. Василенко, В. Я. Головня, Е. Н. Гулькевичъ, А. А. Зиновьевъ, Я. К. Имшенецкій, В. Г. Короленко, Л. Г. Круповецкій, И. В. Лещенко, К. К. Лисовская, А. Н. Лисовскій, А. С. Ладонко, Л. Г. Левенталь, В. И. Маноцковъ (Другъ), И. Н. Присецкій, М. В. Рклицкій, Г. Г. Ротмистровъ, А. И. Смагинъ, Е. И. Сіяльскій, Ю. Ю. Соколовскій, С. Г. Семенченко, М. И. Сосновскій, Г. Е. Старицкій, В. Ф. Скальдъ, В. В. Тихоновичъ, М. И. Туганъ-Барановскій, С. К. Шарый, Д. О. Ярошевичъ, Л. Н. Яснопольскій.

Вслѣдствіе принятыхъ всѣми типографіями требованій рабочихъ о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ, газета „ПОЛТАВЩИНА" по понедѣльникамъ и послѣпраздничнымъ днямъ ВЫХОДИТЬ НЕ БУДЕТЪ.

Пріемъ подписки и объявленій производится въ главной конторѣ въ г. Полтавѣ, Мало-Петровская, д. Кандыбы, въ отдѣленіи въ г. Кременчугѣ, Городовая, уголъ Мѣщанской, кварт. д-ра Лихтенштейна, противъ аудиторіи, ходъ съ Городовой. Газета **„Полтавщина"** продается во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ полтавской губ., а равно во всѣхъ книжныхъ шкафахъ Х.-Н. и К.-П. жел. дорогъ.

Въ силу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, **„Полтавщина"** *можетъ быть выписываема въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.*

Условія подписки: на 12 мѣс. **6** р., на 11 м. **5** р. **70** к., на 10 м. **5** р. **40** к., на 9 м. **5** р., на 8 м. **4** р. **60** к., на 7 м. **4** р. **20** к., на 6 м. **3** р. **70** к., на 5 м. **3** р. **20** к., на 4 м. **2** р. **60** к., на 3 м. **2** р. на **2** м. **1** р. **35** к., на 1 м. **70** к. Разсрочка подписной платы: для годовыхъ подписчиковъ: 1 января, 1 апрѣля и 1 іюля по 2 рубля.

———

Громадська Думка

щоденна політична, економічна і літературна газета, виходить в Києві з 1-го січня (января) року 1906.

ГРОМАДСЬКА ДУМКА дає щоденний огляд життя політичного, громадсьлого, економічного і літературного на Україні, в Россіі й по чужих землях; звістки про всякі світові події, цікаві нашим людям; поезіі та оповідання, наукові фельетони і т. и.

В ГРОМАДСЬКІЙ ДУМЦІ досі згодились писати: проф. Антонович В., Балабуха С., Бондаренко Ів., Боржковський В., Василенко М., Верзилов А., Винниченко Вол., Волох С., Вороний., Ганейзер Е., Гнатюк В., Грінченко Б., Грінченко М. (Загірня) Григоренко Гр., проф. М. Грушевський, Грушевський Ол., Дмитрієв М., Дніпрова Чайка, Доманицький В., Дорошенко В., Дорошенко Д., Єфремовъ С., Жебуньов Л., Житецький П., Квасницький Є., Квітка К., Коваленко Гр., Козловський В., Комаров М., Комарова Г., Конощенко А., пр.-доц. Корчак-Чепурковський А., Коцюбинський М., Кошовий В., проф. Кримський А., Левіцький М., Леонтович В., Липа Ів., Липковський С., Лисенко М., Лісовський Ол., Лозинський М., Лотоцький Ол., Маковей О., Маркович Д., Матушевський Ф., Мирний П., Мировець В., Науменко В., Падалка Л., проф. Перетц В., Русова С., Русов О., Самійленко В. (Сивенький), Славінський М., Сластьон О., Смуток П. Степаненко В., Тимченко Є., Туган-Барановський М., Франко Ів., Чернявський М., Чикаленко Є., Шраг І., Ярошевський Б. Яновська Л. та инші.

Ціна газети **Громадська Думка** на рік **4** карб., на пів року **2** карб., на 3 місяці **1** карб., на **1** місяць **50** коп. з пересилкою. За кордон на рік **9** карб., на пів року **4** карб. **50** коп.

Громадська Думка виходить що-дня, окрім понеділків та після свят. Адреса редакції **Громадської Думки** — у Києві, Михайлівська у., ч. 10.

Видає і за редакцію відповідає *Володимир Леонтович.*

НОВА ГРОМАДА

літературно-науковий місячник, почне виходити з січня року 1906.

НОВА ГРОМАДА міститиме твори красного письменства (поезіі, оповидання, повісти, драматичні твори), наукові й публіцистичні статі, огляди політичного і громадського життя на Україні й по-за ії межами і т. и. НОВА ГРОМАДА має тих самих співробітників, що і Громадська Думка; виходитиме що-місяца книжками по 10 аркушів друку.

Ціна з пересылкою на рік **6** карб., за кордон — **8** карб. **50** коп., окремо книжка коштує **75** коп.

Адреса редакції НОВА ГРОМАДА — в Києві, Михайлівська ул., ч. 10.

Видає і за редакцію відповідає *Володимир Леонтович.*

Передплачувати ГРОМАДСЬКУ ДУМКУ і НОВУ ГРОМАДУ можна також в книгарні „Кіевской Старины", у Києві, Безаківська ул. ч. 14 і в конторі газети „Русь", у д. Компанійця, Хрещатик, ч. 54. Там же можна брати газету і на комісійний продаж.

В Львові видання можна можна передплачувати в книгарні Наукового товариства ім. Шевченка, ул. Чарнецького, 26.

1—3

Товариші Українці!

І сїчня (января) нового року

має вийти у Петербурзі

ПОЛІТИЧНО-ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ МІСЯЧНИК:

„Вільна Україна".

Завданнє часописі: допомогти українському сельскому та міському пролетаріятові зрозуміти своє клясове становисько, допомогти йому стати на певний шлях клясової боротьби з' утисками власників капіталу та землі; розбудити думкі про соціялістичний ідеал людського житте, повести до соціялізму.

Аби перевести до життя се завданнє **„Вільна Україна„** мусить лічитись з' національними рисами українського пролетаріяту: клясова свідомість його може бути осягнена найшвидче, найліпше шляхом розвою на підставах національних та економичних окремостей України.

Взглядно сього „Вільна Україна" використує по змозі всі слушні фактори, що можуть сприяти поступу клясової свідомости на Україні.

Редакцийне товариство прохає спочуваючих товаришів досилати статї, кореспонденциї з селянського та міського життя.

Передплата з' пересилкою на рік: у Росиї— 3 карбованцї; 1/2 року 1 кар. 80 к.; в' інши держави на рік 5 кар.

Передплатні гроші прохаємс досилати на адресу: Невський, 139, помешканнє 60, **А. Я. Шабленко**. Редакція там же.

Редактор-видавець *А. Я. Шабленко.* Редактор *І. Д. Личко.*

1—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

литературно-политическую, экономическую и общественную газету

„КІЕВСКІЕ ОТКЛИКИ"

(Третій годъ изданія)

Газета выходить въ форматѣ и по программѣ большихъ столичн. изданій, Интересамъ и нуждамъ мѣстнаго края „Кіевскіе Отклики" удѣляютъ особое вниманіе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: В. Ф. Александровскій, проф. В. Г. Бажаевъ, Е. И. Бронштейнъ. И. К. Брусиловскій, Н. Бѣлозерскій, Е. И.

Булгакова, проф. С. Н. Булгаковъ, Е. Г. Бердяева, Н. А. Бердяевъ, С. А. Бердяевъ, С. А. Буда, проф. Ю. Н. Вагнеръ, Л. В. Василевскій, В. И. Василенко, Н. П. Василенко, В. В. Водовозовъ, М. Е. Волошинъ. М. Т. Волынскій, Л. Н. Войтоловскій, П. А. Гармашевъ, Н. Л. Геккеръ. М. И. Генинъ, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, Б. Д. Гринченко, Я. С. Гольденвейзеръ, С. И. Гусевъ-Оренбургскій, проф. М. В. Довнаръ Запольскій, Н. С. Долинскій, С. И. Дрелингъ, Ю. М. Древницкій, Н. П. Дружининъ, Ф. Н. Еремѣевъ, С. А. Ефремовъ, проф. В. Я. Желѣзновъ, Г. К. Житомирскій, М. Д. Загряцковъ, А. В. Заремба, И. В. Ивановъ., проф. С. А. Ивановъ, А. С. Изгоевъ, В. С. Илличъ-Свитычъ, Я. К. Имшенецкій, Н. В. Калишевичъ, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, Г. А. Коваленко, А. Ковровъ, В. Г. Короленко, В. С. Кульженко, Е. А. Кивлицкій, Ю. Н. Лавриновичъ, М. К. Лемке, Ф. Д. Липманъ, Л. С. Личковъ, С. Г. Лозинскій, Т. В. Локоть, М. В. Лучицкая, проф. И. В. Лучицкій, А. Д. Марголинъ, Л. Н. Маресссъ, М. М. Могилянскій, И. А. Новиковъ, Т. И. Осадчій, К. М. Панкѣевъ, проф. В. Н. Перетцъ, М. Б. Ратнеръ, А. П. Рузскій, проф. Д. П. Рузскій, Н. П. Рузскій, А. Ф. Салик вскій, В. И. Семевскій, М. А. Славинскій, А. А. Сливинскій, Н. П. Стародворскій, И. М. Стешенко, прив. доц. Моск. унив. Б. И. Сыромятниковъ (сотруд. „Рус. Вѣд.“), прив.-доц. Е. В. Тарле. Н. И. Тимковскій, П. А. Тулубъ, А. Я. Тэзи, Л. Л. Фельдзеръ. В. М. Хижняковъ, Л. И. Шестовъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, Л. Н. Яснопольскій, Б. К. Яновскій, А. И. Ярошевичъ и др.

О наиболѣе важныхъ событіяхъ государственной общественной и литературной жизни „КІЕВСКІЕ ОТКЛИКИ“ ежедневно получаютъ сообщенія изъ Петербурга, Москвы и Варшавы по телеграфу отъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ.

„Кіевскіе Отклики“ имѣютъ также корреспондентовъ въ Парижѣ Вѣнѣ, Берлинѣ Лондонѣ и др. европейскихъ центрахъ.

Подписная цѣна на „Кіевскіе Отклики“.

	На годъ	на 6 мѣс.	на 3 мѣс.	на 2 мѣс.	на 1 мѣс.
1) съ доставкой и пересылкой	**8 р.**	**4 р. 50 к.**	**2 р. 50 к.**	**1 р. 75 к.**	**—р. 90 к.**
2) За границу	**14 р.**	**7 р. 25 к.**	**3 р. 75 к.**	**3 р.—к.**	**1 р. 50 к.**

При непосредственномъ обращеніи въ главную контору г.г. студенты и учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также учителя народныхъ училищъ, лица сельскаго духовенства, крестьяне и рабочіе уплачиваютъ за газету 75 коп. въ мѣсяцъ.

Льготная подписка у комиссіонеровъ недѣйствительна.

За перемѣну адреса иногородніе подписчики уплачиваютъ 30 коп. а городскіе, переходя въ иногородніе—50 коп. При перемѣнѣ адреса или при возобновленіи подписки просятъ указывать свой прежній адресъ. ☛ Для гг. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ лишь условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не чрезъ комиссіонеровъ: для иногороднихъ и городскихъ съ доставкою: по 1 рублю въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ, или при подпискѣ—3 р., къ 1-му Мая—3 р. и къ 1 Сентября—2 р.

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ,** а новые подписчики, выписывающіе также (за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.) **первыя 10 книгъ Салтыкова-Щедрина за 1905 г.,** получатъ ихъ при первомъ № „Нивы“ 1906 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1906 годъ
(37-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1906 года:

52 №№ художеств.-литературнаго журнала **„НИВА“,** заключающаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы; гравюры, рисунки и иллюстраціи современ. событій.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, **на хорошо глазированной бумагѣ** и содержащихъ:

ОСТАЛЬНЫЯ **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ**
30 КНИГЪ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

(„Сказки“, „Мелочи жизни“, „Благонамѣренныя рѣчи“, „Господа Ташкентцы“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Письма къ тетенькѣ“ и мн. друг. Войдутъ также не помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ три сказки и комедія „Смерть Пазухина“).

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

ПЕРВЫЯ **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ**
10 КНИГЪ К. М. СТАНЮКОВИЧА

(въ которыя войдутъ „Морскіе разсказы“, романы: „Безъ исхода“, „Два брата“ и рядъ разсказовъ), подъ редакціей и съ біографич. очеркомъ **П. В. Быкова.**

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

12 КНИГЪ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

12 №№ **„Парижскихъ модъ“.** До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на **1906** годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—**6 р. 50 к.** съ доставкой—**7 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—**7 р. 25 к.**; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—**7 р. 50 к.**

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . 8 р.
За границу—**12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1906 г. со всѣми ея приложеніями, еще **ПЕРВЫЯ 10 книгъ соч САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА за 1905 г.,** доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ СПБ.—1 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—2 руб.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **безплатно.**

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Желающимъ ознакомиться съ изданіемъ, газета высылается по присылкѣ адреса.

Доставляющіе подписку книжные магазины, земскіе склады и управы, частныя и общественныя библіотеки, потребительныя общества, газетные кіоски и бюро, агенты по пріему подписки въ разныхъ учрежденіяхъ могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 10 проц. съ подписной цѣны каждаго экземпляра. За объявленія и продажу газеты въ розницу уступка по особому соглашенію съ конторою.

Редакція и главная контора находятся: въ Кіевѣ, Прорѣзная ул. (уголъ Музыкальнаго переулка) № 4. Телефонъ № 589.

1—2

„ЖУПЕЛЪ".

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.

Въ журналѣ принимаютъ постоянное участіе:

Художники: Л. С. Бакстъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинъ, А. Галленъ, И. Э. Грабарь, З. И. Гржебинъ, М. В. Добужинскій, С. В. Ивановъ, Е. Ернефельдъ, В. В. Каррикъ, Д. Н. Кардовскій, Е. Е. Лансере, А. Е. Линдеманъ, Е. К. Маковская, А. П. Остроумова, Л. О. Пастернакъ, Сааринень, К. А. Сомовъ, К. А. Сѣровъ, П. Е. Щербовъ.

Писатели: Леонидъ Андреевъ, Н. П. Ашешовъ, К. Д. Бальмонтъ, И. Бунинъ, Ю. И. Безродня, Вевичъ, Е. А. Ганейзеръ, А. Г. Горнфельдъ, М. Горькій, М. И. Ганфманъ, В. Жаботинскій, А. Р. Кугель, А. И. Купринъ, А. А. Лукашевичъ, А. П. Нурокъ, П. М. Рейснеръ, Л. Ф. Пантелѣевъ, Б. А. Петрищевъ, С. Д. Протопоповъ, В. Рыжовъ, Скиталецъ, П. Н. Троянекій, Тэффи, Е. Н. Чириковъ, О. Н. Чюмина, Д. В. Философовъ, П. Е. Щеголевъ, М. А. Энгельгардтъ, А. М. Ѳедоровъ, С. Юрицынъ, А. А. Яблоновскій.

Первый № выйдетъ 26 ноября.

Художественный и литературный матеріалъ просятъ направлять въ Редакцію „ЖУПЕЛА"—Невскій пр. 90.

Подписка принимается въ конторѣ „Сына Отечества". (Невскій проспектъ 90).

Цѣна **8** рублей—въ годъ, **4** р.—въ полгода, **75** к.—до конца 1905 г.

Отдѣльные номера 15 коп.

Редакторы: *З. И. Гржебинъ.* *Е. Н. Чириковъ.* Издатель *С. П. Юрицынъ.*

2—2

Отъ Редакціи.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ будетъ выходить въ 1906 г. по нѣсколько измѣненной программѣ, о чемъ сказано въ началѣ этой книги, около 15-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 10 листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1906 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Годовымъ подписчикамъ дѣлается скидка 30%. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905, по **6 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **7 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**